

В. В. КРАЕВСКИЙ

СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ

Опыт документальной автобиографии

2009

Памяти моих дорогих –
Надежды Тимофеевны Краевской,
которой выпало всё это пережить,
и мученика революции Виктора Леоновича Краевского.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Долго я собирался, по многочисленным просьбам трудящихся поблизости от меня друзей и знакомых написать мемуары, чтобы осталось на память то, о чём я им время от времени рассказывал под настроение и под хорошую закуску. Когда же сам почувствовал – пора и принялся за дело, мемуары не получились. Вышло ни то, ни сё, смешение жанров. Как оно, собственно, и было в моей жизни и в судьбе моего поколения – все перепуталось: и автобиография, и история, и персональная ретроспекция, и рефлексия, то есть просто не привязанные к хронике размышления. Воспоминания и мысли о них принялись скакать как блохи, а потом стали разбегаться как тараканы. Попытки их обуздать и направить в единое логическое русло оказались тщетными. Отказались они маршировать по приказу, и всё как есть вывалилось на бумагу (на дисплей). По ходу изложения пришлось расставить метки – рубрики, чтобы понятно было, о чём пойдёт речь. Но всё равно терпеливому читателю придётся самому разбираться в сплетениях фактов, чувств и мыслей, которые за восемьдесят лет обрушились на мою голову. А нетерпеливому лучше и не читать. Ничего он здесь не найдёт в чистом виде.

Вот о чём хочу предупредить того, кто всё же пустится в плавание по этим страницам.

***

Жизнь прожить – что поле перейти. Не простое, а заминированное. Ловушки и засады тормозят движение, и каждый шаг смотрится чуть ли не как подвиг. Напрашивается такое начало рассказа о жизни: "В наше непростое время..." Наше или не наше, но когда оно было простым, не упомяну. Как щепка ныряет и выплывает в волнах, так и человек барахтается в реке времени, которое прямо на глазах застывает, становится историей. История – дама серьёзная. Хотя... не с дамой бы её сравнивать, а с пьяным мужиком, идущим по лесу напролом и оставляющим после себя бурелом. Что ему муравейник? Наступил сапогом, и вот уже нет муравьиных семей с их планами на светлое будущее, на тихую жизнь в уютных норках. Из раскупоренной бутылки пролилась отрава – и вот интоксцирован весь муравейник. Лучше сказать – индоктринирован, что то же самое. Схватились муравей с муравьём в смертельной схватке. Вихри враждебные веют над ними. Ныне сами эти насекомые стали несерьёзные, пугливые, не похожие на термитов, которые и сами

горазды порушить чужое гнёздо. Спасаются обитатели непрочного жилища присловьем "от меня ничего не зависит". Столько раз звучала эта фраза-заклинание, что и в самом деле перестало зависеть.

Мы историю не пишем. Но уйти от неё некуда. Трудно спорить с максимальной насчёт того, что она ничему не учит. Груды есть тому подтверждений. И о граблях, на которые регулярно наступают, тоже верно. Но есть вторая часть того же изречения: история ничему не учит, но наказывает тех, кто у неё не учится. Будем надеяться. И начнём повествование – о насекомом из тронутого отравой муравейника, пытающемся стряхнуть с себя оцепенение.

Автобиографию мы тоже не пишем. Сам по себе автор большого интереса не представляет. Человек, как все, с обычными очертаниями – голова, туловище, конечности. В меру нервный, в меру спокойный, в меру добрый, в меру злой, что-то умеет, а что-то ему не дано. Ничего особенного. А вот обрамление, то есть окружающая действительность, данная автору в ощущении – другое дело. В ней немало забавного, весёлого и ужасного, да ещё и растянувшегося на много лет, да еще и ходящего кругами, повторяющегося то как трагедия, то как фарс, то опять как трагедия и далее со всеми остановками. Давал я знакомым попробовать, какое получается блюдо. Говорят, вот зря трагедия растянута. Читать будет скучно, и так всё известно. Поднадоело. Ну, это как сказать. Кому известно, а кому нет. По объективной статистике, оказывается, 53% моих соседей хотели бы воскресить Людоеда, которому ещё и в учебнике для средней школы выдают комплимент – дескать, успешный был менеджер. И совсем уже скандальным образом в 2008 (!) году, то есть в двадцать первом веке этот менеджер вышел на первое место в номинации "Имя России". Потом, правда, организаторы засуетились и сдвинули его на второе-третье места, но сам факт..., Нет, уж потерпите. Тут всего намешано, и смех, и слёзы. Не будем высвечивать что-то одно, а вместо прожектора повесим люстру. Если окажется, что чего-то больше, чем другого, значит, так оно и было. Чтобы не быть голословным, привожу документы. Можно, пожалуй, всё же считать мой рассказ документальной автобиографией.

Итак, муравей осмотрелся вокруг себя и пошёл разводить узоры. Что застряло в памяти, то и пролилось на бумагу. Говоря попросту, это дискурс, причём лонгитюдный, растянутый во времени. Он и ностальгический, поскольку так естественно со сладкой тоской выстраивать ретроспекцию, вспоминать о прошлом. Напомню, однако, что пишет не Шекспир, а муравей. В его безумье нет системы. Эти записки – узоры на песке. Может быть, завтра следы сдует ветер. Может быть, послезавтра. Об оставившем их я и не говорю.

Наверное, стóит вначале дать очень краткий обзор жизненного поля, на котором появился предмет нашего повествования, чтобы понятно было, о ком и о чём пойдёт речь. Воспользуемся для этого обложкой сборника стихов (?) вроде бы серьёзного человека, научного работника, изданных в 2008 году Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов. Вот что там можно прочитать.

КРАЕВСКИЙ Володар Викторович, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО, академик Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Родился 23 июня 1926 года в Самаре. Окончил Куйбышевский пединститут. Трудиться начал с 1948 года – учителем средней школы, потом работал школьным инспектором, редактором методического журнала. В АПН СССР – Российской Академии образования заведовал лабораторией дидактики, кафедрой педагогики Института повышения квалификации. С 1993 по 2004 год – академик-секретарь Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО.

Автор 335 научных публикаций по вопросам методологии педагогики, дидактики,

педагогического образования, многие из которых изданы за рубежом. В числе наиболее известных – "Общие основы педагогики" и "Методология педагогики: новый этап" (М., 2008), "Проблемы научного обоснования обучения (методологический анализ)" (М., 1977), "Человеческий фактор в жизни и в педагогике" (Педагогика, 2006, № 3).

Начнём с одного из напечатанных в сборнике стихотворений.

КОЛЁСА ИСТОРИИ

Не знаешь, когда родиться,
Чтобы не ошибиться.
Сначала – под одно колесо,
Потом – под другое.
То под Гражданское, то под Отечественное занесло,
То еще под какое.
То тридцатые гробовые,
То сороковые грозовые.
Вокруг да около,
Молод ли, стар –
То сталинские соколы,
То базар.
То вообще перестройка.
Ну, куда деваться, куда убежать?!
Только и дел, что «смирно» стоять,
Под пинками-плевками стойко
Держать, как приказано, стойку.

1. НАЧАЛО

ПРИВЕТ! Я ЗДЕСЬ. Наш герой протиснулся на этот свет, или, как говорится, вошёл в мир погожим летним днём далёкого 1926-го года. Точнее, 23-го июня. Ничего выдающегося в малютке не замечалось, за исключением разве того, что трое суток после рождения он непрерывно рыдал, кричал и пачкал пелёнки, всеми доступными ему способами выражая неудовольствие по поводу появления на свет. Конечно, не мог он охватить своим крошечным разумом смысл жизни на Земле, но интуиция подсказывала, что ничего хорошего ждать не приходится. Так оно в конечном счёте и вышло. Дело было в Самаре, в роддоме на Полевой улице. Наконец, новорожденный весь посинел, и чуть было его не списали как усопшего. Однако неожиданно плач утих, и он, то есть я стал обозревать окружающую действительность. Сказать, что увидел, не берусь за давностью лет.

Спешу ответить на неизбежно возникающий вопрос: почему я Володар? Никого ещё не было, кто бы мне его не задал, иногда сразу, иногда чуть позже.

Никакой мистики или зова древнерусских предков. Очень просто. Мои родители, как дальше станет ясно, проникнутые коммунистическим духом, назвать ребёнка попросту считали вульгарным. Всё тогда было красным – «Красная газета», «Красный спорт», «Красный Треугольник», «Красный богатырь», «Красный Октябрь», «Красный Север», «Киноцентр Красный». Главная площадь страны тоже была красной. Правда, вначале красная по-старорусски означало красивая (красна девица – не обязательно комсомолка). Но орошать красным площадь начали задолго до большевиков. И даже по-иноземному её называют не belle или beautiful, а rouge и red.

Красным был и календарь. Заглянули родители в "Красный календарь", а там на двадцатые числа июня была записана гибель Володарского от руки террориста. Выстрелы были 20-го июня, о кончине видного деятеля революционного движения объявили 22-го. Так что не совсем тот самый день, но других деятелей поблизости от 23-го не оказалось. Впрочем, это не так важно, как то, что в наш век всеобщей информации выяснилось, что Володарский вовсе был не В. Володарский, а Моисей Маркович Гольдштейн. Но не переделывать же моё имя. Правда, мать потом говорила, что хотела меня назвать безыдейно – Костей. Но отец настаивал на модернизации и даже хотел назвать меня в стиле тех времён Наркомпросом (сам в то время работал по этой линии, в ГубОНО). Тогда случалось и хуже, например, девочку в одной суперреволюционной семье называли Даздрапёрма (Да здравствует Первое мая). Сошлись на Володарском.

Оговорю, что сомневаюсь в пользе подробных пояснений. Опыт показал, что всё равно на следующий день после знакомства, сколько ни объясняй, всё равно зовут меня Вольдемар, Владлен или Владислав.

Ранние воспоминания фрагментарны. Помню то, что и сейчас мне свойственно – крайнюю доверчивость, почти глупость, и вообще незащищённость, искусство ухитриться быть обманутым первым встречным.

Первое сильное переживание – падение на жестяную крышку из-под вакцины, носом прямо на её острый край. Остался небольшой шрам над губой, он и теперь заметен. Эта маленькая трагедия бросила отблеск на дальнейшее. Были другие раны, кровавее этой, но первая – самая незабываемая.

Второе случилось в городе Ульяновске, куда вскоре послали моего отца, партийного работника. Один дурак лет тринадцати, великовозрастный по моим понятиям, во дворе катал малышей, посадив их в тачку. Те были в восторге. А я зазевался, остался в стороне. Он мне и говорит: "Положи пальчик сюда, на доску". Я положил, а он по пальчику проехал тачкой. Палец оказался почти оторванным. От страха, боли и крови я вопил как полузarezанный. Сбежались взрослые, наказали идиота, а меня повели лечить. Пальчик перевязали. От этого тоже остался шрам.

Потом переехали в Самару, затем в Сталинград. Оттуда отца ненадолго перевели первым секретарём райкома в станицу Нижнечирская – шолоховские места. Только что закончилась коллективизация. Отца я не видел – он уходил и приходил, когда я спал. Там пошёл в первый класс. Мать тоже меня не видела – почти весь учебный год лечилась в Сталинграде. У неё была тяжёлая операция.

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ. До школы я прочитал почти всего Жюль Верна, Конан-Дойла, Беляева и прочих фантастов. В нашем доме жил дядя Володя, владелец всего этого богатства – книг и журналов того же направления. Он всё мне давал читать. Незаметно эта литература вводила мальчика в мировую культуру, откуда он так никогда и не вышел. Как хотите называйте это направление мыслей, только вряд ли оно могла стать славянофильским.

Научился читать я сам, из упрямства. Родители не хотели до школы морочить мне голову и читать не научили, хотя я просил.

Ну, раз так, научусь сам! И научился. Высмотрю, например, в газете колечко-кружок и бегу к тётке, сестре матери, которая меня воспитывала, как могла. Образованием не была обременена, но добрая была душа и меня любила до безумия. Спрашивал: "Это какая буква?" – "О". "А эта, с перекладной: –"П". Дело кончилось тем, что, явившись в первый класс и слушая, как учительница объясняет: "А вот это, дети, буква "А", я рассмеялся и ушёл. Мои последние слова: "Не буду тут сидеть. Я всё знаю". Одного я не знал – как эта глупость впоследствии отзовется, когда в очередной раз окажется, что не знаю почти ничего!

А пока приходил в школу только чтобы положить ноги на парту и запеть песню,

ожидая, когда прогонят. Завёл солидное знакомство с сыном другого местного начальника, пожалуй, поважнее моего отца – с отпрыском начальника районного НКВД. Новый приятель научил меня многому полезному – воровать яблоки в садах, дёргать девчонок за косы, а главное – курить. Отец курил самые по тем временам престижные папиросы – "Нашу марку". Бросал пачки где попало, а я брал папиросы понемногу и прятал их, как советовали в унисон Эдгар По и сэр Артур Конан-Дойл, на самом видном месте. На стене висел декоративный кармашек, украшенный черноморскими ракушками, и никому в голову не приходило в него заглянуть. А там-то как раз и хранились наши табачные запасы.

Незаметно подошёл к концу первый учебный год. Школьными науками я не занимался, поскольку был уверен, что если читать умею, то всё знаю. Других учебных предметов просто не заметил.

И вот приезжает мать, вполне оправившаяся от болезни. В те времена народ ещё не до конца был испорчен, и ей, жене главного районного начальника, учителя сказали всё как есть, отрезали правду-матку: "А знаете, мы ему аттестат за первый класс не дадим, потому что он у нас только числился". – "Как так?" – "А вот так – не учился, в школу не ходил". Мать пошла домой, чтобы со мной разобраться, а в это время мы с приятелем учинили сеанс курения в чулане нашего, хотя и деревянного, но большого двухэтажного дома. Дымок от папирос заметили. Нас схватили, и в этот момент подошла моя мать. "В чём дело?" – "А вот – курили". Мать ухватила меня за ухо и повлекла на разборку по совокупности: "Мало того, что в школу не ходил, так ещё и куришь!". Взяла ремень, и я испытал на опыте силу народной педагогики. Впоследствии мой друг, заведующий лабораторией методологии воспитания, Лев Гордин воспел этот метод в своём труде о поэзии порки. В книге можно было прочесть даже средневековую оду, воздающую хвалу розге.

Такое приглашение к беседе помогло выяснению отношений. Я поклялся, что никогда в жизни курить не буду (оказалось неправдой). А мать со мной занялась математикой, которую я в школе не заметил.

Тут опять переезд, и снова – в Сталинград. В школе по новому месту жительства потребовали аттестат за первый класс. А его, естественно, нет. Мать говорит: "Он зато прочитал целую библиотеку". Учительница Татьяна Александровна ко мне: "Как же так?" А что можно было сказать? Стою, молчу. Готовность к подвигам осталась в станице Нижнечирской, где мы геройствовали с приятелем, а сам по себе был я застенчив, как девушка. И телосложения довольно хрупкого. Татьяна Александровна была женой директора школы Ивана Ивановича Абрамова (сгинувшего перед большой войной за непростительный проступок в прошлом – участие во взятии Зимнего в памятную октябрьскую ночь 1917-го). Многое она решала сама.

Татьяна Александровна говорит: "Ладно, он мне нравится. Примем во второй класс условно. Если не потянет – переведём в первый". (Замечу, что от испуга я более чем потянул).

Так и решили. Пошли домой. Мать, несколько набравшись куражу, говорит; "За лето ты должен овладеть арифметикой в пределах первого класса. Если не сможешь, опять будешь первоклассником".

Я на всё был согласен. Купили нам билет второго класса в двухместную каюту на пароходе, идущем вверх по Волге, и поплыл я с мамой в город Горький (Нижний Новгород), где жила ещё одна мамина сестра. Наши родственники распространились по всей Волге.

Вот так отправились мы в гости. Пароход не спешил. Шлёпал по воде своими дощечками, плицами, будто хотел сбить масло из сметаны. Как это делается, можно посмотреть в картине "Волга-Волга". Там толчёт воду в Волге родной брат нашего корабля. Долго-долго боролся лайнер с течением, пока, через две недели, мы не добрались к Горькому. И всё это время меня обучали четырём действиям

арифметики. Я оказался довольно способным юношей и сравнительно быстро освоил три математических действия: сложение, вычитание и умножение. А вот деление никак не давалось, сколько мы ни бились.

Однажды, когда с этим непостижимым делением в очередной раз заклинило, я сбежал из-под опеки, пошёл проветриться и пустился в самостоятельную экскурсию по пароходу. Так я оказался в машинном отделении. Там, внизу, действовали кочегары, чёрные, как черти. Я смотрел большими глазами на происходящее. Особенно очаровал коленчатый вал, крутящий колесо. Кочегары, надолго оторванные от семьи, меня приласкали, как родного, совали конфеты и рассказывали, как что у них работает. Очень я был любопытен.

Вдруг из металлической трубы раздаётся голос капитана: "Левое колесо остановить, правое оставить". Это означало полный разворот. И пароход двинулся в обратном направлении, по течению. Я побежал на палубу посмотреть, как он разворачивается. Навстречу – мать! "Ах, вот ты где! Я всё обежала, ищу – куда пропал, что с тобой? Из-за тебя поворачивают пароход".

Оказалось, мать моя, нигде меня не найдя, пошла к капитану – дескать, мальчик пропал, наверняка за борт выпал. Разворачивает капитан своё судно и плывёт туда, где я, предположительно, плюхнулся в воду. Смотрят, не болтается ли моя дурная голова где-нибудь в волнах. А я в это время поднимаюсь наверх, и мать хватает меня за воротник.

Капитан, понятно, опять меняет курс и идёт прежним путём. Сильно похоже на случай с Томом Сойером.

Мать забирает меня в каюту и приступает к внушению не словом, но делом, второй раз в этом году. Я, конечно, громко протестую, кричу, что я ни при чём. "Нет, ты при чём, при чём!".

После наведения порядка опять меня засадили за математику. И – чудо! После бурных событий и предпринятого внушения в голове просветлело, и я вмиг овладел четвёртым арифметическим действием. Осенью пошёл во второй класс, был весь год послушным, благонравным, и по окончании получил аттестат с отличием.

Так я доказал свою профпригодность.

ПЕРСПЕКТИВА. Дальше потянулись годы государственных безобразий. На этом фоне не очень выпукло смотрится личная судьба. Но она всё равно была и есть, у каждого.

Отца моего, верного коммуниста, ленинца-сталинца, убирали из жизни не сразу. Сначала лишили поста главного редактора газеты "Борьба", потом уволили с должности директора областного книгоиздательства, перевели на место бухгалтера, потом понизили до счетовода. С этой точки он и начинал свой путь до революции.

Потом... Но об этом после. Здесь надо остановиться, чтобы рассказывать доказательно, пронзительно и не торопясь. Но предварительно сделаем отступление.

***

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ. БЕЗ МЕНЯ

Вообразите, милый читатель, этот мир, как он есть, с одним только изъяном – он существует без вас. Всё остальное есть, даже более или менее остаётся на своих местах – Луна, звёзды, реки, океаны, леса, бездельники, крокодилы, рестораны, продавцы и покупатели, стриптизёрши, профессора университетов и сами университеты. По-прежнему солнце всходит и заходит. Нет только вас.

Не получается? Попробуйте ещё раз. У меня получается плохо. Но если постараться, можно, оказывается, умственным усилием на какое-то время убрать себя с прилавка жизни, зная, что всё равно вернешься.

Итак, невероятно, но факт: было время, когда меня не было. Жили, однако, мои родителя и другие родственники. Дед мой Краевский Леон Александрович, в юности занимался на биологическом факультете Варшавского университета. Происходил он, как будто, из мелких шляхтичей. Взгляды имел прогрессивные. Рассказывают, что повздорил со своим отцом из-за рабочих, с которыми тот дурно обращался, и был свирепым родителем сдан жандармам, которые отправили его в ссылку вглубь России, в Уфимскую губернию. Дальше в роду никаких поляков не было, а в семье деда появились трое детей: Серафима, Капитолина и Виктор, мой отец. Правда, другие поляки через малое время оказались в России у руля: Феликс Дзержинский главарь ЧК, Андрей Вышинский, сталинский прокурор, Константин Рокоссовский (которому следователь НКВД выбил все зубы, впоследствии маршал) и другие. Но дед мой никакого отношения к ним не имел. И слава Богу.

Семью приютил богатый купец. Дед устроился у него садовником, и остальные тоже были заняты. Виктор овладел ремеслом счетовода, сестра Серафима нянчилась с детьми купца, другая сестра Капитолина, по молодости лет, просто жила за городом, в доме, отведенном купцом моему деду. Кроме них двоих жил в доме социалист-активист по фамилии Палчек, работавший поблизости, на заводе. Однажды навестил их гость. Визит можно было бы считать заурядным, и вряд ли он запомнился бы, если бы визитёр не стал впоследствии столь знаменит.

Однажды вечером, после работы, приходит Палчек не один, а с каким-то усатым дядькой и говорит: пусть товарищ поживёт у нас дня три, а потом он отправится дальше. Это мне рассказывала тётя моя Капитолина Леоновна спустя лет восемьдесят после события. У нас случайно разговор зашёл о фильме, в котором Петренко играл Сталина. Я картину ещё не видел и удивился, как может здоровенный мужик Петренко изображать тщедушного кремлёвского горца. Тётка меня заверила, что не такой уж он был убогий, и роста не самого мелкого. Так по прошествии многих лет выяснилось, что она с великим вождём встречалась задолго до того, как он стал гениалиссимусом.

Я же об этом пишу потому, что мы с этим персонажем ещё встретимся на страницах моего повествования. Обойти его в рассказе о тех временах невозможно. Он присутствовал везде и всегда, в дневных страхах и ночных кошмарах. По ночам люди прислушивались к шороху шин случайных автомобилей – пронесёт, или...?

Итак, собралась компания за ужином, побеседовала. О чём – тётя моя, за давностью лет, не запомнила. Утром её отец, мой дед, велел проводить гостя в малинник, где тот и провёл время до ужина. Прихватил он с собой для отдыха вместо дивана старый тулуп. Обед ему носила Капитолина, с которой он немного поговорил. "О чём?" – "Да так, обо всём. О себе рассказывал, о том, что отец у него был сапожник".

На четвёртый день гость исчез. Я сказал тётке: "Что же вы его вовремя не притормозили? Жандармов бы позвали. История, возможно, приняла бы другое направление". – "Ну, как можно! Отец был революционер. Они же были как братья".

Так история впервые подступила близко к нашей семье. К счастью, на тот раз без последствий. Деду повезло, что не дожил до 30-годов и не испытал на себе своеобразную благодарность вождя, имевшего память феноменальную. Никто не был забыт, ничто не забыто. Другие его благодетели и помощники в эти годы не выжили.

***

2. ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ

МЕЧ И ЩИТ. Дважды переименованный город Царицын-Сталинград-Волгоград растянулся вдоль Волги, и пересечь его центр от вокзала до набережной до войны

ничего не стоило. Как ни мал я был, а бегал по этому маршруту запросто и вблизи вокзала оказывался часто. Если в районе привокзальной площади был утром пораньше, наблюдал детским оком, как подбирали на улице, словно осенние листья, распухшие от голода трупы и бросали в грузовик. Страх не было – не меня касалось. Косила коса страдальцев из Украины, Поволжья и других смачных чернозёмных мест, на которые с особым свистом опустился меч коллективизации. А щит давно был в других руках. "Жить стало лучше, жить стало веселее" – знаменитая цитата из письма Дениса Лысенко, отца народного академика, адресованного отцу всех народов, органически вонзилась в речь адресата и была молниеносно растиражирована по стране. И ведь не поспоришь! Жить стало в самом деле нескучно. Никто не знал, где проснётся завтра и проснётся ли вообще.

Детский сектор веселился бесхитростно. Мой родитель не успевал менять казённую мебель (своего ничего не было). Где-то к 1936-му году оказался он на месте второго секретаря Баррикадного райкома ВКП (б). Собственно, весь район был территорией завода "Баррикады". Мы жили в шикарных апартаментах французского инженера, запустившего военное производство на заводе ещё до первой мировой. Огромная терраса выходила в сад. Как не воспользоваться такой сценой! Я сочинял какие-то пьески, и с приятелями мы их разыгрывали на этой террасе. Что можно было сочинить в мои одиннадцать неполных лет, память утаивает.

УСПЕХИ АГИТПРОПА. И вот – первая встреча с агитпропом и второй удар по наивности (о первом – см. выше). Взял меня отец на какой-то неординарный, праздничный, должно быть, концерт в заводском (он же районный) Доме культуры. Перед самым началом представления подбегает к нему человек из редакции заводской газеты с гранками очередного номера на подпись. И я ошалело читаю, как замечательно прошёл концерт, который ещё и не начинался, в каком восторге были зрители, которые ещё и на места не уселись. Так я познакомился с парадоксом времени, не из учебников физики, а из окружающей советской жизни.

Долго-долго моё поколение, за много лет до какого-либо намёка на компьютеризацию, окружала виртуальная жизнь. Выходили мы из окружения с фундаментальными потерями. Хорошо, если только с ушибами и синяками. Иные оставались без конечностей, зачастую и без головы. Хорошо, если в буквальном смысле, но случалось – переносном. Это о них в славные девяностые в "Литературной газете" был напечатан стишок Владимира Орлова:

Под красным знаменем старик
По улице идёт.
Абрам не просто большевик –
Он просто идиот.

А чуть раньше, в восьмидесятые, в отместку приставучему пенсионеру, донимавшему редакцию той же газеты требованиями его напечатать, опубликовали для всеобщего обозрения его стихи:

Наша родина прекрасна
И цветёт, как маков цвет.
Окромя явлений счастья
Никаких явлений нет.

Теперь представьте себе голову, вмещающую и то, и другое!

ПЕРВАЯ КАТЕГОРИЯ. Забавно, на какую ерунду приходится подчас расходовать накопленный капитал. Капитал в широком смысле. Накопил я драгоценное умение

читать и писать, а, взяв в руки карандаш – даже рисовать. Рисунки были похожи на пушкинские, по стилю, а не по качеству. Путём изрядной тренировки научился одним росчерком выводить профиль в кепочке любимейшего моего героя – товарища Сталина. Многократно наблюдая, как лихо на красивой бумаге ставят подписи окрестные партбюрократы, наработал в свои двенадцать лет собственную закорючку, которую сохранил до сего времени.

Читал всё подряд, в том числе газеты. Совсем незадолго до кончины великого пролетарского гуманиста Пешкова-Горького прочитал его статью "Если враг не сдаётся, его уничтожают". Улицы и дома городов и селений родины всех трудящихся кишели врагами. Разъярённые пролетарии на многотысячных собраниях ревели: "Расстрелять, как бешеных собак!" Бешеными собаками "оказались" их недавние начальники. Превращение совершалось, как говорят англичане, overnight. То есть за одну ночь. Утром просыпаешься – здра-а-а-ссьте вам!

В школе терзали учебники новейшей истории. Приходила учительница и велела вырвать страницу из учебника, на которой вальжно расположились маршалы В.К.Блюхер, А.И.Егоров и другие им подобные. Не заметно по портрету, чтобы Василий Константинович Блюхер, знаменитый советский полководец, герой гражданской войны на Дальнем Востоке, предчувствовал, что недалёк день, когда он умрёт под пытками, а напоследок у него вырвут глаз. Но, напомню, мы историю не пишем. Пусть маршалы пока остаются на страницах нашего повествования.

Бессонные труженики-чекисты брали на себя повышенные обязательства по отстрелу врагов, но всё равно всех истребить никак не удавалось. Их вице-вождь Николай Иванович Ежов, делегированный великим вождём на энкавэdistское поприще, впоследствии каялся, что "недостаточно почистил" население. Потом его и самого почистили. Повышенные обязательства отразились в документах, дошедших до наших дней. Вот, например, как соревновались и выдвигали встречные планы обладатели горячего сердца, холодной головы и чистых рук.

***

4/25

тов. Ежову.
1937 г.

Выписка из протокола № 54 заседания Политбюро ЦК ВКП (б)

Решение от 24. 1X 1937 г.

1. Об антисоветских элементах.
(ПБ от 11.УП.37 г., пр. 1, п. 212).

В целях очистки Армении от антисоветских элементов, разрешить ЦК КП (б) Армении увеличить количество репрессированных по первой категории на 1500 человек.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Может быть, теперь стало яснее, кто и когда развалил СССР. В те времена, когда всё описанное происходило, участники застолья в Беловежской Пуще ходили под стол пешком. Но уже в те времена дожидаться первой категории, независимо от

национальности, никому не хотелось.

Скажу об этой категории, если кто не в курсе. Первая категория – милосердие. Причисляемые к ней долго не мучились. У второй категории была отсрочка на лесоповал, добычу урана и т.п.

А вот и собственноручная записка лучшего друга физкультурников (колхозников, шахтёров, архитекторов) товарища Сталина: "Дать дополнительно Красноярскому Краю 6600 чел. лимита по I-ой категории".

Школьники наших дней знают автора записочки как эффективного менеджера – по характеристике, которую ему дают разработчики учебника истории, опубликованного в 2008 году. Насчёт эффективности не поспоришь.

Лимит – заранее определённое количество виновных в том, что каннибалам захотелось покушать. Вопрос: почему 6600? Ещё одну шестёрку прибавить – и было бы Число Зверя: "И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя (Библия. Откровение Иоанна Богослова)".

Что-то, кажется, напоминают эти слова?

Были и другие числа с трупным запахом, – всё было мало!

***

Забылось многое. Например, то, что начались эти дела не в 1937-м. И не в 1938-м кончились. И то, что коса ходила не только по начальственным головам. Ставили к стенке и тех, кто слова "шпион" не знал, не умел выговорить. Из огромного списка возьмем вместе с номерами три фамилии расстрелянных "шпионов" под Ленинградом, на Левашовской пустоши:

«4508. Лавров Александр Кириллович, 1889 года рождения, уроженец и житель д. Прямяково Кадуйского района Ленинградской области, беспартийный, русский, чернорабочий на кадуйском ягодно-экстрактном заводе. Приговор приведен в исполнение в сентябре 1937 года.

4511. Яковлев Алексей Яковлевич, 1872 года рождения, уроженец д. Харламово Палкинского района Псковского округа Ленинградской области, беспартийный, русский, проживал в д. Вяжище Плюсского района Ленинградской области, на иждивении сыновей. Приговор приведен в исполнение в сентябре 1937 года.

4512. Федосеев Алексей Александрович, 1887 года рождения, уроженец и житель д. Якунино Череповецкого района Ленинградской области, беспартийный, русский, мастер кирпичного завода Горкомхоза. Приговор приведен в исполнение в сентябре 1937 года».

И так далее.

Театр абсурда ставил всё новые шедевры. В Ленинграде расстреляли почти всех членов Общества глухонемых за шпионаж и антисоветскую пропаганду. Смешно? Если смешно, смейтесь. Без меня.

***

Рассказ И.Я.Лернера (1917-1996 гг.), доктора педагогических наук, профессора, действительного члена Российской академии образования, о той эпохе:

"...Нас, шестьдесят человек, втокнули в комнатушку, предназначенную для десяти-пятнадцати. Можно было только стоять, днём и ночью. Для расчистки жизненного пространства каждое утро приходила Смерть в образе конвоира с автоматом в руках и револьвером в кобуре. Смерть окидывала взглядом сжавшихся в ужасе людей и тыкала пальцем: ты, ты и ты. Отобранные выходили на мороз и

почти сразу раздавались три выстрела...".

***

A PROPOS. Юрист инвестиционного фонда «Hermitage» Сергей Магнитский скончался в понедельник вечером 16.11.2009 г. в больнице следственного изолятора «Матросская Тишина». Туда он был переведен утром из СИЗО №2, более известном как Бутырка. Там он провел пять месяцев. Сергей Магнитский утверждал, что «в тюрьму сел здоровым человеком».

«В камеру сборного отделения площадью 20-22 метра без окон и вентиляции могут поместить 70 человек, так что не только присесть, но и стоять бывает негде. Многие курят, дышать очень трудно, в камере есть туалет никак не огороженный от остальной части».

Несколько дней Сергей Магнитский находился в камере по щиколотку затопленной сточными водами: «Нам приходилось передвигаться по кроватям как обезьянам. На все жалобы администрация отмачивалась. Даже пришедший спустя сутки сантехник возмущался условиями, в которых нам приходилось находиться. Перевели нас в другую камеру только спустя 35 часов после прорыва канализации...

...В камере №35 не было стекол, в камере № 61 даже оконных рам. Мы подали жалобу на то, что из-за холода мы все простудились. Оконные рамы были вставлены спустя 10 дней. Окна оказались одинарными и мы понимали, что с наступлением холодов они нас не спасут».

Несмотря на этот тюремный отчет, наличие жалоб, ходатайств, обращений к генпрокурору и Следственный комитет о «неоказании медицинской помощи и бесчеловечных условиях содержания», официальные лица не спешат комментировать причины смерти Магнитского. Представитель Следственного комитета при МВД Ирина Дудукина настойчиво отрицает «наличие жалоб в уголовном деле» и утверждает, что подследственный умер в «результате острой сердечно-сосудистой недостаточности».

(«Новая газета», № 124 от 20 ноября 2009)

***

«На одном из заседаний суда он пожаловался ... в те дни, когда они идут на суд, им не дают горячей пищи. Он попросил стакан горячей воды. Прокурор сказал: «У меня нет справки о том, что вы нуждаетесь в особом питании». Разве это особое питание – налить человеку стакан горячей воды для того, чтобы заварить ту кашу или пюре, которое ему выдали сухим пайком?»

(Н.Н.Магнитская, мать С.Магнитского, в передаче «Особое мнение», «Эхо Москвы», 23.11.2009)

***

A PROPOS. 25.11.2009 08:33 : Кузьминский суд Москвы рассмотрит сегодня вопрос об аресте бывшего сотрудника оперативного полка ГУВД Москвы Анвера Ибрагимова. Его подозревают в том, что он в понедельник вечером избил двух мужчин на юго-востоке столицы, в результате чего один из них скончался.

По словам очевидцев, трое милиционеров в бушлатах стали избивать Эдуарда Гурцкая и его приятеля Давида Джомидаву дубинками. Джомидава вырвался и сбежал, а второму уроженцу Абхазии милиционер выбил передние зубы, ударил головой об забор и нанес многочисленные удары дубинкой. После этого

милиционеры ушли. Однако в тот же вечер их задержали у метро «Выхино». Как оказалось, все трое были в состоянии алкогольного опьянения. Гурцкая смог пройти несколько метров до аптеки, а затем скончался на руках у одного из торговцев.

По данным источника Infox.ru в правоохранительных органах, причиной убийства стала жажда наживы. «Трое напились и пошли зарабатывать деньги — проверять документы. Пристали к приезжему, — рассказал Infox.ru другой источник в правоохранительных органах. — Двое в форме были с палками (дубинками. — Infox.ru), один — в гражданском. Проверяли документы, а приезжий сказал, что денег у него нет. Они разозлились и начали его избивать милицейскими дубинками».

«Это убийство является ясным подтверждением того, что ксенофобия в России — привычное явление, а преступления на этнической почве в отношении национальных меньшинств и кавказцев в равной степени совершают скинхеды и действующая похожими с ними методами российская милиция», — заявили в министерстве иностранных дел Грузии. В МИДе также сообщили: «Жертва убийства Эдуард Гурцкая был беженцем из Абхазии. Россия сначала отняла у него родину, а затем — жизнь. Кремль называет это «дружбой между народами».

***

26.11.2009.: В Санкт-Петербурге задержан милиционер патрульно-постовой службы, при задержании ударивший мужчину, который затем умер в больнице

Как сообщает РБК, милиционер задержал местного жителя за распитие спиртных напитков. При этом правоохранитель ударил мужчину ногой в живот. От этой травмы мужчина скончался. Решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

***

Вот они, грабли, на которые наступаем. В наши дни немало говорят и пишут, даже в учебниках истории, о неимоверной пользе репрессий 30-х – 40-х годов. Без них, говорят, нипочём бы нам не победить в большой войне. Да уж...

***

БОЧКА ИЛИ ЛОЖКА ДЕГТЯ? АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. Вот заочный разговор трёх академиков вокруг одного и того же.

Первый академик. Читаем предисловие к сборнику «Российская Академия образования. 1943 – 2003.», выпущенному под общей редакцией президента РАО Н.Д.Никандрова по случаю юбилея РАО: «Это годы репрессий, в которых пострадали миллионы людей, в том числе ни в чём не виноватых [выделено мной. В.К.], с. 3». То есть, вообще-то почти все были виноваты, но кое-кто случайно оказался не виноват... Любой юрист скажет: среди жертв репрессий виновных быть не может в принципе, поскольку сами репрессии – преступление, и виновны не жертвы, а организаторы репрессий. Если они рядятся в одежды закона, иногда в мясорубку могут попасть и виновные.

Второй академик. О "в том числе виноватых" можно прочитать в книге академика РАО И.В.Бестужева-Лады. Речь идёт об уголовниках и действительно уличенных в диверсионной деятельности: «Но ведь это же ничтожная доля процента от миллионов невинно пострадавших» (И.В.Бестужев-Лада, академик РАО. Открывая Высоцкого...М., 2001. С.224). Как говорится, почувствуйте разницу.

Третий академик – академик РАН А.Н.Яковлев: «По далеко не полным данным...

за так называемые контрреволюционные преступления только в период с 1921 по 1953 год было арестовано 5 951 364 человека... С 1936 по 1961 год репрессировано по национальному признаку 3,5 миллиона человек... Только по Российской Федерации с 1923 по 1953 год, по неполным данным, общая численность осужденных составляла более 41 миллиона человек. Среди них [«в том числе»!] были люди, совершившие уголовные преступления. Но и миллионы тех, кто был лишен свободы за опоздания на работу, за невыполнение нормы трудодней в колхозах и т. п.». По указам от 26 июня 1940 года и 15 апреля 1942 года за эти проступки в 1940 году было осуждено более 2 миллионов человек, в 1946-м - 1,2 миллиона; в 1947-м - более 938 тысяч и т. д. Даже в 1953 году по этим статьям осудили более 308 тысяч человек. В целом за послевоенные годы за опоздания на работу и невыполнение нормы трудодней было осуждено более 6 миллионов человек" (Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, с. 217).

"...Начальник НКВД в Донецкой области Чистов, получив очередную информацию о том, что в той или иной области вскрыт какой-то «центр», неважно какой, сам разрабатывал схему аналогичного центра, намечал его состав, руководителей, филиалы и давал задания производить аресты и получать от арестованных соответствующие признания. Таким путем были «вскрыты» украинский, польский, ровсовский (белогвардейский), немецкий, махновский, сионистский националистические центры и несколько троцкистских. Большинство арестованных было расстреляно.

Для того чтобы выполнить лимиты по расстрелам, работники НКВД в Вологодской области выехали в исправительную колонию, сочинили там протоколы допросов 84 заключенных с признаниями их антисоветской деятельности. Выдавая себя за комиссию по отбору заключенных на работу в другие лагеря, каратели уговорили заключенных подписать эти протоколы. Все 84 заключенных были расстреляны. В Ленинграде в августе – ноябре 1937 года по одному делу арестовали 53 человека, в том числе 51 глухонемого, обвинив их в подготовке террористических актов против Жданова, Молотова и Сталина. По решению «тройки» все они были осуждены, причем 34 – к расстрелу. В декабре 1937 года охрана лагеря Беломорско-Балтийского комбината под видом устранения недочетов в конвоировании заключенных составила акты на тех из них, кто был официально расконвоирован. Их обвинили в побегах, сфальсифицировали соответствующие акты и расстреляли.

Преступное самодурство доходило до того, что некоторые начальники областного масштаба лично давали указания о расстрелах без суда и следствия. Так, начальник управления НКВД по Житомирской области Вяткин самолично распорядился расстрелять свыше четырех тысяч арестованных, среди которых были беременные женщины и несовершеннолетние дети.

В карательных органах существовала практика соревнования по репрессиям. Вот что говорилось, например, в приказе наркома внутренних дел Киргизской ССР Лоцманова от 9 марта 1938 года «О результатах социалистического соревнования Третьего с Четвертым отделом за февраль месяц 1938 года.

"Четвертый отдел в полтора раза превысил по сравнению с 3-м отделом число арестов за месяц и разоблачил шпионов, участников к.р. организаций на 13 человек больше, чем 3-й отдел. На тройке рассмотрено дел по объектам 3-го отдела (включая периферию) на 25 человек меньше, чем по объектам 4-го отдела, однако 3-й отдел передал 20 дел на Военколлегию и 11 дел на спецколлегию, чего не имеет 4-й отдел. Зато 4-й отдел превысил количество законченных его аппаратом дел (не считая периферию), рассмотренных тройкой, почти на сто человек (95)... По результатам работы за февраль месяц впереди идет 4-й отдел.

При поездке на Дальний Восток заместитель Ежова Фриновский взял с собой несколько тысяч кратких справок на арестованных и поручил их рассматривать

своим спутникам Листенгурту, Дулову и Ушакову. Рассмотрение справок происходило во время выпивок – с пением песен и под звуки патефона. Листенгурт, Лулов и Ушаков соревновались между собой, кто больше рассмотрит справок. Справки не читались, просто ставилась буква «Р» – это значит расстрелять. Таким образом, по дороге были рассмотрены все справки и отправлены в Москву для приведения приговоров в исполнение.

Еще в августе 1932 года был издан закон, написанный Сталиным собственноручно, по которому за колоски, унесенные со скошенного поля, предусматривались тюрьма, лагерь, расстрел. Карали даже за зерно, которое крестьяне откапывали в мышиных норках".(Александр Яковлев. Сумерки. М., 2003, с.149-150)..

Для наглядности высветим из толпы одного виновного уголовника. Поможет нам газета "Сталинское знамя", Пенза, 27 февраля 1947 г.:

"В Народном суде Нижнеломовского района недавно слушалось дело в отношении некоей Р., бывшей доярки одного из колхозов района. Она обвинялась в хищении колхозной собственности. Будучи неплохой дояркой, она иногда надаивала несколько больше молока, чем другие работницы фермы, и вместо того, чтобы сдать его государству, незаметно отливала по стакану-другому своим детям, после чего, спрятав под одеждой, приносила ворованное домой. Кроме того, она собирала на поле зерно, оставшееся после уборки, привлекая к хищению колхозной собственности двенадцатилетнюю старшую дочь... Народный суд дал суровое, но заслуженное наказание расхитителям социалистической собственности. Учитывая, что Р. является вдовой воина Советской армии, погибшего смертью храбрых в период Великой Отечественной войны, и матерью троих детей, младшему из которых исполнилось пять лет, срок наказания ей снижен с восьми до пяти лет заключения в исправительно-трудовом лагере, а ее дочери дан год условно".

Комментарии вряд ли нужны.

В кратком историческом экскурсе то же «Предисловие» упоминает о периоде застоя: «... годы так называемого «застоя»...». В книге И.В.Бестужева-Лады один из разделов назван так: «Хрущёвщина-брежневщина: торжественный марш на месте». Академик РАН А.Н.Яковлев: «Эпоха Брежнева – золотые годы «Номенклатурии»... Именно застой в экономике и обстановка всеобщей безответственности создавали плодотворную почву для перехода власти к силовым структурам» (Op. cit. С. 552).

Подведём итог. Итак, для одних «в том числе» – ничтожный процент виноватых, для других «в том числе» - не виноватые, а их, как мы знаем, миллионы. Одни застой называют «так называемым» и заключают в кавычки, которыми его как бы ликвидируют. Для других он – реальность с длинным шлейфом бедствий и невзгод. Одни кладут немножечко дегтя репрессий в бочку мёда правосудия, другие – наоборот, в чёрную бочку репрессий капают мёд с ложки – всё, что действительно можно собрать.

Говорят, Бог наделил нас свободой нравственного выбора. Пусть каждый сам себе скажет – где нравственность, а где лукавство, совмещённое с интеллектом. Тогда и выяснится, пролетает ли поблизости редкая птица Совесть, без которой, в конечном счёте, никому не выжить. Не выжить без святой наивной веры в избитую (битую многократно) истину: «добро остаётся добром в прошлом, будущем и настоящем» (Владимир Высоцкий).

Ободряющие знаки поступили «сверху» перед праздником Победы в мае 2009 года. Гневные слова были сказаны против фальсификации истории нашей страны и, позже, учреждена специальная Комиссия по борьбе с фальсификацией истории. Надо надеяться, что будут выставлены на всеобщее обозрение фальсификаторы, оправдывающие гибель миллионов в сталинских лагерях, отрицающие холокост,

катынский расстрел, замалчивающие союз большевиков с фашистами накануне второй мировой войны и вступление СССР во вторую мировую войну 17 сентября 1939 года. Жизнь покажет, получат ли симметричный отпор те, кто наводит макияж на физиономии убийц.

Впрочем, первый результат был получен сразу, ещё до начала работы комиссии. С официального сайта Министерства обороны РФ в июне 2009 г. убрали висевший там несколько месяцев текст, подписанный начальником научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории Министерства обороны полковником С. Н. Ковалевым, в котором вина за развязывание второй мировой войны возлагается на ... Польшу(!). Причина – отказ Польши удовлетворить, по мнению полковника, «весьма умеренные» германские претензии. Точно так же описывал начало войны в своих показаниях на Нюрнбергском суде над немецкими военными преступниками бывший министр иностранных дел Третьего рейха И.Риббентроп. Суд не согласился с его трактовкой истории войны и приговорил гитлеровского дипломата к преждевременной смерти вместе с поделниками – подручными дьявола. Слишком настойчивы они были в реализации своих «умеренных претензий».

AUDI, VIDE, SILE. Эта латинская мудрость – спутник жизни советского человека – переводится на русский по-разному. Есть перевод адекватный, порождённый сталинской эпохой, и есть дословный. Адекватный имеет форму народной пословицы-поговорки: «Слово не воробей. Вылетит – посадят». Смягчённый вариант: «Ешь пирог с грибами и держи язык за зубами».

Дословный перевод скучнее, но мудрее и лингвистически правильней. Он выглядит как девиз живущих в постсталинские времена, которым конца не видно: «Слушай, смотри и молчи». Печальной молчаливой процессией расходились коммунисты со своих партсобраний после сеансов художественного чтения писем ЦК КПСС, начало которым положил Никита Хрущёв в 1956 году знаменитым докладом о проделках своего покойного патрона. Чашу с драгоценным напитком – секретом Полишинеля надо было донести до семейного очага, не уронив ни слова.

Эта мудрость на время была забыта в лихие девяностые. Народ разболтался, возомнил о себе невесть что, начал было высказываться по разным поводам, страшно сказать – и о начальстве! Однако вовремя спохватился и на соблазн нарушить обет молчания теперь реагирует односложно: «От меня (нас) ничего не зависит» (см. выше и ниже).

Вот что непонятно:
Бормочет невнятно
Язык. Даже впору отсечь его.
Вот он за зубами.
Спокойны мы с вами -
Молчание будет замечено.

Зачем мы таимся,
До дрожи страшимся
Сказать что-нибудь опрометчиво?!
Эта загадка
Тем более гадка,
Что и бояться-то нечего.

NOS MOUTONS. Однако *retournons a nos moutons*. Вернёмся к баранам, одним из

которых был и долго оставался я сам.

Сталинград, хотя и славный город, но всё же провинция. За неимением других пороков у меня, одиннадцатилетнего, нашли порок сердца. И повезли лечиться в Москву, к профессорам.

Путешествие было долгим. Ехал с матерью в международном вагоне. Горя не знали, только на него смотрели.

Наконец, приехали. Куда податься? Не в гостиницу же. Такое и в голову не приходило. Пошли мы к другу комсомольских лет моей революционно ориентированной матери – Иоганну Львовичу Альтману.

Здесь придётся сделать ещё одно отступление – слишком сочный выходит сюжет, чтобы им пренебречь.

***

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ. ОПЯТЬ БЕЗ МЕНЯ

ЕВРЕЙЦЫ-КОНАРМЕЙЦЫ. Опять нырнём в глубь времён – ближе к началу прошлого века. Из родной своей деревни Злобинки подалась моя мать на заработки, в нежном возрасте шестнадцати лет. Стало быть, шёл 1916-й год. Лютовала Первая мировая, нужны были снаряды, а завод, куда мать поступила на работу, их как раз и делал.

И вот грянула революция. Сбылись страстные желания Ульянова-Ленина, сначала первое, потом второе. Первое – рухнуло самодержавие, которому он накануне, ещё в конце 1916 года, отводил в будущем ещё 200 лет. Чуть было, чудак, не уехал в Америку, на адвокатские хлеба. Только денег на дорогу не хватило. И второе желание сбылось: "Сделаем войну империалистическую войной гражданской". Пошёл брат на брата.

Пролетел памятный восемнадцатый, и пошёл весь в огне и тревоге боевой девятнадцатый год. Мать работала на заводе в уютном волжском городке Балакове, а в это время по степи скакала конница Будённого. С неба полудённого жара – не подступи, конница Будённого, дивизия в степи. На одной лошадке сидел Исаак Бабель, будущий поэт Первой конной, позже – враг народа, антисоветский террорист. На другой трясся Иоганн Альтман будущий театральный критик, позже – космополит и активный член антисоветской сионистской организации "Джойнт", содержащейся на деньги ЦРУ. Оба реабилитированы, Бабель посмертно, Альтман предсмертно (об этом позже).

Расстрельный список с именем Бабея (№12), подписанный лично Сталиным

Превратности судьбы для наших конармейцев маячили в неблизком и непроницаемом будущем. В настоящем неприятности были тоже, но другие.

В том же девятнадцатом году Альтман был ранен, и судьба так распорядилась, что попал он на поправку в Поволжье, и как нарочно, в тихий городок Балаково. Общительность и любознательность со временем довели его до завода, а там свели с Надей Расторгуевой, той самой, которая впоследствии на пароходе учила меня арифметике. Подробности мне неизвестны, но развивались их отношения нестандартно, поскольку первый этап знакомства завершился не тем, о чём вы подумали, а созданием в городе Балакове комсомольской организации. Опять же подробностей не знаю, но те, кому они интересны, могут получить полную информацию из книги о Балаковской комсомольской организации времён гражданской войны, изданной в Москве лет сорок спустя после событий. Альтман был её отцом-основателем, и не мог им не быть. До знакомства с Марксом-Энгельсом и Семёном Михайловичем Будённым увлекался он, подобно многим местечковым юношам, немцем Шопенгауэром, и кругозор имел отменный. Этим

кругозором и очень недурной внешностью вскружил он не одну голову с косичками в Балакове и окрестностях. Но Надя и ещё Гриша Котов (впоследствии доктор биологических наук) были для него главными и единственными.

Ждали мировую революцию, которая вот-вот должна была грянуть. И вот – разразилась, пока только в Германии. Гриша Котов, дрожа от переживаний и заикаясь, сообщил комсомольцам благую весть.

Дело происходило в комсомольском клубе, который по очереди охраняли комсомольцы. И тут моя мать в первый и последний раз чуть было не погубила живую душу. Винтовки у комсомольцев были не игрушечные. Дежурила она однажды ночью, охраняла клуб. Видит – идёт баба по запретной территории. Как положено, окрикнула её. Не реагирует. Выстрелила в воздух – идёт себе и идёт. Тогда выстрелила на поражение. Поразила. Лёгкое ранение в отвисавшую грудь. Оказалось – баба глухонемая.

Это был единственный подвиг моей матери на полях классовых сражений. А потом началось то, что затмило даже классовую борьбу.

Альтман тяжело заболел – тиф забрёл в Поволжье с полей гражданской войны. Умиравшего хотели везти в барак, откуда обратного хода не было. Но Надя Расторгуева сражалась с санитарями, как львица, и отстояла первого комсомольца. Месяц без сна и отдыха провела у его постели, и невероятное случилось – кризис миновал.

Альтман весил не больше ребёнка, и ходить сам не мог. Тогда моя мать запрягла лошадку и повезла его в родное село.

Деревня слова "еврей" не знала, таких там не видели. Был он для сельчан нехристь – одним словом, как бы инопланетянин. Обходить стали избу Расторгуевых стороной, опасались нечистой силы. Сами же надины родители приняли гостя без комплексов – все люди божьи. Обученных богословским тонкостям в селе не было, и что христова соплеменника привезла Надежда, никто не понимал. Злобинский мужик очень удивился бы, если бы кто-то открыл ему глаза на это обстоятельство. А потом лёгкое волнение и вовсе затихло. Иоганн, встав на ноги от целебного воздействия парного молока и кулебяк, пошёл по деревне. По душам покалякал с каждым, посочувствовал вдовам, рассмешил парней, одарил девок тёплым взглядом, и забылось, что он не всегда проживал в этой деревне. Провожать в обратный путь вышла вся деревня. Бабы плакали, мужики принесли национальный напиток, и долго ещё по селу гулял призрак еврейского интеллигента в благодарных воспоминаниях крестьян, злых и душевных, фанатичных и толерантных, как подобает русским.

Дальше – сюжет другого романа. Альтман уехал совершенствоваться в Москву, мать моя – в Самару, на рабфак. Это сейчас остряки-самоучки стебаются по поводу подобных составных слов, намекая на возможное их русско-английское прочтение. А тогда это слово звучало гордо, и рабфак действительно был лучом света в тёмном царстве. Преподавали недобитые ещё в ту пору интеллигенты. Мать вспоминала, как возмущался и восклицал горестно старичок-профессор, когда великовозрастный ученик на вопрос о наименовании какого-то червя, отвечал, запинаясь: "Этот червь называется... это самое...спиноза". Всё перепуталось в нетренированных головах.

И вот – большой антракт, а если говорить по-школьному – большая перемена. Мы наблюдаем Иоганна Альтмана после Первого съезда писателей. Он теперь большой человек, из молодых и ранних, ведущий театральный критик, главный редактор сразу двух изданий – журнала "Театр" и газеты "Советское искусство". Юность свою не забывает. Мать получает восторженные письма с описанием то выступления Горького на съезде, то необыкновеннейшего события – лицезрения Того, Кто... дальше см. разнообразные источники, где другие случаи явления Вождя народу описаны ещё красочней. Если время подпирает, всё скажет один взгляд на картину "Они видели Сталина" с изображением пионеров, идущих с Красной площади со

свёрнутыми флагами и горящими глазами, после праздничного шествия.

Отступление пора кончать. Остальное уже не без меня. Об этом – дальше.

***

3. TEMPORA MUTANTUR. ВРЕМЕНЩИКИ-МУТАНТЫ

МУТАНТЫ – НАСЕКОМЫЕ И ЛЮДИ. Ну, конечно, неправильно я перевёл половину широко известного афоризма: *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* (Времена меняются и мы меняемся с ними). Да, мутируем, мутируем. Но хотя и все люди с течением времени изменяются, не все – мутанты. Кто же они такие, мутанты эти?

Они – жертвы мутации, то есть, как говорит наука, стойкого изменения генотипа. Они служат материалом для естественного отбора, который старик Дарвин считал синонимом *survival of the fittest* – выживания наиболее приспособленных. Вопрос – к чему приспособленных?

Вот пример.

В соседней квартире вымерли жильцы, царствие им небесное. Долго комнаты пустовали. Осиротевшая живность подъела всё продовольствие до последней крошки и в поисках спасения организовано устремилась к соседу, то есть ко мне. К счастью, я в это время был дома и застал первый этап внедрения тараканов в новое жилище. Живой ручеек – тысячи переселенцев принял правильные контуры и хлынул под порог моей квартиры. Опять же к счастью, под рукой у меня оказался порошок, подходящий как раз к этому случаю. Кара от Всевышнего, каким я оказался для тараканов, обрушилась на них с небес, неся смерть. Погибли тысячи. Но среди агрессоров оказались эти самые *the fittest*, на которых яд не произвел никакого впечатления. Было их совсем немного, может быть, всего одна–две пары, но и этого было бы достаточно для воспроизведения порошкоустойчивого потомства, если бы они не были уничтожены другим способом. Эта примитивная модель привычных по жизни ситуаций вспоминается нередко, когда приходится общаться не с тараканами, а с гораздо более опасными особями. Не действует на них ничего. Лей, как говорится, в глаза...

Печально я смотрю на наше поколение. В моём возрасте это, вроде бы, положено, но не забудем, кто первым в новое время сказал «А». Отнюдь не старик, а юноша М.Ю.Лермонтов. Поводы для печали разные, но само чувство стабильно, как смерть.

Больно смотреть на молодежь с воткнутыми в уши приспособлениями для пытки децибелами. Не могут жить без «музыкальной» дубины, неустанно выбивающей из головы мысли, уцелевшие после последнего сеанса дебилизации (производное от дебил). Можно связать одно с другим, и получится децибеллизация.

Когда был я помоложе и чуть оптимистичнее, казалось, что можно с этим бороться. Было дело на природе, на базе отдыха одного превосходного по всем параметрам вуза. Круглые сутки, с ночным перерывом часов на шесть, по окрестным берегам разносился сравнимый с воплем милицейской сирены рёв укреплённого на дереве динамика. Никакие увещания на радиопалача – студента, приставленного к «культурному» обслуживанию, не действовали, сколько ни умолял его хотя бы на время послеобеденного отдыха отключать адскую машину. Понять меня он не мог. Напирал на то, что современная музыка тоже имеет право. Ему же совсем не про качество музыки говорилось, а о шуме, превосходящем по уровню звука норму, предельно допустимую для человеческого организма. Замолк я после того, как своими глазами увидел моего мучителя мирно спящим под самой развёрстой пастью запущенного на всю мощь динамика. Вопрос, однако, остался – может быть из нас двоих вовсе не он ненормальный?

Но привыкание к звуку, ломающему деревья, всё же не столь пагубно, сколь приспособление к социальному уродству.

Приспособленные к подлости гнут свою линию почти независимо от обстоятельств, которые могли бы другого урезонить, заставить вспомнить о таких архаизмах, как стыд, совесть, достоинство. При этом приговаривают, что надо, мол, менять парадигму мышления, потому что «изменилась ситуация в стране». Как раз у них-то никакой парадигмы менять не надо. Это других они призывают к мутациям.

Забыто человеческое было не вчера. Дальше речь пойдёт о 1930 годах, когда развернулись во всю мощь и ширь мутанты, приспособленные к беспредельной жестокости. Некоторые противоестественным образом «ловили кайф» от смертельных игр, которые впоследствии их же и погубили. Странно, что тоскующие сегодня по «сильной руке» нисколько не сомневаются – кулак пройдёт по головам их обидчиков, но не по ним самим. Зря они в этом уверены...

***

ГЛАВНЫЙ МУТАНТ.

Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей
Сталинского избирательного округа города Москвы
11 декабря 1937 года (фрагменты)

...Никогда в мире еще не бывало таких действительно свободных и действительно демократических выборов, никогда! История не знает другого такого примера (аплодисменты). Дело идет не о том, что у нас будут выборы всеобщие, равные, тайные и прямые, хотя уже это само по себе имеет большое значение. Дело идет о том, что всеобщие выборы будут проведены у нас как наиболее свободные выборы и наиболее демократические в сравнении с выборами любой другой страны в мире... У нас выборы проходят в обстановке сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции, в обстановке взаимного их доверия, в обстановке, я бы сказал, взаимной дружбы, потому что у нас нет капиталистов, нет помещиков, нет эксплуатации и некому, собственно, давить на народ для того, чтобы исказить его волю... Вот почему наши выборы являются единственными действительно свободными и действительно демократическими во всем мире (шумные аплодисменты)... На наших фабриках и заводах работают без капиталистов. Руководят работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом на деле. На наших полях работают труженики земли без помещиков, без кулаков. Руководят этой работой люди из народа. Это и называется у нас социализмом в быту, это и называется у нас свободной, социалистической жизнью... Вот на этой базе и возникли у нас новые, действительно свободные и действительно демократические выборы – выборы, примера которым нет в истории Человечества... Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин; чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин... я хотел бы заверить вас, товарищи, что вы можете смело положиться на товарища Сталина (бурная, долго несмолкающая овация. Возгласы из зала: «А мы все за товарищем Сталиным!»). Можете рассчитывать на то, что товарищ Сталин сумеет выполнить свой долг перед народом, перед рабочим классом, перед крестьянством, перед интеллигенцией...

(Правда, 12 декабря 1937 года)

Сталин – это диагноз. Россия больна сталинизмом – недолеченной в своё время душевной болезнью, пустившей метастазы во времени и пространстве. Она разлагает все социальные институты, и в них – душу каждого человека.

Из опубликованного в 2008 году пособия для учителей "Новейшая история России 1945-2006 гг.":

«Советский Союз не был демократией, но он был ориентиром и примером лучшего, справедливого общества для многих миллионов людей во всем мире» (с. 6).

После приведенных данных опроса ФОМ о том, какую роль Сталин сыграл в истории России (по результатам опроса 47% ответили «положительную», 29% — «отрицательную»), следует:

«Таким образом, противоречивые оценки исторической роли Сталина имеют под собой очевидные основания. С одной стороны, его рассматривают как наиболее успешного руководителя СССР. Именно в период его руководства была расширена территория страны, достигшая границ бывшей Российской империи (а где-то превзошедшая их); одержана победа в величайшей из войн — Великой Отечественной войне; осуществлена индустриализация экономики и культурная революция, в результате которой не только возросла доля лиц с высшим образованием, но и была создана лучшая в мире система образования; СССР вошел в число передовых государств в области развития науки; была практически побеждена безработица» (с. 93).

«Со смертью И.В. Сталина в истории Советского Союза закончилась эпоха штурмового продвижения к экономическим и социальным вершинам» (с. 95). Н. С. Хрущев назван в пособии «самым большим утопистом» (с. 129,181). Л.И. Брежнев «сыграл положительную роль в истории России». При Ю.В. Андропове — «давно не виданная кампания по укреплению трудовой дисциплины» (с. 215).

***

Идеологический конфликт в Кировской области. Губернатор Никита Белых запретил проводить в школах конкурс о роли Сталина. Коммунисты обиделись на руководителя региона.

«Губернатор-дикарь» и «залетный мазурик». Такими характеристиками наградили коммунисты Никиту Белых за его решение по поводу конкурса, в рамках которого школьникам предлагалось обозначить роль Сталина в развитии советского государства. Бюро новостей «Давеча» поясняет, что этот конкурс ячейка КПРФ одного из областных районов организовала совместно с местным управлением образования. В районной газете указывалась цель мероприятия: сохранение исторической памяти и приобщение подрастающего поколения к истории России. Но губернатор посчитал такой метод воспитания неприемлемым. В своем блоге в живом журнале он признал, что партия коммунистов может объявлять какие угодно конкурсы, но в данном случае соучредителем выступает орган власти. И участие в таком конкурсе властных подразделений, по оценке Белых – цитирую – «вообще недопустимо». В КПРФ это решение губернатора вызвало возмущение: кто такой Белых и кто – Сталин, - горячится зампред ЦК КПРФ Владимир Кашин.

(Эхо Москвы / Новости / Вторник, 24.11.2009)

***

Антон Орехъ :

1. Реклама Сталина

24 июня 2009

В Воронеже установили 10 плакатов, на которых изображен Иосиф Сталин, серп и молот, а также надпись «Победа будет за нами».

Как пояснил «Интерфаксу» первый секретарь воронежского обкома КПРФ Сергей Рудаков, акция посвящена 130-летию Сталина. В воронежском обкоме журналистам также заявили, что портретами Сталина коммунисты хотели напомнить «каждому жителю города о великом человеке и его заслугах перед страной».

Вы знаете, я не живодер, зла никому не желаю, и я рад, что товарищ Сталин давно коптится в аду на приеме у чертей, а не продолжает свой эффективный менеджмент во главе нашей страны.

Но иногда все-таки пробивает.

Поэтому я хотел бы сказать воронежским коммунистам их же любимыми словами: «Сталина на вас нет».

Только ведь они-то думают, что Сталин начал бы тут разбираться с нами, порядок бы начал наводить среди нас. А он бы, дорогие мои, начал с вас. Потому что чистки и зачистки с особым наслаждением проводил среди партийного аппарата.

И потому-то я был бы не против, если бы воронежские коммунисты поработали с настоящим Сталиным, а не с его плакатным, картонным образом.

Чтобы этот великий человек просто так, по разнарядке отправил в тайгу валить лес кого-нибудь из них, а заодно и кого-то из членов их семей. А еще кого-то и вовсе на тот свет на десять лет без права переписки.

А они бы бегали с вытаращенными глазами и удивлялись: как же так, мы же честно строили коммунизм, мы же всегда были вместе с партией против врагов народа, мы же за Сталина в бой ходили – за что же он нас в тайгу, за что же родных наших мучить, как же без суда по ложному навету человека-то расстреливать можно?

А мы бы спокойно ответили этим людям, что жалко, конечно, друзья, и вас самих, и родных ваших жалко, но так ведь время-то какое трудное.

Без перегибов обойтись невозможно. Мы же строим самое справедливое в мире общество, а вокруг враги, и враги не дремлют. И чем дальше мы пройдем по социалистическому пути, тем острее будет классовая борьба. А значит, и жертвы неизбежны.

Но эти жертвы необходимы. Эти жертвы даже прекрасны. Ведь в обмен на замученных ваших родственников мы сможем построить Днепрогэс. Вашими руками пророем каналы и построим в тундре тысячекилометровую железную дорогу от Салехарда до Игарки. И пускай по дороге этой так и не пройдут поезда, но она тоже нужна.

Вот так я ответил бы воронежскому партактиву на его плакатное творчество.

Для остальных же скажу то, что говорил уже не раз.

Не может считаться нормальной страна, которая до сих пор не решила вопрос, что такое добро, а что такое зло. Хорошо или плохо уничтожить сотни тысяч, а скорее всего – миллионы своих граждан. И кем является человек, который все это устроил – гением или злодеем.

Если мы не в состоянии ответить даже на такой вопрос, стоит ли удивляться, что и на остальные, куда менее очевидные вопросы у нас нет ответа.

Значит, будем рекламировать Сталина и отмечать день его рождения как великий праздник.

Значит, много мы пока и не заслуживаем.

(Радиостанция «Эхо Москвы»)

2. Нас вырастил Сталин
27 августа 2009

На станции московского метро «Курская» кольцевой ветки восстановлена строчка

из первого варианта гимна Советского Союза: "Нас вырастил Сталин на верность народу, На труд и на подвиги нас вдохновил».

Станция открылась во вторник, после реставрации. Как говорят в пресс-службе московского метрополитена, ее появление является ничем иным, как «восстановлением исторической справедливости». «Курская-кольцевая» была открыта в 1950 году, а после XX съезда все упоминания об Иосифе Сталине были удалены с ее стен.

***

Если московский метрополитен, реставрируя похвалы Сталину на стенах своих станций, говорит о восстановлении исторической справедливости, то я хотел бы услышать от руководства столичной подземки, в чем по его мнению заключается историческая справедливость?

Мне всегда казалось, что процесс восстановления справедливости состоит в исправлении ошибок – было неправильно, но мы восстанавливаем справедливость и делаем правильно.

Если метрополитен считает, что убрать имя человека, погубившего сотни тысяч наших сограждан – это ошибка, а вернуть его имя – это справедливость, тогда у меня, пожалуй, к метроначальникам вообще уже никаких вопросов нет,

А есть только диагноз.

Но что характерно, до сих пор непонятно, кто принимал решение восстановить убранство станции «Курская» в «сталинской» редакции. Чего скрываться-то борцам за справедливость, если они делают благородное дело?

Впрочем, я готов принять и другую версию. Что метрополитен просто плохо объяснил нам свою позицию, перепутав понятия. Сказали об исторической справедливости, хотя имели в виду исторический облик. То есть хотели восстановить станцию в том виде, в каком ее построили. Это уже немного другой ракурс.

Но только немного. Потому что исторический облик все равно не соблюден. Там ведь была не только строчка из первой редакции гимна Михалкова, царствие ему небесное. Там ведь, говорят, еще и статуя Сталина большая стояла. И где же она теперь? Почему статую-то на место не вернули? Объяснение вроде бы дали – мол, утеряна, не сохранилась статуя. Ну и что – спрашиваю я. Поставьте точно такую же. Ведь слова первоначального гимна воссоздали не теми же самыми буквами, которые еще в 1956 году замазали. Новые буквы нарисовали. И статую новую поставьте. Памятников Сталину вообще в метро было немало – давайте вернем их все! Чего бояться, если историческая справедливость этого требует?

Впрочем, с именем Сталина станция «Курская» простояла 6 лет, а без него – полвека, и для подавляющего большинства пассажиров метро станция без Сталина – это привычно, естественно, исторично и справедливо.

И вообще, у нас в городе столько исторических памятников утратили свой первоначальный облик, столько подлинных ценностей обезображены, но мы с непонятной скрупулезностью решаем вернуть первоначанный вид именно памятнику сталинской эпохе.

Занимаемся алхимией, вызывая из могилы дух кровавого демона и заигрывая с люмпен-патриотами.

(Радиостанция «Эхо Москвы»)

Искусствовед Юрий Богомоллов о фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние»

В фильме «Покаяние» идет непрерывная борьба с символами (труп злодея выкидывают из могилы, выставляют, а потом снова закапывают, выкапывают и опять

выставляют). Тогда, в 85-86-м годах, казалось, что достаточно выкинуть этот мерзкий труп на помойку – и все само собой наладится. Так вот, два прошедших десятилетия показали, что все гораздо сложнее. Символы въелись уже в тело народа, в его сознание. Они сидят, живут там. И мы уже выдавливаем из себя не раба по капле, а эти символы. Я думаю, от того, насколько это мучительно, и возникает интерес к этому материалу. Шекспир тоже в свое время писал не столько о своем времени, сколько о других эпохах, но вряд ли кто-то мог заподозрить его в увлечении ретро... Я как-то недавно перечитал «Кентервильское привидение», там самое замечательное то, что это привидение не может умереть, совсем исчезнуть. Не может потому, что нет чистой детской души, которая приняла бы покаяние. Когда появилась такая чистая детская душа, тогда оно и сгнуло. На мой взгляд, не в том проблема, что мы не каемся, а в том, что мы недостаточно чисты.

(Журнал «Искусство кино, № 11 за 2004 год)

Обращение Д.А.Медведева, Президента РФ 30 октября 2009г.

Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах

Сегодня – День памяти жертв политических репрессий. Прошло восемнадцать лет с тех пор, как этот день появился в календаре как памятная дата.

Я убеждён, что память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. И чрезвычайно важно, чтобы молодые люди обладали не только историческими знаниями, но и гражданскими чувствами. Были способны эмоционально сопереживать одной из величайших трагедий в истории России. А здесь не всё так просто.

Два года назад социологи провели опрос – почти 90 процентов наших граждан, молодых граждан в возрасте от 18 до 24 лет, не смогли даже назвать фамилии известных людей, которые пострадали или погибли в те годы от репрессий. И это, конечно, не может не тревожить.

Невозможно представить себе размах террора, от которого пострадали все народы страны. Его пик пришёлся на 1937–1938 годы. «Волгой народного горя» называл Александр Солженицын бесконечный «поток» репрессированных в то время. На протяжении двадцати предвоенных лет уничтожались целые слои и сословия нашего народа. Было практически ликвидировано казачество. «Раскулачено» и обескровлено крестьянство. Политическим преследованиям подверглись и интеллигенция, и рабочие, и военные. Подверглись преследованиям представители абсолютно всех религиозных конфессий.

30 октября – это День памяти о миллионах искалеченных судеб. О людях, расстрелянных без суда и без следствия, о людях, отправленных в лагеря и ссылки, лишённых гражданских прав за «не тот» род занятий или за пресловутое «социальное происхождение». Клеймо «врагов народа» и их «пособников» легло тогда на целые семьи.

Давайте только задумаемся: миллионы людей погибли в результате террора и ложных обвинений – миллионы. Были лишены всех прав. Даже права на достойное человеческое погребение, а долгие годы их имена были просто вычеркнуты из истории.

Но до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями.

Я убеждён, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь.

Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни.

И репрессиям нет оправданий.

Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-

то зачастую считаем, что речь идёт только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны.

Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ.

Правда и то, что преступления Сталина не могут умалить подвиги народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне. Сделал нашу страну могучей индустриальной державой. Поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру.

Принять своё прошлое таким, какое оно есть, – в этом зрелость гражданской позиции.

Не менее важно изучать прошлое, преодолевать равнодушие и стремление забыть его трагические стороны. И никто, кроме нас самих, этого не сделает.

Год назад, в сентябре, я был в Магадане. Мемориал Эрнста Неизвестного «Маска скорби» произвёл на меня глубокое впечатление. Он ведь был воздвигнут не только на государственные средства, но и на пожертвования.

Нам нужны такие музейно-мемориальные центры, которые будут передавать память о пережитом – из поколения в поколение. Безусловно, должна быть продолжена и работа по поиску мест массовых захоронений, восстановлению имён погибших, а в случае необходимости – их реабилитации.

Я знаю, что эта тема волнует и участников моего блога.

Вне сложной истории, противоречивой по сути истории нашего государства зачастую просто не понять корни многих наших проблем, трудностей сегодняшней России.

Но я ещё раз хотел бы сказать: никто, кроме нас самих, наши проблемы не решит. Не воспитает в детях уважение к закону, уважение к правам человека, к ценности человеческой жизни, к нравственным нормам, которые берут начало в наших национальных традициях и в нашей религии.

Никто, кроме нас самих, не сохранит историческую память и не передаст её новым поколениям.

(Блог Д.А.Медведева в Интернете)

Из интервью главы Отдела внешне-церковных связей РПЦ архиепископа Волоколамского Иллариона журналу «Эксперт»

...Я считаю, что Сталин был чудовищем, духовным уродом, который создал жуткую, античеловеческую систему управления страной, построенную на насилии и терроре. Он развязал геноцид против народа своей страны и несет личную ответственность за смерть миллионов безвинных людей. В этом плане Сталин вполне сопоставим с Гитлером. Оба они принесли этот мир столько горя, что никакими военными или политическими успехами нельзя искупить их вину перед человечеством. Нет никакой существенной разницы между Бутовским полигоном и Бухенвальдом, между ГУЛАГом и гитлеровской системой лагерей смерти. И количество жертв сталинских репрессий вполне сопоставимо с нашими потерями в Великой Отечественной войне.

Победа в Великой Отечественной войне была действительно чудом, потому что Сталин перед войной сделал все, чтобы разгромить страну. Он уничтожил все высшее руководство армии, в результате массовых репрессий поставил некогда могучую страну на грань выживания. В 1937 году, когда была перепись населения, страна недосчиталась десятка миллионов людей. Куда делись эти миллионы? Их уничтожил Сталин. В войну страна вступила почти обескровленной. Но, несмотря на все чудовищные репрессии, народ проявил небывалый героизм. Иначе как чудом это назвать нельзя. Победа в войне — это победа народа. Народа, который проявил

величайшую волю к сопротивлению. Чудо победы в войне — это великое явление силы духа нашего народа, которую несумели сломить ни Сталин, ни Гитлер.
(ЭКСПЕРТ, 20-27 июля 2009, №28)

***

ПРОФЕССОР НЕ ПРИНИМАЕТ. Всё в сторону уходим от наших баранов. Вернёмся же к ним опять! Наше повествование притормозилось на рассказе о том, как я отправился с мамой в столицу.

И вот, мы в Москве 1937 года. Это сейчас звучит волнующе, а тогда ещё ничего такого особенного для обывателя в этой дате не было. Что страшные четыре цифры будут обозначать эпоху, почти никто не догадывался. Приехали к профессору-кардиологу на консультацию. Ну, и что? Вот именно — и что? Помните, это вам не 1991-й.

Собрались мы с мамой в недалёкий путь и поехали на общественном транспорте по записанному на бумажке адресу. Поднимаемся на второй этаж старинного просторного дома. Долго звоним. Наконец дверь приоткрывается, в неосвещённом коридоре виднеются две женщины странного вида. У обеих лица тёмные, взгляд блуждает. "Профессор принимает?" — "Нет, нет, не принимает" — "А когда можно будет прийти?". Нет ответа. Дверь захлопнулась. И всё тут. Только тут я разглядел табличку на двери "Профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнёв". Это как раз в ту ночь он "оказался" одним из набора врачей-убийц первого призыва, отравителем Горького, Менжинского, Куйбышева и ещё Бог и НКВД знают, кого.

Вот не хочешь попасть в историю, а она нагло заголяется прямо перед носом простого мальчишки. На дух не надо бы нам великих потрясений. Жили бы себе и жили, как все, как в Швейцарии, учились бы, работали, отдыхали, детей строгаги.... Но правду говорят: если не хочешь заниматься политикой — политика займётся тобой. Надо отдать ей должное, занялась она нами круто.

Ладно. Нашли другого профессора, пока ещё вольнонаёмного. Потом уехали восвояси. На прощание Альтман младший, Володя, подарил мне книжку с фантастикой Уэллса, которую я с удовольствием прочитал. Впрочем, кажется, я не очень ему понравился. Усмотрел он во мне мечтательность и индивидуализм. Сам же он был комсомолец, прямой как струна. Впрочем, это я забегаю вперёд.

ВОЗМЕЗДИЕ. Вернулись в Сталинград. И опять переезд, на этот раз в центр города. Стоял там такой большой дом для партноменклатуры — Дом советов (теперь на этом месте Волгоградский медицинский институт). Много было тогда такого, связанного с советами. Даже и весь СССР называли страной советов. Только не помню, чтобы кто-то с кем-то советовался. Во всяком случае, не со мной.

Что-то замечаю неладное. Взрослые собираются кучкой, говорят вполголоса. Отец сидит по ночам и пишет что-то, пишет. Потом оказалось — оправдывается. И остальные заняты примерно тем же. На собраниях громят бешеных псов, которых становится всё больше. Бешеным псом вдруг оказывается тихий сосед по даче. Первый секретарь райкома Демиховский, при котором работал вторым мой отец, тоже "оказался" бешеным врагом народа.

А отец всё пишет и пишет. Потом выяснилось, что допустил он в возрасте 20 лет, будучи секретарём Абдулинского ж.д. РК, крупный идейно-политический промах. В преддверии X съезда ВКП (б) разгорелась дискуссия, в ходе которой выяснилось, что он разделял взгляды централистов (децистов) требовавших полной свободы фракций и группировок.

Другой грех был многократно ужасней. Тогда было два равноценных начальника: Ленин и Троцкий. (О войне с Польшей сочинили песенку: Ленин, Троцкий и поляк танцевали краковяк). И кто же мог знать, в какую цену обойдётся присоединение по

одному частному вопросу к мнению негодяя, агента разведок всех стран, врага трудящихся, исчадия ада (кто бы в то время знал!) Льва Троцкого. Таким тот стал после 1928 года, а выступление в дискуссии было в 1921-м. Юридическую тривиальность – *lex ad preteritum non valet* (закон обратной силы не имеет), до сих пор не усвоили наши юристы, а в то время и мечтать об этом не приходилось. И всего-то было сказано, что теперь, когда основная задача выполнена, необходимо профсоюзам принять участие в производстве, и надо (так считает и товарищ Троцкий) различать три группы членов профсоюза. Так из крошечной тьмы в нашей крошечной сталинградской квартирке стала вырисовываться страшная фигура ТРОЦКИСТА. С этим сатанинским образом и боролся мой отец по ночам, согнувшись над письменным столом.

Потом началось то, о чём выше было сказано – карьера наизуворот: от главного редактора и директора издательства до счетовода. И, наконец, в полночь постучали в дверь.... Пришло возмездие – джин, выращенный соратниками моего отца, так сказать, *partegenossen*, вырвался из бутылки.

ПАТРИОТ ЛЕРМОНТОВ. День был разнообразный. Начался в школе, на уроке литературы с пятиминутки ненависти к самодержавию – угнетателю народа. В поисках автора-ненавистника выбор остановился на Михаиле Юрьевиче Лермонтове. Истинный был патриот. Это ж надо:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ. С голубыми мундирами судьба свела меня в тот же день, точнее, ночь. Правда, думалось не о них. Заботилась наша семья о моём гайморите. Знаете, что такое гайморит? Это, проще говоря, синусит – воспаление гайморовых пазух носа. У меня это дело обнаружилось при тщательном обследовании. И стали меня лечить. Перед сном облучался я лампой-рефлектором, дающей синий свет. В незабываемую октябрьскую ночь 1938-го лежал в постели и облучался этим самым синим светом. Кто бы мог подумать, что истекают последние минуты моей первой жизни? Жизней у меня, как у кошки, было несколько. Начиналась вторая.

Итак, постучали в дверь... Дальше всё пошло по возрастающей. За две минуты я превратился из простого мальчишки с некоторыми претензиями в одного из ЧСИР, т.е. в Члена Семьи Изменника Родины, или сына врага народа, как вам больше понравится. Остальные – две женщины из самого-самого народа, из его гущи, тоже стали ЧСИРами.

Вошли двое с голубыми, по традиции, околышами на фуражках, показали новоиспечённому врагу народа бумажку, спросили: "Подчиняетесь?". Ответ: "Приходится подчиниться". Полетели на пол бумаги, фотографии и прочая мелочь. Искали компромат по поводу связи с врагами народа. Всё пригодилось: служебная переписка на бланке матёрого врага, первого секретаря Баррикадного райкома ВКП(б) Демиховского, московская фотография: профессор коммунистического университета, бешеный пёс Бухарин со студентами, одним из которых был, к несчастью, мой отец.

К утру процессия – чекист спереди и чекист сзади, в середине отец, направились к выходу. У подъезда ждал воронок. Так ласково народ назвал машину по перевозке

самого же этого народа на тот свет. Уходя, отец мне сказал: "Завтра ты вырастешь на целую голову. Не держи зла на власть. Будь ей верен. Вступай в комсомол, живи ради коммунизма".

В комсомол я вступил. А с остальным – проблема. Главное – кто враги народа? Народ, которого расстреливают, выходит, сам себе враг? А те, кто в него стреляют, друзья?

Отец, конечно, не был виноват в том, в чём его обвиняли. Мы тешили друг друга надеждой, что "разберутся". Разобрались и "дали" всего пять лет. Это, считалось, просто слегка пожурили. Но совсем ли не виноваты верные ленинцы, которые за что боролись, на то и напоролись? Не они ли отладили машину, которая, в конечном счёте, перемолола их самих?

Непосильные эти вопросы в одночасье обрушились на бедную мальчишескую голову, только ещё начинавшую думать при полном отсутствии информации за пределами семейного круга. А доведённая большевиками до совершенства машина навалилась на хрупкие плечи двух несчастных женщин, которых те, кому временно повезло, старались обойти стороной. На работу жён врагов народа не брали. Спасибо, что сократилась практика посадки ЧСИР.

Нас только выставили из первого, пятиэтажного Дома советов и перевели в трёхэтажный второй, похуже, с коридорной системой. Квартиру нашу занял, естественно, чин НКВД, но нас он не тронул, за что спасибо. Мать после долгих мытарств устроилась на работу секретаршей. Считалось, что очень повезло.

ПЕТЛЯ С КОММЕНТАРИЕМ. Представьте себе, оправдались наши надежды, разобрались! Правда, ровно через пятьдесят лет, в 1988 году, когда почти никого из действующих лиц уже не было в живых. Хотя, вроде бы, первая разборка была в 1956-м. Но в горбачёвское перестроечное время разобрались окончательно и публично. Газета "Волгоградская правда" напечатала на всю полосу статью под названием "Петля". Кое-что было там изображено неточно, а что-то автор художественно домыслил, но в целом так и было.

Отрывок из статьи:

"Он был убежден: корень обрушившихся на него раньше несчастий – в нескольких строчках анкеты, которую он всегда заполнял предельно честно, в расчете на здравый смысл читавших ее, на большевистскую непредвзятость.

Он еще раз перечитал начало апелляции. И после недолгого раздумья продолжил: «Разве не очевидно, в чем трагедия? Я понимаю людей, уstraшенных моим прошлым, хотя в нем нет ничего разъединяющего меня с партией. Страшно. Опасно. «Всякое может быть»... Я это понимаю. Но меня не понимают и боятся понять, что перед ними коммунист, для которого партия — воздух, жизнь. «Всякое может быть»... Разве не очевидно, что нелегко отвечать седому человеку за ошибки, совершенные в 20 лет? И возрастет, как снежный ком, пухлое «дело», в котором все - возведенное в квадрат, только нет главного – живого человека.

Краевский посмотрел на окно, за которым стемнело, и потянулся к настольной лампе. Потом быстро дописал: «говорю о том, что давит, гнетет, без объяснений, которых давал достаточно. Говорю потому, что есть же возможность с точностью установить, что ни с кем из врагов не был связан, что никакого двурушничества, антипартийности нет. Установить все это и правильно, по-большевистски, по-сталински решить вопрос о судьбе члена партии» [замечу от себя, что теперь слова насчёт правильного сталинского решения – чёрный юмор, а тогда это было более чем всерьёз. В.К.]

Отложив ручку, он отодвинулся от стола...

Краевский не допускал мысли, что снежный ком уже превратился в лавину, выбраться из-под которой ему не суждено. Ведь еще в июне 1929 года, когда шла

чистка партийных рядов, он получил на руки выписку из протокола проверочной комиссии Средне-Волжской области Ульяновского округа: «Краевский работает редактором окружной газеты «Пролетарский путь». В партии с 1918 года. Состоит членом бюро Ульяновского окружкома. Партвзысканиям не подвергался. В 1921 году, перед X съездом ВКП(б), имел оппозиционные взгляды: на Самарской губпартконференции в числе 11 человек голосовал за позицию Троцкого в вопросе о роли профсоюзов в управлении экономикой. Во все остальное время был всецело за линию ЦК, работал пропагандистом. Во время проверки никаких компрометирующих Краевского материалов не поступало. Считать Краевского проверенным, в партии оставить». А до этого была чистка 1921 года...

Теперь же на него навесили ярлык «скрывшего в учетных партдокументах активное сопротивление партии» и даже приписали, неизвестно с чьих слов, авторство мифической брошюры троцкистского содержания, напечатанной якобы им в том же 1921 году. Но вот перед Виктором Леоновичем пришедшая три дня назад спасительная бумага. Справочно-библиографическое бюро Всесоюзной библиотеки им. Ленина в ответ на его запрос сообщило, что никаких брошюр Краевского за период 1921–1922 годов не существует. «В книжной летописи, официальном издании Всесоюзной книжной палаты, зафиксирована только одна книга В. Краевского «Очерки мирового наступления капитала и борьбы рабочих» (Бугуруслан. 1923, 1000 экз.). Дополнительно просмотрели газету «Луч коммунизма» за 1921—1922 годы. Брошюр Краевского за эти годы тоже не установлено». Чего же еще и где искать после этого? Разве что – человека, пустившего «утку» и теперь потирающего вспотевшие от мстительной радости руки?.....

Теперь происхождение Виктора Леоновича – тоже криминал, как и длившееся с месяц «отступничество» на почве поддержки в ходе Всесоюзной открытой (!) дискуссии тезисов Троцкого о будущем профсоюзов. Причем Краевский, работавший в среде железнодорожников и поначалу согласившийся с позицией «родного» ЦК профсоюза транспортников, сразу после принятия X съездом РКП (б) резолюции о единстве партии ни к каким уклонам не примыкал».

Воистину, дискуссия – "не место для дискуссий". Иметь своё мнение – смерти подобно, а если вернуться к нашему времени и месту работы, то в Российской академии образования это подобно постепенному вытеснению дальше и дальше к самому краю, т.е., пользуясь современной терминологией, превращению её члена в маргинала.

ПЕТЛЯ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ. В 1988-м мне устроили, вопреки действовавшим в то время порядкам, встречу с заведующим волгоградским партийным архивом, и тот мне дал почитать в его присутствии дело Краевского Виктора Леоновича (партийное, а не энкеведистское, хотя разницу почувствовать было бы трудно). Вот что я успел переписать из довольно пухлого тома.

Из анкеты Виктора Леоновича Краевского

«1916-1918: Конторский труд.

VI-1918 – VIII-1918: рядовой боец, рабочая революционная дружина, Восточный фронт.

VIII-1918 – IX-1918: Заключённый. Белогвардейская тюрьма, г. Казань.

I-1919 – VI-1919: Член коллегии – ответственный секретарь. Транспортная

чрезвычайная комиссия, Абдулино, Самарской губернии.

Январь 1919 г. до конца 1921 г. работал в органах ЧК секретарём.

VII-1925 – VIII-1926: Заведующий Губполитпросветом при ГубОНО, г. Самара.

Декабрь 1932 г.: заместитель ответственного редактора краевой газеты "Волжская коммуна" (г. Самара)

VII-1934 – II-1935: Станица Нижне-Чирская Нижне-Волжского Края – ответственный секретарь РК ВКП (б)

II-35 – III-36: II заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом Нижне-Волжского Крайкома ВКП (б)

III-36 – Заместитель секретаря Райкома ВКП (б), Баррикадный Райком ВКП (б), г. Сталинград.

Адрес: Завод "Баррикады", Нижний посёлок, д. 1003, кв. 1

4 декабря 1936 г.

Образование

Башкирская АССР, Уфа, с. Дедово, 2-х классная ж.д. школа с 6-тилетним курсом обучения. Вступил в 1909 г., окончил в 1916 г.

Одногодичные курсы уездных партработников при ЦК ВКП (б) VIII- 1924 – VII-1925».

Характеристика от 20-I- 1924 г.

«Краевский В.Л. . Зав. агитпропом РКП (б). По политразвитию отнесён к IV группе. Является теоретиком марксизма. Наклонностей к склоке нет».

Из автобиографии

«Родился в марте 1900 г., Башкирская АССР, Уфа, с. Дедово...

...Слабое здоровье (болел тифами, плевритом, туберкулёзом и пр. болезнями) препятствовало осуществлению желания учиться. Имея низшее образование (до революции учился в 2-классной ж.д. школе с 6-летним сроком обучения), пройдя в 1924-25 годах одногодичные курсы партработников (секретарей Укомов) при ЦК ВКП (б), в 1932 году возобновил попытку попасть на учёбу, выдержал испытание и был зачислен на редакторское отделение ИКП литературы, но после ликвидации редакторского отделения был командирован культпросветом ЦК на работу в Сталинград редактором городской газеты "Борьба"....

... Состою на учёте запаса ГПУ (НКВД). Имею билет красного партизана-красногвардейца».

ВКП (б)

Сталинградский Краевой Комитет

16 III 1937 № 60804

НЕ ПОДЛЕЖИТ ОГЛАШЕНИЮ

Гор. Куйбышев

Горкому В.К.П. (б)

Направляя при этом автобиографию и дополнение к автобиографии тов.

Краевского Виктора Леоновича, Отдел руководящих парторганов Обкома ВКП (б) просит тщательно проверить сведения, называемые тов. Краевским, через членов ВКП (б) и архивным данным, и весь материал прислать в Обком.

Особенно необходимо проследить, не примыкал ли тов. Краевский к троцкистско-зиновьевской оппозиции после 1921 г. в период его работы в Вашей организации.

Ответ просим не задерживать.

Зам. зав. отделом

Руководящих органов

Обкома ВКП (б) (Гордяков)

Разослано по адресам:

Гор. Бугуруслан, Куйбышевской области, Горкому ВКП (б);

Гор. Ульяновск, Горкому ВКП (б);

Гор. Москва – секретарю ПК ИКП литературы;

Гор. Куйбышев, Горкому ВКП (б);

Ст. Абдулино, Куйбышевской области, Райкому ВКП (б).

ГРЕШНИК. Расставленные в пяти местах сети стали приносить улов. Самую жирную рыбку поймали в Абдулине. Вот что там стряслось шестнадцать лет назад, в 1922 году.

В черновике утреннего заседания 16 февраля по вопросу о роли профсоюзов в хозяйственной жизни страны в прениях речь т. Краевского в таком виде:

"В азбуке коммунизма сказано – мы идём постепенно к уничтожению классов, а, следовательно, и диктатуры, а пока производство должно быть в руках трудящихся. Каким образом производство должно быть передано, указывается в Постановлении IX съезда, где не отвергается участие рабочих в управлении промышленностью, но в то же время делается подбор спецов, технических исполнителей. В программе говорится о постепенном переходе в руки профсоюзов. Если мы посмотрим, в каком положении находятся наши профсоюзы, то станет ясно, что основная задача профсоюзов, а именно борьба с буржуазией, изжита, и теперь необходимо профсоюзам принять участие в производстве (подчёркнутые слова). Защищает позицию Троцкого. Троцкий разделяет на 3 группы: 1) определённые белогвардейцы, которые выбрасываются, 2) ненадёжные элементы – приставляется комиссар и 3) группа, которая непосредственно вступает в управление производством".

Из газеты "Сталинградская правда" 02.10.1937 г.

«Тов. Демиховский и его заместитель т. Краевский систематически вычёркивали из стенограмм заседаний и собраний всю критику коммунистов по их адресу... Редактор "Баррикад" т. Гринберг не критикует ни директора Будняка, ни Демиховского, ни Краевского. Газета культивирует чиновничество, подхалимствует перед директором завода. На собрании резко критиковали директора завода т. Будняка, который бюрократически извращал принципы единоначалия. Он счёл себя свободным от общественного контроля, не прислушивался к сигналам о подрывной деятельности агентов фашизма, орудовавших на заводе, зажимал самокритику...

Тов. Столбова говорит: – Я рассказала т. Демиховскому, что работник обкома Киш – троцкист. На это мне Демиховский ответил: "Ты вела борьбу против райкома, теперь против обкома ведешь?!"...

Среди членов бюро культивируется семейственность и чиновничество. На одном заседании бюро т. Будняк выступил против одной заметки, помещённой в газете "Баррикады". Первым от этой заметки отрёкся ... редактор Гринберг, потом и Краевский.

23.VIII. 1938 г. Ерманский РК ВКП (б) исключил Краевского из партии за скрытие от партии активного участия в 1921 г. в троцкистской оппозиции; за притупление политической бдительности и пособничество врагам народа (Демиховский, Романов, Жухина), за зажим самокритики».

***

ДВА ПАВЛА. Не всё проявляется сразу. Работают механизмы отсроченного действия. Много лет спустя после описанных событий работал со мной в издательстве Павел Кузнецов, мужчина экстравагантной внешности, длинный, с большим носом, оптимист, пессимист, мудрец и остроум, лёгкий на подъём и готовый к авантюрам. Мы с ним дружили, находили общие сюжеты в разговорах и в жизни.

Судьба Павла была тяжела и обычна для нашего поколения. Его отец пошёл той же дорогой, что и мой, а вот участь детей сложилась по-разному. Я оказался сыном врага на излёте сердцевины террора, который не прекращался никогда. Можно считать, что это было везенье. А Павел попал, как говорят, в яблочко. Отца – в лагерь, сына в спецдетдом. А как дозрел до совершеннолетия – пожалуйста в ваш дом родной – в лагерь, по стопам папаши. Свою вину (не у того родился) мой друг искупал, стоя по колена и выше, в ледяной воде северной реки. Ловил брёвна, норвящие вырваться на морские просторы. Когда началось возвращение декабристов, отпустили обоих – отца и сына. Оказывается, зря "сидели" – не виноваты.

Устроился Павел, в общем, неплохо, и жил бы нормально, если бы в его ещё нестарые годы не стали отказывать оледеневшие в прошлом ноги. Медленно. Сначала трудно стало взбираться по лестнице. Однажды я подсаживал его на ступеньку, когда садились в троллейбус. Потом ему пришлось уйти со штатной должности и брать редакторскую работу на дом. Потом перешёл в другое издательство, поближе к дому. Со временем вообще ездить и на другую работу стало трудно, гулять стал только во дворе.

После долгой паузы Павел объявился по телефону. Обычное: "Как жизнь?" – "Приходи, посмотришь. Только не пугайся. Трубку у моего уха держит сестра".

Прихожу. Страшно было видеть, что осталось от человека. Сидит в кресле. Ни руки, ни ноги не действуют. Кормят с ложечки, страницы книги перелистывают сёстры (их двое). Говорить может. Говорящий труп.

Оказалась у Павла болезнь другого Павла – Корчагина. И его создателя Николая Островского. Помните такого? Комсомолец-энтузиаст, в холод и голод не выпускавший из рук лопату в строительстве светлого будущего. На всех диагноз оказался один – множественный (рассеянный) склероз.

Один бывший комсомолец делился воспоминаниями о том, как он в прошлом был агитатором. Прикрепили его к женскому общежитию. К своим обязанностям он относился серьёзно, к каждой беседе готовился по первоисточникам. Однажды провёл занятие по теме "Энтузиазм и энтузиасты". Слушали его две совсем зелёные девчонки, а третья была уже средних лет. Она обычно в беседах не участвовала, сидела на кровати и вязала. После душевного разговора агитатор спрашивает: "Ну, поняли, что значит ЭНТУЗИАСТ?" Девочки безмолвствуют. И вдруг молчаливая женщина подаёт голос: "Энтузиаст – ну, это как будто всё время выпимши".

Умирал мой Павел медленно. Со временем говорить уже не мог. Везли гроб мимо его дома, и отец, переживший сына, смотрел на процессию из окна.

4. ВОЙНА

ПОНОС ИЛИ ЗОЛОТУХА? Выбор небогатый, но всё же, как определить, что из них хуже? Вождь всего прогрессивного человечества, будучи не вполне русским, ответил по другому поводу, но с аналогичной альтернативой, кратко, неподражаемо и незабываемо. Ответ был: "Оба хуже!" В новейшее время так умеет только Виктор Степанович Черномырдин.

Время наступило горячее. Два хищника-побратима с разных концов вонзили клыки в постаревшую модницу – Европу.

Братство было столь же нерушимым, сколь и недолгим. К 1939 году в центре Сталинграда разбили большой сквер, или небольшой парк. Он примыкал к Площади павших борцов. Как-то, прогуливаясь, я прочитал на стенде номер "Правды", в котором можно было полюбоваться фотографией Гитлера, с улыбочкой обнимавшего Молотова за талию. Посланцу Сталина показывали новую имперскую канцелярию. Русские–немцы, братья навек, зачастили друг к другу. Британский империализм вместе с его растленной демократией претил обоим фюрерам. И заключили они между собой пакт о ненападении, после чего на этот раз уже с разных концов напали на Польшу. Началась Вторая мировая, пока ещё для нас не Отечественная. Польшу поделили, отдали советам Прибалтику.

В ознаменование советско-фашистской дружбы 23 сентября 1939 года в Бресте прошёл совместный парад вермахта и Красной армии. Командующих парадом, вопреки традициям, было, вместо одного, двое: выпускник Казанского танкового училища генерал Хайнц Гудериан и выпускник Военной академии имени Фрунзе комбриг Семён Кривошеин.

Но вот отгремели приветственные салюты. Пора было заняться делом, точить кинжалы уже друг против друга.

Историки спорят, понос ли начал первым или золотуха, чума или холера. Ну не всё ли равно? Исторический факт: из двух усачей первым сделал выпад тот, который со свастикой. А что там было в голове у другого, точно никто не знает, хотя предположения строятся иногда глубокие и убедительные. Но сошлёмся на глуповатую поговорку, что история не знает сослагательного наклонения. Физика знает, астрономия знает, обе проводят мысленные эксперименты, например: что было бы, если бы земной шар вдруг прекратил своё вращение (см. сочинения Уэллса и Перельмана). И только история не смеет предположить, что было бы, если бы... Но ссылаться на этот афоризм удобно, мы тоже на него сошлёмся и закроем эту тему. Откроем другую.

В. М. Молотов Доклад о внешней политике Правительства на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года

За последние несколько месяцев такие понятия, как "агрессия", "агрессор" получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Нетрудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, 3– месяца тому назад... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру... Английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является, не больше и не меньше, как "уничтожение гитлеризма". Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это – дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма" прикрываемая фальшивым

флагом борьбы за "демократию".

(Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета СССР 1939 г., с. 7 – 24) – ХРОНОС

РЕЙНЕКЕ-ЛИС. Солнечный зайчик над моей постелью высветил Финляндию – часть Российской империи. Я проснулся и по привычке принялся разглядывать другие части: Польшу, Прибалтику и прочие. Начинался день 22 июня 1941 года...

Карта где-то отыскалась в библиотечных завалах. Она слегка устарела, надписи на ней были с буквой ять, но Москва и Казань были на своих местах. Дело в том, что механическая память у меня никуда не годилась, и география была мучением. Уже в школу давно ходил, а всё не помнил точно, где Лондон и где Берлин, какой из них в Германии, какой в Англии. И мать повесила карту над моей головой, чтобы невзначай я запоминал, что где.

В моде было всё немецкое. Хлеб в Германию вывозили до первых выстрелов. Тем утром радиотарелка передавала литературно-музыкальную композицию по немецкой сказочке "Рейнеке-лис". Сказка кончилась, и вдруг... Левитан: " Работают все радиостанции Советского Союза". Мы с матерью гадали – о чём бы это? Мать говорит: "Наверно, о снижении цен на материю". Материю не в философском смысле, а, так сказать, пошивочном. Я сильно побледнел и сказал: "Нет, мать, это страшная война". Не прошло и двух минут, как заикающийся Молотов не оставил сомнений в том, кто угадал.

Усатый немецкий лис перехитрил своего визави. Это стало ясно не сразу. Поначалу удивлялись его глупости. Все знали, что броня прочна и танки наши быстры. Полетит самолёт, застрочит пулемет, загрохочут могучие танки, и линкоры пойдут, и пехота пойдёт, и помчатся лихие тачанки. Знали, что если нападут, воевать будем на территории агрессора.

Всё это потом было, кроме тачанок. Но потом. Ошиблись во времени. Думали и пели, что мы врага разгромим малой кровью, жестоким ударом, сразу. Спорили оптимисты с пессимистами. Первые отводили на все дела неделю, вторые – аж целый месяц. Но нет, сразу и притом малой кровью не получилось.

Первые военные дни в глубоком сталинградском тылу показали никчемность глубоко зомбированного социально активного сознания и ясность мышления пассивного обывателя. В тот исторический день мы пустились в разговоры между собой и знакомыми о текущем моменте, в соответствии с характером русского полуинтеллигента, которого хлебом не корми, только дай поговорить. Неожиданно присловье "хлебом не корми" материализовалось буквально. В отличие от нас обыватель ринулся в поход по магазинам – запастись солью, спичками, крупой. Когда утром следующего дня наступил торжественный момент – мой день рождения, и мать собралась мне преподнести традиционное угощение – пирожное, не оказалось в продаже не только подобных деликатесов, но и простого хлеба.

Дальше всё более или менее известно, писано-переписано, печатано-перепечатано, представлено-перепредставлено – как началось и чем кончилось в Сталинграде.

Дело привычное – грандиозные юбилеи, петиции ветеранов о возвращении Волгограду исторического наименования (но не Царицына), и т.д. Понятно, вчерашние победы слаще сегодняшних проблем.

За две недели до Большой Бомбёжки, 8 августа 1942 года, мы с матерью оказались среди немногих эвакуированных (власти не хотели поднимать панику). Разбомбить нас немцы не успели. Не выходя из железнодорожного вагона, переправились через Волгу в том месте, где сейчас плотина Волгоградской ГЭС. И в конечном счёте оказались в Казахстане. Из имущества с нами был средних размеров

чемодан.

СТАЛИНГРАД, 1982 – 1942. Нет, это не о боях. Точно сорок лет спустя, в августе 1982 года побывал я в Волгограде. Это был – как случается во сне – и тот город, исхоженный вдоль и поперёк в детстве, и не тот. Другая жизнь, другие люди.

Меня пригласил Сергей Владимирович Ильин, заведующий кафедрой педагогики Волгоградского государственного педагогического университета. Он был замечательным учёным и человеком, и наши интересы в науке пересекались и сходились. Может быть, самым важным был его талант высматривать подходящих людей, которые в обстановке, им созданной, сами становились учёными и организаторами науки. Первым, с кем он меня познакомил, был его аспирант – уведённый прямо со школьного урока учитель Николай Сергеев, приятный молодой человек, доброжелательный, с мягкими манерами. Он взялся меня провести по городу, рассказать о том, что там было и что происходит сейчас. Но гидом на самом деле оказался я. Нахлынули воспоминания, и я стал рассказывать, что где в Сталинграде было до войны, как строили универмаг, где в 1940-м я купил фотоаппарат, а в 1943-м сдался Паулюс. Показал своему спутнику, где был дом Советов – приют партноменклатуры. Вспомнил, как перед войной благоустроили набережную, вырыли в склоне небольшой котлованчик, где поместили кафе "Мороженое" – там впоследствии дислоцировали штаб армии, оборонявшей город. О том, как во всех продовольственных магазинах продавались несколько сортов икры – чёрной и красной. Когда же мы гуляли по Волгограду, дело шло туда, куда оно пришло к концу 1980-х, когда в роскошном гастрономе со многими отделами во всех этих отделах продавался один товар – куриные яйца. Справедливости ради надо сказать, что в других городах и этого не было. Выручали побеждённые – посылали победителям гуманитарную помощь.

Теперь Николай Константинович – ректор одного из лучших педвузов страны. Одного из – это по официальному рейтингу. А по моему персональному, если бы не опасался обидеть других, сказал бы, что лучший. Его преподаватели и студенты действительно интересуются педагогической наукой, действительно делают её и продвигают.

СТАЛИНГРАД – ГЕНЕРАЛЫ, ЛЕЙТЕНАНТЫ И РЯДОВОЙ НЕОБУЧЕННЫЙ

Расположился я в общежитии педагогического университета, бок о бок с Мамаевым курганом и раскинувшимся там мемориалом. Вроде, никто не забыт. На стене сверкают позолотой имена погибших в сталинградской битве. Имени моего старшего приятеля Жени Степанятова среди них не оказалось. Впрочем, воевал он недолго – один день. До самой весны 1942 гуляли мы с ним по улицам и рассуждали, в общем, обо всем, of cabbages and kings (о королях и капусте), о сущности Вселенной и жизни в ней, о войне и мире и т.д. Разговор был в целом безобидный, мы себя считали философами, но иногда он приобретал опасный по тем времена поворот. Мы подозревали, что не совсем всё ладно, и даже, страшно подумать, может быть, сам... Такой ход мысли уже тянул лет на десять просто или на столько же "без права переписки" (это был эвфемизм, означающий расстрел, о чём никто тогда не догадывался).

Отец Жени недавно был первым секретарём Сталинградского городского комитета ВКП (б). На своё несчастье, как и многие другие секретари, он отличился в борьбе за власть Советов. Сыну было пора призываться в воюющую армию, и он был готов идти на фронт, но вражескому отпрыску путь был закрыт. Однако когда немцы подошли вплотную к городу и каждый штык был на учёте, социально

неблизкими уже не брезговали, взяли моего друга оборонять Сталинград, и на следующий день он погиб.

Имя его не внесли в список погибших. Пусть оно останется хотя бы узором на песке, на странице моего не-бестселлера. Кто-то прочтёт.

Годом раньше, в ноябре 1941-го, под Москвой погиб другой мой знакомый – Володя Альтман. В армию его ещё не призывали. Защищать столицу пошёл добровольцем. Добровольцы собирались свернуть шею фашистской гадине голыми руками. Ружья были у немногих. Удобную мишень немцы расстреляли из автоматов с ходу, не тормозя мотоциклов.

И вот ещё память о Сталинграде – знакомство с генералами.

Мать моя на извилинах судьбы познакомилась с особой, которая её устроила на чудесное в условиях военной голодовки место. Она стала лаборантом молочно-контрольной станции рынка, расположенного не в самом видном месте – за железнодорожным мостом. От молока, да и другого продукта, принесённого для продажи, после анализа оставалось сколько-то граммов. За день набиралось вполне достаточно для трапезы.

Я часто бывал на этой станции, в отдельном уютном домике. Помогал матери закручивать центрифугу, иногда ночевал. Немцы со свойственной им настырностью каждую ночь (а ночи были великолепные, лунные) прилетали в город, даже не бомбили, а неизвестно зачем. Красивое было зрелище – половину небосвода покрывали разрывы зенитных снарядов – мощный фейерверк. Днём я вместе с другими копал "щель" – глубокий крытый окоп, укрытие от бомб.

После войны узнал, что в эту щель было маловероятное, но случившееся прямое попадание.

У одной из знакомых матери, в частном маленьком домике поселились два настоящих генерала. Чем они занимались на службе, нам, естественно не было известно, а вот как отдыхали, мы знали, ибо они от народа не прятались, а даже наоборот.

Как раз во время их отдыха мы и пришли. Обстановка была неформальной, генералы были без мундиров, в маечках и сидели за столом, уставленным немислимыми по тем временам яствами: копчёной колбасой, тушёнкой, сыром и чуть ли не чёрной икрой. Всех пригласили за стол.

Отрекомендовались генералы как Миша и Федя. Спросили, как что, и где мой отец. Мать со вздохом намекнула на печальную правду. И генерал Федя сказал: "Ты этого не стыдись, парень, а гордись. Этот ... (не могу изобразить это слово) усатый и наших офицеров сотни перебил. Место этому... (опять не могу передать) на первой перекладине. Давай за твоего папашу выпьем, чтобы ему выжить и выйти на свободу". Выпить выпили, но доброе пожелание не сбылось.

Такая непринуждённость в выражениях была для нас удивительна. За войну народ разболтался, и, забегая вперёд, заметим, что после неё генералиссимус принялся готовить новое генеральное (и генеральское тоже) кровопускание для восстановления исполнительской дисциплины.

Этот тост был не последним. Как показали дальнейшие сталинградские события, застолье не помеха в воинском деле. Как и ясность сознания, позволяющая правильно ответить на первый из классических русских вопросов: "Кто виноват?". А ответа на второй – "Что делать?" не знает никто.

Вот что надо добавить. Много лет тлеет и время от времени разгорается ещё один вопрос. Требуем вернуть городу его прежнее название. Ну что же, резонно. Свердловск снова Екатеринбург. И Волгоград мог бы опять стать Царицыном. Но не о том ведут речь! Поминают тирана, вспоминают битву, обозначенную в истории как сталинградская, в которой победил не город Сталинград, а наш более чем двужильный народ-страдалец ценой непомерных жертв. Вспомнили бы чёрную дыру

– могилу миллионов, навеки той же историей привязанную к той же партийной кличке.

Однако водили мы компанию не с одними генералами. В нашей комнате, кое-как разделённой фанерной перегородкой, в феврале 1942-го поселились два танкиста, два весёлых друга, каждому по двадцать лет отроду. Один был попроще – Шурка (Александр Андреевич Хаванов), другой поизысканнее – Вася-Валентин Минаевский (второе имя для конспирации, при знакомстве с девушками). Несмотря на разницу лет, я с ними подружился, попробовал даже портвейна. Не понравилось. Летом ребята отбыли, куда – нам неизвестно.

ЭВАКУАЦИЯ. Дальше потянулась более или менее рутина. Об истреблении вшей, холоде и голоде, заплатах на единственной рубашке и о прочих деталях военного быта рассказывать тяжело и скучно. Мать была настоящей героиней, из тех, кто "в горящую избу войдёт". Стоит рассказать о самом ярком и больном – о том, как мы стали беженцами. Правда, тогда таких называли иначе – "эвакуированные". Но сегодня этого второго слова не слышно, зато беженцев – тысячи. А чем мы от них отличались? Тем более что был приказ гражданское население из города не эвакуировать во избежание паники. Паники от этого не убавилось, зато гражданские лица, не говоря уже о том, что гибли в огне, путались под ногами у армии.

Мы попали во второй эшелон из тех, которых всё же выпустили на Восток. Запомнилась железнодорожная переправа через Волгу в том месте, где сейчас волгоградская ГЭС, и последний взгляд с левого берега на чёрное облако над городом – горели цистерны на Мамаевом кургане...

И вот мы в селе Песчаное Павлодарской области Казахской ССР, на берегу Иртыша. Морозец пришёл в те края рано. Каждый день впрягался я в санки, чтобы добыть дровишки – откуда? Из лесу, вестимо. В лесу было хорошо, но погода коварная. Совсем было тихо, никакого ветра. Кажется, что и не морозно совсем. А уши потрогаешь – оказывается, их как бы нет. Не прощупываются и не прощипываются. Дрова были хилые, больше похожие на хворост, но кое-как всё же отапливали избушку. Однажды хозяйка куда-то отлучилась на неделю, и температура в доме резко пошла на спад. Обнаружилось, что куры в прихожей этого не перенесли. Знатный был скандал.

ОФИЦЕРСКАЯ ЖЕНА. Но как бы ни было нам туго, крестьянская закалка матери выручала нас не однажды. А вот нашей соседке – жене польского офицера с маленьким сыном приходилось много хуже. Женщина она была изначально холёная, совсем не приспособленная к деревенскому быту. Мы ей помогали, как могли. А она всё тужила по мужу своему, захваченному советскими войсками ещё в 1939-м. Ходили слухи, что вроде бы такие будут приняты в формирующуюся армию генерала Андерса, который собирал силы для войны с немцами. Но известий от мужа давно не было, гордая полячка нам жаловалась на это и делилась надеждами, как потом выяснилось, напрасными. Совсем недавно попались мне на глаза подробности. В том числе и о семьях польских офицеров. Кому эти подробности скучно читать – пусть их пропустит, а я уклониться от долга перед памятью страшных лет не могу.

Должен.

Вот сухие документы.

Записка Берии Сталину

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 марта 1940г.

Как свидетельствуют опубликованные в 1992г. документы, 3 марта 1940 (дата установлена по номеру записки) вот что предложил Политбюро народный комиссар внутренних дел Лаврентий Берия:

«В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических контрреволюционных партий, участников вскрытых контрреволюционных повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

<...>

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков, по национальности свыше 97%— поляки.

<...>

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым дела о находящихся в лагерях военнопленных—14,700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков, а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11,000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания— расстрела».

5 марта было принято соответствующее решение Политбюро:

«Дела <...> рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания— расстрела. Рассмотрение дела провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения. <...> Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР)».

***

КАТЫНЬ

Генеральная дирекция государственных архивов Республики Польша, Федеральная архивная служба России, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Институт славяноведения Российской академии наук, Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации, Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Катынь

Март 1940 г.— сентябрь 2000 г.

Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни

Документы

13 марта начальники Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и их особых отделений были вызваны в Москву (см. № 5), где 15 марта прошло совещание в УПВ НКВД СССР. По всей видимости, аналогичные совещания были проведены и с руководящими работниками НКВД УССР и БССР. Несколько ранее в Москву, в штаб конвойных войск были вызваны командиры бригад и дивизий, части которых несли внешнюю охрану трех спецлагерей и на которые была возложена обязанность конвоирования осужденных к месту расстрела...

Начиная с 7 марта проводится интенсивная подготовка и к депортации семей тех, кого высшая партийная инстанция предписала расстрелять. Решение о проведении

депортации приняли 2 марта 1940 г. и Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет народных комиссаров (СНК) СССР [7]. 7 марта Л.П. Берия направил наркомам внутренних дел УССР И.А. Серову и БССР Л.Ф. Цанаве приказ о подготовке к выселению семей польских офицеров, полицейских и заключенных тюрем (см. № 2). Депортацию следовало подготовить к 15 апреля, семьи выселять на 10 лет в Казахстан. Строжайше предписывалось провести операцию в один день, начав ее на рассвете...

В операции по расстрелу польских военнопленных и заключенных участвовало большое количество работников НКВД – его центрального аппарата (1-й спецотдел, 2-й, 3-й, 5-й отделы ГУГБ, ГЭУ, ГТУ, ГУ КВ, УПВ), НКВД Украинской и Белорусской ССР, УНКВД трех областей, специальные расстрельные команды из Москвы и местных внутренних тюрем НКВД, конвойные части, войска НКВД. Однако более 50 лет все эти люди хранили молчание. Никто из них не осмеливался, да и не желал поведать миру об этой страшной тайне. Ведь они были соучастниками этого злодейского военного преступления. Известно лишь об одном человеке, посмеявшемся нарушить приказ о сохранении в строжайшей тайне всего, что было связано с отправкой военнопленных из лагерей. Политконтролер (цензор) Старобельского лагеря Даниил Лаврентьевич Чехольский предпринял попытки сообщить женам польских офицеров об «убытии» их мужей из Старобельска (см. № 97). По приказу УПВ 23 июля он был уволен из лагеря. Дальнейшая судьба его неизвестна. Некоторые письма, отправленные Чехольским, дошли до адресатов, большую часть перехватила цензура...

До сих пор нам не удалось найти ни одного документа НКВД о процедуре самого расстрела. Однако об этом подробно рассказали в своих показаниях следователям Главной военной прокуратуры бывший начальник УНКВД по Калининской области Д. С. Токарев, а также работник Харьковского УНКВД М.В. Сыромятников. Как показал Токарев, из Москвы для руководства расстрелом в Калинин была прислана группа ответственных работников НКВД. В нее входили зам. начальника ГТУ старший майор госбезопасности Н.Н. Синегубов, начальник комендантского отдела АХУ НКВД СССР майор госбезопасности В.М. Блохин и начальник штаба конвойных войск комбриг М.С. Кривенко. Несколькими неделями раньше тот же Блохин расстреливал Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда, Михаила Кольцова... Военнопленных доставляли из Осташкова по железной дороге и размещали во внутренней тюрьме УНКВД, которую временно освободили от других заключенных. «Из камер поляков поодиночке вели в «красный уголок», то есть в ленинскую комнату, там сверяли данные — фамилия, имя, отчество, год рождения... Надевали наручники, вели в подготовленную камеру и били из пистолета в затылок. Вот и все», — сообщил следователям военной прокуратуры Д.С. Токарев. Функции палачей в Калинин выполняли 30 человек (в двух других УНКВД — еще 23 работника комендантских отделов). В Калинин чаще всех расстреливал сам Блохин. Расстреливали за ночь от 200 до 350 человек из немецких пистолетов «Вальтер», которые Блохин привез с собой из Москвы. Ночью перед первым расстрелом в кабинет к Д.С. Токареву вошли В.М. Блохин, Н.И. Синегубов и М.С. Кривенко. Первый сказал: «Ну, пойдёмте, начнём». «Перед расстрелом Блохин надел спецодежду: кожаную коричневую кепку, длинный того же цвета кожаный фартук, такие же перчатки с крагами выше локтей. Я увидел палача... Через вторую заднюю дверь трупы выносили из камеры и бросали в крытые грузовики. Затем 5 – 6 машин увозили тела к месту захоронения в окрестностях села Медное. Это рядом с дачами УНКВД, с одной из моих двух дач. Место выбирал сам Блохин. Он же привез из Москвы двух экскаваторщиков», — давал показания все тот же Токарев. Немецкие войска никогда эту территорию не занимали, хотя само село Медное находилось несколько дней в их руках. Д.С. Токарев передал тайну захоронения поляков своему преемнику Сененкову, позднее

ставшему заместителем заведующего отделом ЦК КПСС. Каждого нового начальника областного управления КГБ также посвящали в тайну, и он делал все, чтобы о ней не узнали.

ЛЮДИ ДОБРЫЕ. Наперекор всему, мы с мамой выжили. Отгремев, закончились бои.

В 1948 году Альтман прислал маме фотографию, на которой он – бравый, хотя и немного грустный подполковник, и, на обороте, послание, полное победной эйфории:

Наде – в знак нашей комсомольской дружбы.

– Будем всегда борцами!

– Будем всегда служить Родине и коммунизму.

– Будем всегда юны, как тогда, четверть века назад.

Потому что Россия – это молодость, Россия – это верность, Россия – это воля, Россия – заря будущего. Россия – Волга – мы...

Иоганн

5.IX.48 г.

Не думал он, не гадал, что стоит на пороге тяжёлых испытаний.

К этому времени я оказался на своей малой родине – в Куйбышеве (Самаре). Успел побывать студентом политехнического института, сначала на подготовительном отделении, дававшим аттестат об окончании средней школы. Поработал кочегаром на буксирном пароходе "Степан Шаумян", на котором совершил круиз по маршруту Куйбышев – Саратов и обратно. В общем, неинтересно.

Но, может быть, интересны будут маленькие эпизоды, подтверждающие, что доброта в душах людей не исчезает, даже когда она становится уголовно наказуемой. Людей, остающихся людьми, не видно за жирными спинами "толпящихся у трона" и повсюду учреждающих филиалы ада. Но без добра, как без воздуха, жизнь невозможна.

Патологическая честность вывела моей рукой в анкете при поступлении в институт слова об аресте отца. Неяркая женщина-кадровик отдала мне листок и сказала, что с этим меня не примут: "Напишите – "умер". Так я и сделал. Было дело в 1943 году. Спасибо ей или, скорее всего, её памяти.

Эпизод небольшой, но если бы дело повернулось иначе и я не завершил бы образование, вряд ли вывелись бы эти узоры.

Добрые люди оказались в центре Берлина в страшные и для Германии годы тоталитарной власти. Там, в одном из многоквартирных домов жила еврейская семья Лёмпшеров. Жили, можно сказать, под носом у Гитлера все эти годы, включая военные, и остались живы. Никто из жильцов их не выдал национал-социалистам в годы диктатуры, которая расправлялась с "расово-неполноценными" по всей Европе. Их сын, теперь известный учёный-психолог, в бытность свою аспирантом в Ленинграде женился на коллеге, татарке из Казани. Когда я был у них в гостях в Берлине, не догадался спросить, как идентифицирует себя их дочь, плод немецко-еврейско-русско-татарской дружбы. То есть, какой она национальности?

Петушок пропел давно, когда моя мать осенним утром 1940 года проснулась, и получилось так, что она единственный раз в жизни опоздала на работу.

Это было неподходящее время, потому что 26 июня того же года вышел Указ Верховного Совета СССР об уголовной ответственности за прогулы и опоздание на работу, подписанный всесоюзным старостой Калининым: нельзя уволиться с завода по своему желанию и перейти на другой; опоздание на работу более 20 минут – прогул. За прогул – срок в ГУЛАГе. «Правда» в статье от 18 августа 1940 года подстегивала: «На заводах Ленинграда обнаружено 148 прогулов, а передано в суд

только 78 дел». После этой публикации «сели» не только те, кого пролетарская газета помянула, не только директора, проявившие мягкотелость, но и те, кто директоров не посадил до публикации «Правды».

Накануне у нас был тяжёлый день, а утром что-то заело в будильнике. Помню, как мать в бешеном темпе, роняя вещи, собралась и выбежала на улицу. И всё-таки опоздала на 22 минуты. Тюрьма! Но вахтёр, отмечавший приход на работу, рискуя сам, не донёс, пожалел и без того обездоленную женщину.

Мир не без добрых людей.

И не без святых.

Святым назвали сотрудники РАО Володю, Владимира Захаровича Клепикова, после его безвременной кончины. Безотказный был человек. Любой мог о чём угодно его попросить – и всегда получал помощь. Ни разу он не рассердился, не повысил голос. Стираются с годами в памяти подробности и даже черты лица, но навсегда останется чудесная володина улыбка, как бы отдельно от остального.

Был у него (и у меня) друг Павел Шуварикив, наш коллега по сектору зарубежной педагогики НИИ теории и истории педагогики. Два сапога – пара. Паша был такой же - добрая душа. В очень серьёзных обстоятельствах проявился в нём Человек. До увольнения в «гражданку» служил он в оккупационных войсках в послевоенном Берлине. Испытание пришло летом 1953 года, во время массовых выступлений, сначала рабочих, а потом и других берлинцев. Несколько часов стояли друг против друга протестующие немцы и солдаты лейтенанта Шуварикива. Из толпы в сторону военных полетели камни. Лейтенант получил приказ – стрелять на поражение. Рискую попасть под трибунал, приказу не подчинился. Собравшиеся постепенно разошлись. И для Паши обошлось. Просто вышел в отставку.

Опять о прошлом. Заходил в 1960-е годы пообщаться с моей старшей коллегой по работе в Учпедгизе (Учебно-педагогическом государственном издательстве) бывший комсомолец первого поколения Петр Руднев. Он имел неосторожность в 1930-е годы работать в Наркомпросе с Крупской и Бубновым. Первая была просто персоной нон грата, второй оказался злостным врагом народа. После девятнадцати лет сталинских тюрем и лагерей «Петя», как называла его наша сотрудница, сохранил в измученном теле дух святости, приводивший таких людей сначала на баррикады, потом на тюремные нары. И теперь, как ни в чём ни бывало, он продолжал работать – писал рецензии, статьи и книги, получая немалые гонорары, а сам ходил в сникшем костюмчике, сопротивляясь уговорам заняться, наконец, собой. Ста двадцати рублей пенсии, по его словам, было ему предостаточно. Все остальные свои доходы раз и навсегда, по письменному договору, пожизненно определил на содержание воспитанников детского дома.

***

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЯТОЕ. СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА – БЫВШАЯ КОНТРА.

Между тем, война – войной, а отец не на фронте, куда ему был бы прямой путь. Где он – Бог не знает, а знают Сатана и его представители в ГУЛАГе и в спецотделах.

Его дело – типичное по своей нелепости. О справедливости, о том, что "разберутся", говорить нечего, не тот это разговор. Но абсурд! Интоксикация началась тогда, и басманное, оно же мещанское, правосудие – оттуда.

Итак, начинается прояснение обвинения. Выходит, заместитель директора и главный редактор областного книгоиздательства – сущая контра. Он вступил в контрреволюционную организацию, члены которой задалась целью перерубить сук, на котором все они сидели. То есть их хлебом не корми, только дай ликвидировать свои должностные места, зарплату и тот порядок, который им позволял жить совсем неплохо. Главным был у них некто, допустим, Кумачов (фамилия изменена; вряд ли он здравствует и теперь, а родственникам, наверное, неприятно было бы

упоминание настоящего имени). И ещё несколько человек, все – работники издательства. Началось это весной, а осенью до кучи добрали ещё одного, Краевского, подходящего по должности и по цитате двадцатилетней давности из Троцкого. Кроме того, как выяснилось, он ещё и зажимал самокритику. Я глаза протираю, читая это потом в деле и в газетах. Зажимал САМОкритику, не более, не менее! Но главное – выполнял контрреволюционные приказы своего подчинённого по издательству, главаря Кумачова.

И вдруг, в начале 1939-го – как ныне выражается Эхо Москвы – новый разворот. В Москве землетрясение. Ежова, того самого, недочистившего, сменили на благородного Берия (который в пенсне). Новая метла вымела кое-кого из наиболее рьяных энкеведистов-следователей и принялось восстанавливать справедливость в ограниченном контингенте и точечными ударами. Даже выпустили на волю некоторых! И под эту уборку, как бы вы думали, попали и Кумачов с компанией. Оказывается, ни в чём они не виноваты, а виноваты отдельные недочёты по следственной части. Но вот про одного бывшего виноватого забыли. Главарь на свободе, а рядовой, то есть мой отец, сидит и сидит.

Надо отдать сталинградцам должное, от моей матери скрывать положение дел не стали. В конце концов, уже в военное время, она пробились и к следователям. Говорит: "Как же так?! Главарь-контрреволюционер, оказывается, вовсе не контрреволюционер и теперь гуляет на свободе, а один только рядовой член несуществующей, как доказано, организации, в тюрьме". Ей говорят: "Так-то оно так, но чего вы хотите? Война идёт, некогда с этими пустяками разбираться. Вот кончится война, тогда и приходите".

Война кончилась, а идти было уже ни к чему и некуда. Последнее известие от отца – записочка, нацарапанная карандашом на замызганной бумажке: "Везут к Волге, наверное, к Куйбышеву или Саратову". Ещё надо сказать важное: бумажка была в нормальном конверте с нашим адресом, написанным чернилами, незнакомым твёрдым почерком. Значит, кто-то не побоялся поднять бумажку, выброшенную из окна тюремного вагона и прислать отверженным лишенцам. Опять проблеск света в ночи – мир не без добрых людей.

Любопытна судьба бывшей контры после войны, рассказанная мне в конце 1980-х директором Волгоградского партийного архива. Организатор антисоветского подполья стал после войны не кем иным, как первым секретарём Сталинградского обкома, хозяином всего края. Поднимал Сталинград из руин.

Поучительно это для тех, кто семьдесят лет спустя, по молодости лет и/или невежеству засомневался бы – а вдруг на самом деле ничего такого и не было? Попадаются сегодня такие, жареным петухом не клёванные. История антисоветчика-секретаря не оставляет места для сомнений. Сочинители протоколов и приговоров того времени ни на минуту не верили в плоды собственного небогатого воображения. Кстати, в современной Германии высказываемые публично сомнения в людоедской сущности гитлеровского тоталитарного режима, например, в фактах, связанных с истреблением "инородцев" (холокостом) – уголовно наказуемы.

Один из нечаянно уцелевших насельников ГУЛАГа рассказывал, как следователь его спросил, какими языками он владеет. Тот немного помнил гимназическую латынь. Так и сказал. Обвинение: "латинский шпион".

На этом фоне маршрут и конец моего отца – бывшего начальника по службе в издательстве будущего секретаря обкома смотрится как событие микроскопическое. Пришла к нам в 1956-м бумажка, не брошенная в окно, а вполне уважительно отправленная через экспедицию важного учреждения. И в бумажке той – радость. Реабилитирован и восстановлен в партии. Посмертно. Мёртвому припарка.

5. ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ. ЯЗЫКИ

ДЖЕК ЛОНДОН – МОЙ УЧИТЕЛЬ АНГЛИЙСКОГО. Нескоро сказка сказывается, да скоро дело делается. Прошло пять лет после приезда в Куйбышев с девятью классами школы за плечами, и вот уже я и сам – учитель. Причём английского языка. Как это получилось, я сам понимал не очень.

Началось с увлечения Джеком Лондоном. В Сталинградской городской библиотеке прочитал в 1940-41 полное собрание его сочинений. Мечтал сделать жизнь с него, хотя, понятно, совсем были непохожи у нас социальные контексты, чего я не соображал, конечно. И ещё одно меня беспокоило и заинтриговало – ничего я не понимал в латинице, которой были на титульном листе обозначены по-английски названия его сочинений: *The Call of the Wild*, *White Fang*, *The Sea-Wolf* и т.д. Это был для меня бином Ньютона, ибо английский язык так же мне не давался, как и география, и по той же причине. Я не видел логики в том, что предметы, например, были для англичан бесполовыми, хотя у нас стол был мужчина, а книга – женщина. И зачем им *is*, когда мы прекрасно без этого обходимся: "Это книга" без всякого "есть"? Позже узнал о перемене пола при изучении французского языка. У французов стол – *la table*, женщина. Вот потеха!

Менее способного к языкам надо было поискать. Наша школьная англичанка ставила мне тройки потому только, что двойку никому не ставила. Но вот появилась абсолютная мотивация, и я, пренебрегая отдыхом и здоровыми развлечениями на свежем воздухе и в волжских волнах, погрузился в адаптированные книжки на английском языке. Тренировал дырявую память, по двадцать раз лез в словарь за переводом одного и того же, но к концу каникул в крепость языка всё же протиснулся. И вот первая фраза, которую перевёл, не заглянув в словарь. Она же – первое предложение из книжечки Чарлза Диккенса *A Christmas Carol: Marley was dead, to begin with*. Мучился я долго, пытался перевести и так, и сяк: Марли был мёртв, начать с? Нет. Марли был мёртв, чтобы начать? Нет. Марли умер, чтобы начать с этого? Опять не то. Наконец, осенило: Начнём с того, что Марли умер.

Невесёлая фраза врезалась в память навечно. Дальше пошло легче. И осенью поразил я нашу учительницу тем, что нетвёрдый троечник шутя выполнял положенное – читал, переводил в обе стороны и даже немного побеседовал с ней по-английски. Спросила: *With whom did you study?* Я гордо ответил: *With myself*. Не поверила.

Конечно, не свой язык и проникновение в его смыслы – дело тонкое. Например, как выразить русскими словам столь необходимое в быту словосочетание *scheming gascal*? Расчётливый негодяй? Интригующий негодяй? Коряво это и не полностью передаёт нюансы, хотя в общем верно. Приходится по-английски так и обозначить свойства знакомого человека, может быть, бывшего приятеля. А он может оценить эту свою характеристику только, если сам хорошо владеет языком. Учите языки!

К окончанию школы будущее стало просматриваться сквозь туман немного чётче. Так или иначе оно связалось с языком. Ко времени поступления в пединститут я владел языком неплохо и был принят сразу на второй курс. Педагогическая карьера не прельщала. Мужчины на нашем факультете были редкими птицами, и никто не мечтал работать в школе. В масштабах города Куйбышева я мог надеяться только на должность переводчика где-нибудь на заводе, где имели дело с зарубежной техникой. Но о будущем особенно не думалось. Учили языки, ходили друг к другу в гости и занимались, в общем, тем, чем славится студенческая жизнь.

ПЕРВОЕ ЗВАНИЕ. Послевоенная голодная и холодная жизнь не давала расслабиться. Институт я заканчивал, уже работая учителем. Начиналась третья жизнь.

Мечтания насчёт работы переводчиком пришлось отложить, а со временем они как-то сами собой отпали. Вдруг оказалось, что учитель я ничего себе! Кто бы мог подумать? Как страшный сон вспоминаю свой первый, пробный урок во время студенческой практики. Бывал я в жизни в разных переделках – и в железнодорожной аварии, и тонул, и висел над кавказской пропастью в автобусе со скрипящими тормозами. Но такого ужаса, как перед уроком в 6А классе школы № 25 г. Куйбышева ни до, ни после не испытывал. Как это я проживу сорок пять минут под обстрелом шестидесяти насмешливых глаз? А тут ещё на это смотрят наши институтские преподаватели плюс учительница того же класса. Не лучше ли оставить это поле и никогда больше не являться в образовательные учреждения вообще? Но всё таки совершил я главную победу – над собой. Потянул на себя ручку двери и вошёл. Урок провёл посредственно, но ведь провёл!

А потом неожиданно стал я неплохим учителем школы № 39 Куйбышевской железной дороги, на самой окраине города. Железнодорожные школы занимались по общей программе общеобразовательных средних школ, но учителя считались железнодорожниками и получали немалые льготы: раз в год бесплатный билет до любой станции СССР и обратно, и, главное, дрова в достаточном количестве, чтобы протопить печь в течение зимы.

Вскоре получил диплом, где было написано, что такой-то окончил полный курс пединститута по специальности "английский язык" и ему присвоено звание учителя средней школы. Диплом был даже с отличием. Неплохо для почти второгодника.

Непонятным образом оказалось, что я званию соответствую и, в общем, неплохой учитель. Увлёк английским языком подрастающее население окраинных хибар, в которых вчерашние крестьяне спасались от очередного голода. Вроде бы им иностранные языки знать совсем лишнее. Но учили, и некоторые даже неплохо знали положенное по программе.

О дальнейшей жизненной траектории моих учеников не знаю практически ничего. Только один случай подал знак о том, что даёт в жизни знание иностранного языка.

Сажусь однажды в трамвай. Слышу громкий молодой голос кондукторши: "Граждане, проходим в середину вагона! Освободите задний проход!". И вдруг называют меня по имени-отчеству. Она, кондуктор: "Здравствуйте, как я рада! Меня помните? " Ещё бы! Одна из лучших моих учениц.

Не намного больше пригодился язык моему приятелю Игорю. Он основательно овладел тремя языками и, хотя преподавал в нашей alma mater разные тонкости английского, при необходимости мог бы учить и двум другим. Он завершил жизненный путь ни рано, ни поздно – после семидесяти. За пятьдесят лет после института ни разу не побывал за границей. Мне повезло больше. Послали меня в Москву с докладом из опыта, который я в меру сил оснастил научным аппаратом. Получил грамоту, ещё раз был вызван в столицу, познакомился с Академией педагогических наук и оказался на подступах к четвёртой жизни, к заграничным поездкам в том числе.

И уж вполне шоковым оказалось моё новое назначение – школьным инспектором по общеобразовательным школам Куйбышевской железной дороги.

Новым домом для меня стал железнодорожный вагон. В пути проводил 20 дней в месяц. А дармовой билет использовал для поездок, в основном, в Москву, однажды – в Сочи. В Москве останавливался по адресу Лаврушинский, 17, напротив Третьяковки, в доме классиков советской литературы, а точнее в квартире Альтмана. У того тоже началась в некотором смысле новая жизнь, только колесо истории завертелось в обратном направлении.

Это колесо нацелили и по другим маршрутам – давить население, особенно то, которое подросло после 1930-х.

Шёл февраль 1953-го. Сажусь как-то в вагон в благодушном расположении духа.

Частые командировки были мне не в тягость. Они питали любознательность, сталкивали нос к носу с самой жизнью.

Однако сильно испортил настроение номер "Комсомольской правды", взятый с собой в дорогу. Передовая статья призывала укреплять бдительность, по мнению редакции, притупившуюся в результате успехов непобедимого строя. Напоминали гениальную мысль, сами знаете кого, что наши успехи неимоверно укрепляют наших же врагов, и кого не добились, надо срочно кончать (сегодня сказали бы "мочить"), иначе пропадём. Газета приводила ужасные примеры из жизни. Вот сын врага народа пролез в комсомол и даже служит теперь чуть ли не инструктором райкома. Другой недобитый получил высшее образование и стал руководителем производства. При всей своей непотопляемой наивности я не мог не почуять запах жареного. На сковороду опять мог попасть каждый. Черти уже разжигали огонь и готовились опять хватать грешников – всех подряд.

Однако март 1953-го разогнал тучи. Наступала оттепель, или, по изящному выражению одного деятеля России уже 2008 года, политическая слякоть. Надолго ли?

•

ОТСТУПЛЕНИЕ ШЕСТОЕ. ЕВРЕЙЦЫ-КОНАРМЕЙЦЫ (продолжение)

Послевоенное время погрузило сына солнечной Грузии, и.о. русского царя, в тяжкое раздумье. Обнаружился дефицит врагов. Только что побили врагов не выдуманных. Настоящий царь и его свита остались в отдалённом прошлом. Отстреляна интеллигенция, по непревзойденному определению Владимира Ульянова, невезучего самарского помощника присяжного поверенного "не цвет нации, а ...". Многоточие проставлено в Полном собрании сочинений того же концептуалиста, теперь уже создателя партии нового типа (в новой России, начавшейся в 1991 году, одиозное словцо было выведено вполне явно). Обработаны по первой категории враги, изваянные воображением следователей из плотной массы коммунистов, чернорабочих, стариков-колхозников и глухонемых.

Как быть? Без врагов машина даёт сбой. Вдруг отвернут взгляд от врагов и присмотрятся к друзьям? Мелочь вроде ленинградского партактива – на один зубок. Ещё одна забота – войска побывали на загнивающем Западе, обнаружили в капстранах, вопреки стараниям агитпропа, иностранцев не рогатых и не хвостатых, ведущих благоустроенную жизнь. У кого осталась в мозгах больше, чем одна извилина, протёрли глаза и задумались. Даже чуть было не занялись никчемным делом – сравнением. Что могло быть опаснее?

И тогда по отмашке гениалиссиума вытянули за рога из тьмы времён вечного козла отпущения. Существо, славно гармонирующее с вечностью и не расходящееся с народными фобиями, по имени Вечный Жид.

***

Небольшое отступление внутри отступления

Весной 1942-го ввели продовольственные карточки. Они почти вытеснили деньги. Без карточек ничего купить было нельзя, ни за какую цену (а госцены были смешные).

Летом потянулись с Дона наши войска, сильно помятые перемахнувшим через реку противником. Измученные, голодные люди, покрытые степной пылью, с грязными бинтами на головах и конечностях, в порванных гимнастёрках шли через город Сталинград к сборному пункту на берегу Волги.

В один из дней, помеченных исходом с Дона, я пошёл в продмаг за хлебной пайкой (другого продовольствия не было). Даю продавцу карточку. Продавец –

совсем молодой парень, до призыва, видно, не дозрел.

Распахивается дверь и входит лейтенант растерзанного вида – на лице слой пыли, из-под повязки на лбу сочится кровь, гимнастёрка в клочьях. Протягивает парню три рубля: "Хлеба дай!" Парень: "Не могу без карточек." "Ах ты, так-перетак. Давай!" – "Не могу. Не имею права". Лейтенант хватается за кобуру: "Ты, парень, наверно, еврей. Правильно вас Гитлер ..... ый бьёт".

Развязки я ждать не стал. За свои пятнадцать лет такое слышал впервые. Зараза выползла из эсэсовского гнезда и передалась по воздуху защитникам отечества от фашистской чумы.

***

С одним врачом-убийцей, Д.Д.Плетневым, я чуть было не встретился в 1937-ом. (см. выше) Ужас, ужас! Кроме всего прочего, он, 65-летний насильник, оказывается, напал на одну свою пациентку и в пароксизме сладострастия укусил её грудь! Бедняжка потом написала письмо, перепечатанное многими газетами и завершавшееся словами: "Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразивший мое тело...".

Как не стыдно! А ещё заведующий терапевтической клиникой Московского областного клинического института, организатор и директор Института функциональной диагностики и экспериментальной терапии, председатель Московского терапевтического общества.

Страшно подумать, что мог бы проделать этот враг народа над беззащитным мальчишкой!?

В послевоенную эпоху проявились другие врачи, тоже убийцы, по странному совпадению, все с нерусскими фамилиями. Героическая женщина-врач, она же врач-стукач по фамилии Тимашук, изобличившая убийц в белых халатах, получила за бдительность орден Ленина.

Дело шло как по маслу. Расстреляли Еврейский антифашистский комитет. В чём угодно можно расстрельщиков упрекнуть, только не в отсутствии логики. Если ты бьешь антифашистов, то ясно, кто ты сам. Если сегодня бритоголовых отпускают на волю, а антифашистов тащат в кутузку, вряд ли можно сомневаться в идейных пристрастиях тех, кто это делает. Дальновидная политика в конечном итоге привела к тому, что теперь в случае серьёзного заболевания наши соотечественники едут лечиться в Израиль.

Издалека мы наблюдали, как Кошка схватила нашу Мышку – Альтмана. Игры продолжались долго. Сначала почуяли дурной запах в театральном деле. Если в кране нет воды – значит, выпили...? Естественно, Альтман мешал продвижению патриотических пьес на сцену, преследовал передовых советских драматургов. Колесо фортуны покатило в обратную сторону. И вот он уже не редактор журнала "Театр" и газеты "Советское искусство". И больше никакой он не рецензент. Он просто отдыхающий на диване. В таком виде я застал его, впервые появившись в доме № 17, Лаврушинский переулок, в 1950 году. Всякий раз в Москве останавливался у него. Невзначай увидел вблизи и чуть ли не пообщался с людьми, блистательные имена которых глядели на нас с обложек бестселлеров того времени. Кто постарше, должен их помнить: Виктор Шкловский, которого Альтман называл Витенькой, Лидия Чуковская, дочь знаменитого отца, сама прославившая своё имя гневной отповедью отвязанному классику Михаилу Шолохову. С Юрием Олешей ("Три толстяка", "Зависть") мы с Альтманом, выйдя на прогулку, встретились возле подъезда. Тот нёс в авоське бутылку кефира. Говорили, он сам пустил о себе слух, что будто бы спился. Чтобы не приставали. Наткнулся на здорового верзилу Александра Фадеева, выскочившего из машины возле того же подъезда. Наблюдал, как степенно спускается по ступенькам Константин Федин. Заходила к Юлику,

младшему сыну Альтмана, Саша Ильф – рыжая дочь непревзойдённого классика. Провинциалу было что рассказать землякам.

В начале 1950-х – торжественный ритуал исключения Иоганна Альтмана из партии. А посадка на Лубянку – лишь в ночь после смерти отца всех народов в марте 1953 года. И то она была досрочной. Как потом выразился сиделец: "Мозг умер, а руки всё ещё шарили".

Допрашивал Кобулов, заместитель министра внутренних дел. " Вы признаёте, что были активным членом антисоветской сионистской организации "Джойнт", содержащейся на деньги ЦРУ?" " Нет, я не признаю, что был активным членом антисоветской сионистской организации "Джойнт", содержащейся на деньги ЦРУ. Я не антисоветский, а, наоборот, советский. За советскую власть воевал на двух войнах: в гражданской и в Отечественной. Сын погиб, защищая добровольцем Москву". – "Значит, не признаёте? Не получится. Нам всё известно. Подумайте над своим поведением".

Но сначала – гигиена. Чистота – залог здоровья. Альтмана уложили в ванну с холодной водой и продержали в ней достаточное для раздумий время. На следующий день Альтман заявил, что во время следующего сеанса он умрёт, что, очевидно, будет невыгодно допрашивающим. Ответа не получил. О нём забыли месяца на три. Как у Пушкина в "Гаврииаде": кормили и больше ничего.

И вдруг вспомнили. Проводили в знакомый до острой боли кабинет, в котором за столом сидел другой человек. Человек встал и с широкой улыбкой сказал: "Вы уж, Иоганн Львович, простите нас великодушно. Ошибочка вышла. Вот ваш костюм. Можете позвонить семье. Через полчаса будете дома". Действительно, через полчаса был дома. Колесо завертелось в обратном направлении. Не прошло и двух лет, как вызвали в Партийную комиссию и торжественно возвратили партбилет. Альтман вернулся домой и слёг с инфарктом. Конец не заставил долго себя ждать, наступил в 1955-ом. Итого – 55 лет жизни у истории за пазухой.

Регионы не могли отставать от столицы. У нас в Куйбышеве нашёлся свой космополит, по капризу судьбы тоже мой близкий знакомый. Космополитом его делал один признак – как тогда говорили, пятый пункт (в анкете под этим номером – национальность). Фамилия у него для космополита была подходящая – Лев Пресман. Мы вместе учились в пединституте, на разных факультетах. Был он упёртый комсомолец, коллективист и затейник. Жил на стипендию с безногой матерью и слепым отцом. Подрабатывал небольшими статьями в областной газете, иногда рецензиями. Человек талантливый. Его по окончании института ждало неплохое место, приличная зарплата.

Но случилось неожиданное. Незадолго до описываемых событий газета поместила написанную Львом небольшую рецензию на бездарную пьеску, поставленную одним из местных театров. И тут как раз повеяли холодные ветры из Москвы. Мгновенно перестроившись, та же газета напечатала актуальную статью о космополите Пресмане, сочиняющем злобные рецензии, фактически пасквили, на патриотические произведения искусства. Все двери, в том числе и школ, перед ним закрылись.

Не захочешь, пожалуй, быть космополитом. И дружить с таким небезопасно. И не будешь дружить, если ты негодяй.

Не иссякает тема насчёт добрых людей. И вот опять она всплыла по случаю. Ясно помнится то, что было однажды, шестьдесят четыре года назад – в 1946-м. По привилегированным рабочим карточкам выдавали четыреста граммов хлеба ежедневно. Роскошью (тоже по карточкам) были макароны-вермишель. Не забыть, как, сварив этой самой вермишели для беспомощных и голодных своих родителей, Лев Пресман, сам голодный, положил порцию тоже голодному мне! Ровесники поймут, что это значило, но сколько их осталось? Может быть, что-то забрезжит в

головах у тех, кто ещё не навоевался.

Всякие и очень разные были люди. Не сразу мы с матерью попали в Куйбышев. Весной 1943-го немного пожили в области, у её брата, заместителя директора совхоза. Конечно, с городом не сравнить. Можно было прокормиться, вырастив что-то на земле. Весной подошло время сажать картошку, второй хлеб. И вот она, разница. Жена брата и он сам пожалели для нас картофельной шелухи – глазков, из которых к осени вырастают ботва и клубни. Но этим, как ныне говорят, посадочным материалом нас снабдил человек посторонний, даже инородец, по должности невидный, кажется, счетовод или бухгалтер. К сожалению, память не удержала имя. Помню только, что фамилия его оканчивалась на ...штейн. Гринштейн, Бергштейн? Неважно. Главное – был это человек. Благодарность ему и память.

***

ОТСТУПЛЕНИЕ. КОНЕЦ ТИХОГО ДОНА

«Михаилу Шолохову, автору "Тихого Дона»

За всё многовековое существование русской культуры я не могу припомнить другого писателя, который, подобно Вам, публично выразил бы сожаление не о том, что вынесенный судьями приговор слишком суров, а о том, что он слишком мягок.

Но огорчил Вас не один лишь приговор: Вам пришлось не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский. Вы нашли ее слишком педантичной, слишком строго законной. Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а "революционным правосознанием".....

Вот ваши подлинные слова: "Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а "руководствуясь революционным правосознанием", ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни! А тут, видите ли, еще рассуждают о "суровости приговора".....

От автора "Тихого Дона" удивительно было услышать грубо прямолинейный вопрос, превращающий сложную жизненную ситуацию в простую, элементарнейшую, – вопрос, с которым Вы обратились к делегатам Советской Армии: "Как бы они поступили, если бы в каком-нибудь подразделении появились предатели?" Это уже прямо призыв к военно-полевому суду в мирное время. Какой мог бы быть ответ воинов, кроме одного: расстреляли бы. Зачем, в самом деле, обдумывать, какую именно статью Уголовного кодекса нарушили Синявский и Даниэль, зачем пытаться представить себе, какие именно стороны нашей недавней социальной действительности подверглись сатирическому изображению в их книгах, какие события побудили их взяться за перо и какие свойства нашей теперешней современной действительности не позволили им напечатать свои книги дома? Зачем тут психологический и социальный анализ?

К стенке! Расстрелять в 24 часа!.....

Суд над писателями Синявским и Даниэлем по внешности совершался с соблюдением всех формальностей, требуемых законом. С Вашей точки зрения, в этом его недостаток, с моей – достоинство. И, однако, я возражаю против приговора, вынесенного судом.

Почему?

Потому, что сама отдача под уголовный суд Синявского и Даниэля была противозаконной.

Потому, что книга – беллетристика, повесть, роман, рассказ – словом, литературное произведение, слабое или сильное, лживое или правдивое, талантливое или бездарное, есть явление общественной мысли и никакому суду, кроме

общественного, литературного, ни уголовному, ни военно-полевому не подлежит. Писателя, как и всякого советского гражданина, можно и должно судить уголовным судом за любой проступок - только не за его книги. Литература уголовному суду не подсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не тюрьмы и лагеря.

Вот это Вы и должны были заявить своим слушателям, если бы Вы, в самом деле, поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как отступник ее. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама Вам отомстит за себя, как мстит она всем, кто отступает от налагаемого ею трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, – к творческому бесплодию. И никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят этот приговор от Вашей головы».

Лидия Чуковская

25 мая 1966 года

(<http://click.hotlog.ru/?205854>)

Как в воду глядела!

6. КОНЕЦ ЭПОХИ

МЫ НЕ ИНДЕЙЦЫ. 5 марта 1953 года мир рухнул. Обрушился штырь, на котором висела вертикаль власти. Усатый собеседник моей малолетней тёти совершил действие невообразимое – осиротил население половины Евразии, оставил его без своего всепроникающего попечительства. Об этом и помыслить было невозможно. А оказалось – бог смертен.

Реакция народа на такое его поведение была не вполне однородной. По радио правители проливали слёзы крокодиловы, а старшеклассницы в школах – настоящие. Были случаи летальных исходов. Агитпроп мог торжествовать. Но немалая часть взрослого люда, как могла, скрывала радость. Недобитая, а также подросшая в тени вертикали молодая интеллигенция приговаривала: "Хуже не будет". Но как будет – никто себе не представлял.

Картинки первых дней чётко стоят в памяти. Пронзившая тело дрожь при первом известии о болезни вождя. Нарастающая уверенность, что всё кончается или уже кончилось. Что всё? Да действительно всё. Ощущение конца всей привычной моему поколению жизни, нашпигованной страхом, и предчувствие неизвестной другой.

И это – на фоне идущих своим чередом трудовых буден. Не помню, чтобы кто-нибудь обсуждал ситуацию. Не знали, о чём, как и что именно разрешено говорить в таком противоестественном случае.

В первую неделю марта 1953 года я оказался в Пензе, вместе с Михаилом Горчаковым, начальником Сектора школ Отдела учебных заведений Куйбышевской железной дороги. Мы туда приехали согласовывать с местным начальством списки учителей наших школ, представляемых к награждению. Там нас и застало эпохальное известие. Накануне, как водится у командированных, душевно побеседовали в привокзальном ресторане. Цена выпитого и съеденного была смешная. Официантка знала, сколько положено брать с железнодорожного начальства, сколько и чего бы оно ни съело и выпило: три двадцать (3 р. 20 коп.). Считала долго-долго, а результат один – с вас три двадцать и с вас три двадцать. Железнодорожники мы были, как говорится, липовые, не имели отношения ни к паровозам, ни к вагонам, ни к рельсам, ни к пассажирам. Но ресторанный персонал в эти тонкости не вникал, а ведомственные мундиры и погоны мы носили настоящие – у Гончарова майорские, у меня лейтенантские.

Утром явились в последнюю инстанцию – Политотдел Пензенского отделения Куйбышевской железной дороги (эта структура была приравнена к районному комитету партии). Пока добирались до места, радио разносило по миру громоподобную, ни с чем несравнимую, информацию. Эхо и сейчас, через полвека, не унимается.

Приходим к начальнику Политотдела, а начать разговор не можем. Кончает начальник один телефонный разговор, и тут же опять звонок. Местные партячейки в панике. Как теперь быть? Что делать? Начальник – как психотерапевт. Я сразу проникся к нему уважением. Человек не теряет голову. Значит, она у него есть, и раньше была (попадались и такие). И тут же он это подтвердил самым сенсационным по тем временам образом. По ответу видно было, что спросили его, кто теперь у нас вождь. И начальник произносит невероятные слова: "Мы что, индейцы, что ли? Один вождь умер, давай вам другого. Появится достойный руководитель, выдвинется из ряда других, он и будет вождём". Если не в это утро, то, по крайней мере, ещё в предыдущий вечер, такой ответ, насчёт индейцев, тянул лет на восемь исправительно-трудовых лагерей. Нелегко, наверное, вообразить это сегодняшним молодым, поколению пепси. Мы с моим начальником переглянулись. Но, в конце концов, шквал телефонных звонков затих, и мы приступили к делам.

КАК ВЫ МОЖЕТЕ? Вернулись в Куйбышев. Прихожу на работу, в свой Отдел. А там никто не работает. По радио льётся заунывная музыка, с такими же лицами сидят на рабочих местах коллеги. Иногда выступает по радио какой-либо большой начальник (напомню, что телевидения ещё не было). Первым, как и положено, говорит Первый заместитель Председателя Совета министров Союза ССР Лаврентий Павлович Берия: "Трудно выразить словами чувство великой скорби, которое переживают в эти дни наша партия и народы нашей страны, все прогрессивное человечество... Рабочие, колхозное крестьянство, интеллигенция нашей страны могут работать спокойно и уверенно, зная, что Советское Правительство будет заботливо и неустанно охранять их права, записанные в Сталинской Конституции...".

Однако совсем ничего не делать непривычно и скучно. Достаяю свои записки, чтобы оформить отчёт о командировке. Единственная у нас грандама, инспектор по детским садам Брицына, в профиль похожая на Анну Ахматову, не без претензий в сознании своей исключительности, мне делает втык: "Не понимаю, как вы можете работать в такой день". Ручка выскользывает из моей руки. Бормочу что-то насчёт того, что вот и товарищ Берия призывает работать, причём спокойно и уверенно. Но это, конечно, не аргумент. Убираю со стола бумажки и предаюсь скорби.

Летом этого года стало интересно. Первый заместитель Председателя принял заслуженную пулю в лоб. Началась новая эпоха. Получила первый импульс ротация начальствующих лиц. Дальнейшее известно по обширной литературе.

НЕ МОГУ ЖИТЬ ПОДЛЕЦОМ. У нас в Отделе служил инспектором по преподаванию физкультуры Николай Корман, как и я, лейтенант инженерно-административной службы. Человек он был безобидный, культурный по-своему, отличался от большинства своих коллег «физкультурников» в лучшую сторону. Мы с ним были дружны. Он меня уважал, признавал мою учёность.

Был за ним небольшой грешок, но уж очень простительный! Не упускал он случая «принять на грудь». Но до безобразия никогда не доходил, только становился веселее и коммуникабельней.

И вот однажды рассказывает он мне историю.

«Ах, Володар Викторович, в какое я попал неприятное положение! На прошлой неделе был в Рузаевке[1]. Познакомился с приятными людьми. Пошли в гости. Пока

хозяйка хлопотала с угощением, приняли по маленькой. Смотрю – на стене фотографии. Я, не подумавши, хозяйку спрашиваю: «А это что тут за мордовская рожа?». Хозяйка покраснела слегка и говорит: «Это я в молодости». Как неловко!».

Вскоре я уехал в Москву и долго не встречал бывших сослуживцев. А в 1956-м узнаю, что Николай Корман погиб. Как?! Пошёл на Волгу вроде бы купаться и исчез. Спихватились не сразу. Нашли на берегу одежду и в ней записку: «Не могу больше жить подлецом».

Тело обнаружилось через неделю под Сызранским мостом через Волгу, за сто километров вниз по течению.

РУКА СУДЬБЫ. К весне 1954-го почувствовал я, что засиделся на поприще школьного инспектора. Захотелось податься куда-то. Однако куда всё же? Желание, как у чеховских героинь – в Москву. Но первоначальные мои действия настолько обличали деятеля в наивности, что долго не хотелось об этом и вспоминать. Но всё же, всё же... Старшие товарищи весьма высокого ранга признавались в том же пороке. Илья Эренбург на склоне лет в своих мемуарах сознался в наивном ожидании светлого будущего, которое должны было незамедлительно наступить после войны. Наступило, однако, совсем не то, и наступило на многие судьбы. Чуть было не на самого почти классика.

Мой случай был проще. Продолжилась линия, начавшаяся в Ульяновске (помните, как я подложил пальчик под колесо тачки?). На этот раз поверил объявлению в газете "Известия", что любой может стать соискателем места преподавателя английского языка, освободившегося в одном из московских вузов. Лишь стоит собрать документы. Собрал, послал и стал ждать! Понятно, чего дождался. Написали вежливо, что, к сожалению, на должность выбрали другого. Хоть бы кто заикнулся, что без прописки в Москве и без учёной степени просят не беспокоиться. Впрочем, это подразумевалось по умолчанию. Как же это я не сообразил? А ведь считался умным. Загадка.

Но с места я всё же снялся естественным и спокойным путём, не считая перемещение самоцелью, с намерением заняться наукой. В Академии педагогических наук меня знали по докладам и публикациям, и в аспирантуру приняли без проблем.

И вот, подхваченный жилистой рукой Судьбы, осенью 1954 года я отбыл из "региона" к эпицентру событий.

***

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ. ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ.

Надо было родиться лет за двадцать до 1953 года, чтобы по-настоящему прочувствовать эпоху, годы 1924 – 1953. Сатана и его демоны проникли во все поры нашего существования и даже, на генном уровне, как теперь выясняется – в память. Дьявол сидел занозой в теле и душе, и они ныли днём и ночью, как больной зуб. Это была первая реальность.

Но жить было надо. И жили внутри кошмара, радовались, веселились. Занимались наукой, искусством, спортом. Это была тоже реальность, вторая.

Был ещё один план существования – имитация реальности, как бы теперь сказали, реальность виртуальная.

Это были параллельные миры. И нельзя сказать, чтобы они не пересекались. Их столкновение порождало в головах сумбур, в сердце – томление, а голове давало импульс к размышлениям.

Кратко, без лишних слов, ситуацию описывают так: одно думаем, другое говорим,

третье делаем.

Верный признак болезни – ощущение несуществующей вины. Точно знаешь, что ничего плохого не сделал, а – виноват. Перед кем и в чём провинился – непонятно. Но виноват уж тем, что несвоевременная мысль забрела в голову. С презумпцией виновности прожило свою жизнь моё поколение, во всяком случае, бо́льшая его часть.

А, может быть, и действительно, мы были виноваты? В том, что не остановили мясорубку хотя бы ценой собственных жизней? А теперь? Опять виноваты в том, что молчим и молча соглашаемся молчать по умолчанию?

На эти вопросы каждый отвечает сам. Отвечает за себя.

Печально, что с перерывами, в разных видах и с неодинаковой силой тянется это по сей день. Не чувствуете разве вину перед встречным милиционером? Нет, говорите? Почему же от него прохожие шарахаются, как чёрт от ладана? Во всяком случае, переходят на другую сторону улицы.

НОВАЯЗ. Но это всё общие рассуждения. Так сказать, дискурс. А вот пример того, как в виртуальном мире человек думает не о себе, а о производстве, за ту же зарплату тянет телегу с двойной поклажей. И комментарий с позиций параллельной реальности к этой картинке, выполненной в стиле социалистического реализма и изложенной фирменным советским новоязом..

«Встречая свой юбилей

Сейчас комсомольцы и молодежь промышленного района Ставрополя под руководством Коммунистической партии вместе со всем народом участвуют в упорной борьбе, в борьбе за коммунизм...

...Недавно на всю страну разнеслась радостная весть: молодые строители Невинномысского химкомбината рапортовали Родине о том, что свои обязательства они выполнили. На 2,5 месяца раньше срока, 15 октября сего года, закончено сооружение комплекса по производству аммиачной воды.

Досрочный выпуск этого объекта явился ответом комсомольцев и молодежи ударной комсомольской стройки на обращение ЦК КПСС и Советского правительства, призвавших строителей химических объектов страны приложить все усилия к скорейшему завершению работ на пусковых объектах.

Трудовой героизм проявили члены комсомольско-молодежной бригады монтажников Анатолия Алексеева. Молодые рабочие этой бригады выполняли в день до двух сменных норм...

...Молодые обувщики работали под девизом: «Советское – значит отличное». На фабрике массовый характер получило движение за пересмотр норм выработки в сторону увеличения. Молодой рабочий Михаил Бутенко обязался работать за двоих, этим он дает годовую экономию государству в 700 рублей. Патриотический почин Михаила Бутенко поддержали свыше 76 молодых обувщиков" (Виктор Казначеев, секретарь промышленного крайкома ВЛКСМ. «Блокнот агитатора», №20, 1963 г.)

С позиций параллельной реальности виртуальность изображённой выше картины становится явной:

СОВЕТСКОЕ – ЗНАЧИТ ОТЛИЧНОЕ

Миша Бутенко работать горазд.

Славный парнишка, энтузиаст.

Друзья восхищаются, праздник у них –

Миша работает аж за двоих.

Парни завидуют, девушки тоже –

За ту же зарплату он лезет из кожи.

«Мы тоже не хуже, оставим сомненья» -
И вот уже ширится мощно движенье.
Незачем деньги, и кров, и еда.
Были б в крайкоме довольны всегда!
С юных кудрей до почтенных седин
Кормит начальство народный почин.

***

7. ЧЕТВЁРТАЯ ЖИЗНЬ. КУЙБЫШЕВ-МОСКВА

НАУКА И ЖИЗНЬ. Российской академии образования, преемнице Академии педагогических наук, в 2008 году стукнуло 65 лет. Возраст серьёзный. И мой тоже – на 17 лет старше самой академии. Много это или мало? Как посмотреть. С одной стороны, много. За шесть десятилетий сменилась эпоха. Отвалились пласты времени. Ушли многие друзья и соратники. Становится неуютно и горько, когда о них думаешь. Жизнь каждого не чужая, она - часть нашей собственной жизни в науке и вне неё.

С другой стороны - кажется, совсем и немного времени прошло. Как люди становятся аксакалами? Незаметно. Будто недавно, только вчера по улицам малознакомого огромного города, под дождём, одетый в железнодорожную шинель, пробирался я на Большую Полянку, 58, в Президиум АПН РСФСР, чтобы оттуда отправиться в общежитие. А ведь было это более чем полвека назад, в октябре 1954-го. Академия ещё не достигла тогда юношеского возраста, и было ей всего одиннадцать годочков. Мне, естественно, побольше. Двадцати восьми лет от роду оставил я чиновную должность. С этого аспирантского времени могу считать себя штатным работником академии. Аспирантская жизнь в общежитии - дачном домике на Сходне - журчала, как ручеёк, весело. Комната моя была, как ныне говорят, знаковой. В ней витал дух её предыдущих обитателей – будущих президента АПН СССР Михаила Кондакова и академика-секретаря Алексея Пискунова. Получилось так, что весь аспирантский срок провёл я в ней один. В комнатке напротив располагались весёлый гигант, спортсмен Вася Разумовский и Генрих Куперман (сейчас он в Туле). Другие, а их было немного, тоже не скучали.

Наш дачный домик был приятен во многих отношениях. Можно было зимой прямо у крыльца встать на лыжи и отправиться в лес, который начинался прямо рядом. Недалеко были и станция электрички (путь до Ленинградского вокзала занимал сорок минут), и магазин, и кино. Летом купаться можно было в Химках, десять минут на той же электричке.

С делами собственно аспирантскими всё обстояло не так здорово. Ну, что мы могли понимать в науке? Хотя за плечами у меня были и практический опыт, и публикации, и доклады, принадлежал я всё же к легиону «великих молчальников», как нас ласково прозвали руководители. Подавленный замысловатым ходом заседаний и обсуждений, спрашивал однокашников: «Кого же слушать? У них у самих меж собой согласия нет». В ответ получил мудрость, которая и сейчас, как говаривал наш тогдашний наставник Карл Маркс, «маячит перед умственным взором»: выслушай всех и сделай по-своему.

Но дальше о науке много говорить, пожалуй, не стоит. Это неточно, что наука для научного работника и есть жизнь. Жизнь больше любой её отдельно взятой части. Есть у человека сверхзадача. У меня – чтобы всем по возможности было хорошо, чтобы не кидались люди друг на друга, не забывали бы о цивилизации, не истребляли бы тех, кто на них не похож, не гноили бы в тюрьмах невиновных, чтобы, подобно Сергею Есенину "не расстреливали несчастных по темницам". Иными

словами, беспросветный либеральный идеализм. Но без шагов в этом безнадёжном направлении нас всех давно бы не было. Если наука поможет – займёмся наукой. Тем более – педагогией. Чтобы не было пустыни в душе, чтобы пошёл в обратном направлении процесс технологизации всех сторон жизни, выхолащивания человеческого начала, трансформации человека по линии: индивид – личность – актер (агент деятельности), фактор (человеческий фактор). Не может быть, чтобы люди не нашли средство против интоксикации, которую сами же себе и учинили. То есть против крайней рационализации отношений к себе, к другим людям, к миру, против возникновения Homo sapientissimus (термин В.А.Кутырева), рационализованного техногенного человека, у которого вместо морали – расчет, вместо долга – программы, вместо счастья – успех. Нашли и название такому существу – гомутер (гомо + компьютер).

СТОЛИЦА. Не зря катилась по стране молва, что в Москве всё есть. Действительно, о московских деликатесах и мечтать у меня на родине не приходилось. На умеренную, но достаточную стипендию можно было себя побаловать и говяжьим паштетом, и даже иногда икрой. К поклонникам горячительных напитков я не принадлежал, и мне на всё хватало.

Но главное – библиотеки. Ленинка и библиотека иностранной литературы заманивали в свои объятия, даже в ущерб основному аспирантскому делу. Там можно было почитать в оригинале и Конан Дойла, и Уэллса, и менее известных, но не менее завлекательных авторов.

Конечно, театры и прочие зрелища. В общем – столица.

ДВОЕ ИЗ ПЯТЁРОЧКИ. Он был личностью выдающейся, хотя и не главным в кембриджской пятёрке. Дональд Маклин выделялся в любой толпе. Двухметрового роста, нос с горбинкой, походка неторопливого, уверенного в себе джентльмена. Порода проступала во всём.

Познакомились мы с ним задолго до Москвы. Однажды (шёл 1951 год) приятель мой Игорь говорит мне особым голосом: «А знаешь, у нас на кафедре появился натуральный англичанин. По-русски почти не говорит. Так, несколько слов. Приглашал нас домой, угощал яствами. Живёт в огромной (по куйбышевским понятиям) квартире в центре, рядом с драмтеатром. Зовут Марк Петрович, фамилия Фрезер. И с ним другой англичанин, помельче, толстенький. Звать Джим почему-то Андреевич. Этот нигде не работает, интересуется молодыми парнями. По-русски знает одно слово "нет", но произносит его странно: "н-и-и-и". Обладает сочным басом, иногда поёт, далеко не классику. Например:

Blushingly she faltered: Is the seat engaged?

Entered aged couple, properly enraged *».

Карьера Марка Петровича в пединституте складывалась неровно. Вскоре студенты подали на него своему начальству жалобу: говорит непонятно. У русских преподавателей английский язык звучит чётко и ясно, а у этого фиг поймёшь. Правда, в случае увольнения этот преподаватель не пропал бы. Выдаваемый ему спецпаёк намного превосходил воображение куйбышевского жителя того времени. Цену советским деньгам не знал, сорил сторублёвками.

Игорь мне рассказал поучительную историю о несовпадении британских и советских представлений. Последние уходят корнями в российскую историю, богатую неурожаями и недородами.

Однажды сидел он с Марком на диване. Беседовали и потихоньку пригубливали аперитив. Бесшумно появляется в комнате сексот, исполняющий обязанности персонального повара – катит тележку с невиданными в то время дарами природы:

бананы, ананасы, креветки и проч. Хозяин делает широкий приглашающий жест – мол, угощайся, Игорь. Но Игорь русский политес хорошо знал. Первый призыв угощаться ещё ничего не значит в сложной процедуре, которая называется "потчевать". Может быть, гость употребит последний у хозяина кусок. Хозяину не угостить нельзя, однако гостю можно и нужно отказаться. Хозяин повторяет приглашение: "Ну, что вы, хоть немножко попробуйте". И здесь не спешите! А вот если хозяин угощает в третий раз: "Да что вы, обижаете. Посмотрите, какой кусочек румяный. Вкуснота необыкновенная" – вполне можно приступать. Это уже не форма, а содержание.

И вот мой друг со своим уставом – в чужой монастырь. Хозяин в первом отказе уловил только, что гость сыт, недавно пообедал. Потчевать не стал, кивнул головой, сделал небрежный жест рукой, и чудо-тележка без спешки уехала, провожаемая голодным взглядом. Игорь долго потом не мог этого забыть.

Меня он познакомил с заморским гостем на стадионе. Это был первый и последний футбол, который я в жизни посетил. Игорь был футбольный фанат, англичанину же по определению положено. О чём-то мы поговорили. На следующий день приятель мне передал краткую мою характеристику с той стороны: an intelligent man in disguise. Лестно, хотя другой мог бы слегка обидеться. Мой disguise – железнодорожная шинель, грубоватые ботинки и неказистые очёчки.

Мы подружились. Как-то под лёгким действием очередного аперитива "Марк" пожаловался мне на Берию: тот обещал воссоединить его семью (у "Джима" таковой не было), но обещанное не выполнил.

Зря, пожалуй, он поторопился. В один прекрасный день семья появилась в его доме – жена, псевдо-Наташа (на самом деле Мелинда), сыновья: старший, Дональд, Фергюс и очаровательное пятилетнее создание, голубоглазое, с тоненьким голоском и льняными локонами – Мемзи.

Мемзи интересная была особа. Отец англичанин, мать американка, последней няней была француженка, теперь девочка живёт среди русских. И в её белокурой головке спутались три языка. Как-то плыли мы с ней и с её папой на местном кораблике по Волге, на дачу к Игорю. Увидела в воде стайку мальков и говорит: "Dady, look! Rybkies!" (Папа, смотри! Рыбкиз!). То есть, приделала рыбе хвостик в виде буквы S – множественное число по-английски.

Конечно, мы рядили и гадали, откуда такие птицы к нам залетели. И вдруг пришло полное просветление, хотя и в своеобразной форме. Купил я случайно журнал "Новое время" (он и тогда издавался), а там – страстное опровержение антисоветских злонамеренных, умышленно порочащих наши славные органы слухов, что будто бы в СССР нашли прибежище два алкоголика, пропавшие во время гулянки в Париже – Дональд Маклин и Гай Бёрджес, а потом будто бы исчезла Мелинда, жена Маклина. Эти домыслы, разумеется, с негодованием отвергались.

Стиль агитпропа нам был привычен. Если отвергают – значит, так и есть. Мы, конечно, виду не подали, но про себя знали, кто есть ху. Полным подтверждением было имя старшего сына – Дональд. Мы знали английский обычай называть старшего сына именем отца.

В 1956 году было официально признано, что Бёрджес и Маклин находятся в СССР. Тогда же их перевезли в Москву. Оба были членами "великолепной кембриджской пятёрки" под руководством Кима Филби. Другие двое – Энтони Блант, советник короля Георга VI и Джон Кернкросс из военной разведки.

Дональд Маклин, бывший глава совместного британско-американского комитета по ядерным исследованиям, руководитель Американского департамента британского Министерства иностранных дел, с 1961 года до своей кончины в 1983 году работал в Москве научным сотрудником Института международной экономики и международных отношений АН СССР.

Стали известны подробности. Провал Берджесса и Маклина дал толчок к раскрытию агентуры СССР в Великобритании. Десяток лет высокопоставленные англичане служили России. Самая эффективная разведгруппа двадцатого столетия образовалась в среде Кембриджского университета.

Это стало возможным во многом благодаря хитроумному плану вербовки "в ресурс" студентов престижных английских университетов Кембридж и Оксфорд, которые в будущем могли занять видные посты и стать обладателями важных секретов. Автором этой, рассчитанной на многие годы вперед, разведывательной программы был начальник четвертого управления ОГПУ Меер Трилиссер. Кстати, он же был инициатором создания псевдоконтрреволюционной организации "Трест" в 1921 году, которая заманила в СССР английского агента Рейли, Бориса Савинкова, знаменитого атамана Тютюнника и некоторых других видных деятелей Белого движения. О "Тресте" в 70-е годы был снят телефильм "Операция "Трест"", который имел большой успех. План работы с английскими студентами был поддержан руководителем международного отдела Коминтерна Пятницким, который обеспечил ему всестороннюю поддержку со стороны различных коминтерновских структур.

А для меня история опять, как поётся по другому поводу в известном шлягере, "как пуля просвистела у виска".

МИССИС МАКЛИН – ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ. История историей, а и в повседневных делах знакомство с "культовой", как теперь говорят, фамилией, оставило след. Дело в том, что с детства временами меня охватывал (не совсем прошедший и по сию пору) пароксизм стихотворчества. Не всегда было возможно сопротивляться его потугам оторвать меня от земли, на поверхности которой мы с матерью и так еле-еле держались. Один такой порыв кинул меня в объятия тени Сергея Есенина, которому мне хотелось не столько подражать, сколько пособить хотя бы переводами. И вот посередине вузовских занятий английским языком, в 1947 году, выстроился в голове моей перевод одного из любимых мною его стихов:

Белая равнина, жёлтая луна.
Саваном покрыта наша сторона,
И берёзы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь, умер? Уж не я ли сам?

Перевод получился такой:

The plain is white with snow, moonlight blinds my eyes.
In a snowy shroud our country lies,
And the white-clad birches in the forest cry.
Somebody has perished. Maybe it was I.

Так вот, white-clad birches – это вклад Мелинды Маклин в окончательную редакцию этого опуса. Конечно, не в 1947-м, а несколькими годами позже я попросил её оценить перевод. Она всё одобрила кроме первоначального варианта whitish birches. Поднаторев к тому времени в русском языке, она правильно сказала, что берёзы, выходит, не белые, а беловатые. Я предложил white-clad, и с этим "Наташа" согласилась.

8. ЗА БУГРОМ

ПОЧЕМУ АНГЛИЧАНЕ ТАКИЕ ГЛУПЫЕ. Всё же выпала мне привилегия, дарованная не всякому в стране советов. Побывал в фантастических по тем временам местах – в Лондоне, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Женеве и других подобных. В образовательном ведомстве, правда, выезды "за бугор" были не такой

уж экзотикой. Нашлись здравомыслящие люди, понимавшие, что без циркуляции идей и людей поддерживать современный уровень образования, а значит, всего остального в стране, невозможно.

Специально напрягаться для того чтобы попасть за рубеж, мне было даже не обязательно. Наш президент, Михаил Иванович Кондаков, земля пусть ему будет пухом, чувствовал, что поддерживать престиж академии в других странах сумеет не каждый. И послал он меня в 1982 году в Лондон на двухмесячную (так это называлось) стажировку.

К тому времени я уже кое-где побывал: в Германской демократической республике, в Болгарии, Польше, Венгрии и даже в капиталистической стране Финляндии (связанной с нами особыми узами – договором о выдаче невозвращенцев).

Но это всё-таки было не то. И вот, наконец – то! Великобритания, Лондон, где каждый камень дышит историей. Полисмены в высоких шлемах, Скотланд-Ярд, Пикадилли, Трафальгарский сквер – как будто картинки, сошедшие со страниц зачитанных до дыр книг, любимых с детства. Брайтон – городок, раскинувшийся напротив Франции, чей берег в хорошую погоду можно видеть невооружённым глазом. А Британский музей! Увидеть и умереть, как говорится.

Гостиница была рядом с Гайд-парком и знаменитым Speaker's Corner –Уголком оратора – символом британской демократии. Где ещё сыщешь такое? Правда, символ впечатлил не очень. Открыт не каждый день, и в течение дня – ограниченное время. Народ переходит от одного оратора к другому, лижет мороженое, слушает невнимательно.

Много слушателей только у одного, седого бодрячка в тельняшке, на вид скорее боцмана, который просит задавать ему любые вопросы. Действительно, на всё у него был ответ. Кто-то спросил: "Почему англичане такие глупые?" Ответ последовал незамедлительно: "В любой другой стране за такой вопрос вас бы расстреляли. Мы таких оставляем в живых. Они размножаются, их становится всё больше, и наша нация становится всё глупее и глупее". Слушатели – в восторге. Вопрос: "Are you English?" Ответ: "I speak English fluently".

ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ПОВЕРИЛИ? СОВРИ! В Лондоне я получил философско-психологический урок: если хочешь, чтобы тебе поверили, соври.

Пагубное воздействие правды я пережил на опыте. Будучи приглашен на ужин к одному профессору Лондонского университета, подвергся атаке преподавательского состава университета, приглашенного туда же. Свежий русский из Советского Союза, не эмигрант, не невозвращенец, в то время был для англичан диковиной. На мою голову посыпались вопросы, не столько о науке, сколько обо всём вообще. Один был вполне невинный: "Сколько стоит в Москве поездка на метро?". Дилетант в психологии и, кажется, в жизни, я ответил бесхитростно: "Стоит это пятак" (дело было, не забудем, в 1982 году) – "А сколько это будет по-нашему?". Я прикинул – около трёх пенсов, так и сказал. И тут же почувствовал вокруг себя расширяющийся вакуум. Университетский люд стал расходиться с прогрессирующей быстротой. Поздно я понял свою ошибку. Чтобы не заподозрили во мне коммунистического лжеца-пропагандиста, надо было соврать, что стоит это от семидесяти центов до трёх фунтов, и репутация моя была бы спасена.

По другую сторону Железного Занавеса – то же самое. По приезде домой, естественно, своим коллегам по лаборатории дидактики честно рассказал, что видел и слышал на том берегу. Правду и ничего кроме правды. В том числе и о том, как приставали к нам (впрочем, почему-то больше именно ко мне) жертвы тэтчеризма – пенсионеры. Видно, принимали меня и моего спутника Власа Аранского за толстосумов и просили чаевые, for a cup of tea.

Ах, насколько лучше было бы мне промолчать! Опять правда никого не впечатлила. У наших сложились о международном положении другие представления. Темпераментный Лернер не сдержал негодования, а сам рассказчик упал в глазах нашего небольшого сообщества, принявшего его правдивый отчёт за оду из басен Агитпропа. А между тем, с попрошайничеством мы действительно в краю Альбиона столкнулись. Однажды один вполне культурный и хорошо одетый молодой человек в просторном к нам обращении на правильном (наконец-то) английском языке, на улице, супервежливо осведомился, не могут ли джентльмены помочь ему в стеснённых материальных обстоятельствах.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ОРОШЕНИЕ БРЮК. Заграница – дело тонкое. Затеяло наше академическое начальство совместную научную работу с Венгерской академией наук. По прошествии двух лет командировали меня и ещё одну нашу сотрудницу в социалистическую Венгрию для ознакомления дел на той стороне. Выяснилось, что там никто об этой работе ни сном, ни духом... не ведает. В общем, коллеги ни о чём таком и не подозревают. Пальцем о палец не ударили, чтобы сделать что-то такое в обозначенном направлении. Наши, напротив, серьёзно поработали, но результаты докладывать там было некому. Чтобы смягчить наше недоумение и поднять омрачившееся настроение, мадьяры устроили нам роскошный приём. Поселили в лучшей гостинице, ежедневно возили на экскурсии. Компанию нам составил главный научный секретарь академии, отлично владеющий английским языком. Всё было прекрасно, за исключением совместной работы. По приезду я так и доложил академическому начальству и министерству.

Какая буря поднялась!

В Международном отделе академии меня обвинили в предательстве интересов нашего ведомства. Оказалось, что заместитель министра строит козни против нашего президента, пытаясь свернуть совместную работу с заграницей на том основании, что толку от неё нет. И я, выходит, лью воду на министерскую мельницу. Послал отчёт, где очернил наше процветающее и развивающееся сотрудничество с Венгрией. Я говорю, что очернять было нечего, поскольку та сторона никакой работы не ведёт. Если кто-то очерняет, то как раз та сторона и именно потому, что ничего не делает. Убеждаю, как могу – не виноватый я. Отчёт ведь представил не в Америку, а в родное министерство. Должны же мы знать, как реально обстоит дело. Намекнули, что в следующий раз, при рассмотрении кандидатур для зарубежной поездки, этот случай мне припомнят.

Этим дело не кончилось.

Вызвали меня в Международный отдел министерства, чувствую, что по тому же поводу. И надо же было так совпасть, что точно на тот же день и час я был призван на конференцию руководителей семинаров сети партийного просвещения. Мой семинар был не столько политический, сколько научно-концептуальный – по методологии науки. Эту нишу устроили работники Академии наук СССР, привлечённые к разработке программ семинаров такого рода.

Но куда идти? Где быть или не быть? Одновременно в двух местах существовать невозможно.

Я обратился за разъяснениями к секретарю нашего институтского партбюро: идти в то место или в другое? Худоминский был человек умный и спокойный. Задал мне риторический вопрос: "Вы коммунист?" – "Ещё бы!!" – "Тогда сами знаете, куда идти". Сомнения исчезли. Конечно, на конференцию. Пошёл туда. Но как быть с вызовом в министерство? Оно ведь тоже не последняя спица в колеснице. Пренебречь приглашением никак нельзя.

И вот на конференции, в перерыве, из будки телефона-автомата звоню в Международный отдел, объясняю ситуацию. Мне строго говорят: "Ладно! Но всё же

скажите, что у вас там с отчётом о работе с Венгрией? Говорят, вы срываете сотрудничество с этой страной".

Я начинаю рассказ о том, что было. Но погода летняя, вижу – на будку, стоящую без окон и дверей, наезжает поливальная машина. Деваться некуда. Прервать разговор с важной персоной не могу, а быть политым сверху донизу, как цветок на клумбе, тоже не могу себе позволить – надо возвращаться на конференцию. Выход один - лезу, как паук, вверх и, кое-как держась коленями и локтями за стенки кабины, продолжаю спокойным голосом разговор. Конечно, мой собеседник считает, что я сижу в кабинете, и не торопится. Машина уехала. Я спустился на пол. Но проклятая поливалка не ушла совсем. И вот вижу – возвращается для более тщательного орошения. Я опять лезу наверх и на этот раз получаю полную порцию душа ниже пояса. Хорошо, что брюки были из материала лёгкого, паутинки, и подсохли к началу заседания.

Кто бы мог связать столь разнородные реалии – международные отношения и промокшую часть одежды? Никто, только судьба и ещё, может быть, диалектика. Урок тот же – надо было написать отчёт иначе. Вопреки объективной реальности, данной нам в ощущении, похвалить активность и основательность другой стороны. Все были бы довольны, а главное – оценили бы добросовестность автора.

...

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НОМЕРА: 1. ОБ ОЧЕРНИТЕЛЬСТВЕ; 2. ЕЩЁ РАЗ: НЕ ГОВОРИТЕ ПРАВДУ

1. Одолели очернители. Чернят и чернят наше прошлое. Никого им не жалко. Препятствуют возвращению на пьедестал статуи председателя Ч.К. Дзержинского, рыцаря революции, защитника беспризорных, чьих родителей он кинул в пучину Красного Трора. Одной рукой истреблял взрослых, другой – гладил по головкам их детей. Ну вот, нашлись же добрые слова для Л.И. Брежнева, о котором в изданном в 2008 году пособии для учителей "Новейшая история России 1945-2006 гг." написано, что он «сыграл положительную роль в истории России». Автор того же пособия ностальгически вспоминает, что при генсеке Андропове, наконец, развернулась «давно не виданная кампания по укреплению трудовой дисциплины» (с. 215). А очернители – о своём. Брежнев, дескать – демиург застоя, а Андропов – тюремщик читателей Солженицына. Действительно, был он грозой диссидентов-шестидесятников. Ну и что? Отсидели своё и вышли. Всё равно КПСС кончилась. Зачем же стулья ломать?

С давно не виданной кампанией по укреплению трудовой дисциплины нечаянно столкнулся и я. Был у меня обычай по мере необходимости посещать парикмахерскую на улице Горького, как раз напротив Центрального телеграфа. Клиентов там было всегда много, но очередь шла быстро, потому, что и мастеров было достаточно.

И вот, в один из дней недолгой андроповской эпохи, перед тем, как продолжить путь в институт, захожу в это заведение и глазам не верю. Парикмахеры лязгают ножницами, но дело не делают. Их, как всегда, более двадцати, а клиентов – ни одного! На меня смотрят как-то странно, но в остальном всё как обычно. Сажусь в кресло, и парикмахер начинает процедуру. Вдруг говорит: "А вы не боитесь?" Вопрос нестандартный. Отвечаю вопросом: "А чего мне бояться?" – "У нас вчера облава была. Документы проверяли, записывали место работы прогульщиков, которые вместо работы идут в парикмахерскую". Я говорю с некоторой долей высокомерия: "Я сам таких ловлю" – "А-а-а. Понятно". Расплатился и с достоинством покинул салон, сопровождаемый уважительными и боязливymi взглядами.

P.S. Посетить парикмахерскую – то же, что сходить в народ. Недавно попал я в руки совсем молоденького – улыбчивого эмигранта из ближнего азиатского

зарубежья. Обработал он мою седую голову весело, быстро и высококачественно. При этом разговаривал с остальным персоналом, женским и тоже молодым: «Устал. Всю ночь не спал, работал. Замели менты на улице – денги давай. Откуда у меня денги? Зарплата завтра только. Заставили всё отделение постричь. Утром отпустили».

В парикмахерскую буду ходить до полного полысения. Что ещё доведётся услышать? Эпохи разные, суть одна. Человек по документам звучит гордо, а цена ему – ломаный грош.

Ещё одна картинка с той же выставки – о собеседовании Г.П.Щедровицкого (учёного, о котором речь пойдёт дальше, в разделе 9) с посланцем Андропова.

Явился офицер КГБ к Щедровицкому без приглашения, в поисках крамолы и, не тратя лишних слов, приступил к делу. Искал он нечто фундаментальное, вроде солженицынского Архипелага. Даже в бачок унитаза запустил руку. Хозяин наблюдал за процедурой, изредка её комментируя. Про унитаз сказал гостю, что это по уровню для него самое подходящее место.

Сочинения врага народа Солженицына не обнаружилось, но на безрыбье... Удача! Наконец, нашлось и было изъято с книжной полки нечто. "Так вы троцкист! (см. выше). Храните троцкистскую литературу". Щедровицкий: " Вас в первом классе по складам читать учили? Ну ладно, вместе прочитаем имя автора: Тро-И-цкий. Троицкий".

Смешно? Это теперь, а тогда – не очень.

Куда ни кинь – в любом случае получается очернительство. Вывод прямо бросается в глаза: лучше не трогай, промолчи. Нет человека – нет проблемы. Нет настырного очернителя – нет очернительства. Но это если считать, что очернитель – тот, кто рассказывает, а не тот, о ком рассказ.

Вопрос остаётся: кто же всё-таки ОЧЕРНИТЕЛЬ? Вот моё скромное мнение: очернитель не тот, кто описывает действительность, как она есть, а тот, кто её корёжит и извращает. Если действительность чёрная, как ни крути, она такой и останется, хоть ты её обваляй в шоколаде. Кто может очернить чёрные дела? Тот, кто их совершает.

Задание на понимание: Был ли А.Радищев очернителем (если да, значит, справедливо за это поплатился), или же не был, а об очернителях писал, характеризуя предмет своих размышлений: "Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй". И далее: Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала».

2. Правда неправдоподобна. Для полноты картины – ещё один short story по поводу недопустимости правдивости. На этот раз речь пойдёт не о загранице, а о нашей близлежащей жизни.

Было время, когда мой друг Виктор Иоффе, в былое время редактор солидного издательства "Педагогика", повадился ходить ко мне в гости после рабочего дня. Он мечтал свести со мной счёты в шахматах, потому что у него никак не получалось выиграть. Человек он медлительный, над каждым ходом думал долго, и игра затягивалась до поздней ночи. Он едва успевал пройти в метро перед самым его закрытием на ночь. Приходил домой среди ночи, чем неизменно раздражал супругу свою Раису. Она пыталась его перевоспитывать с переменным, надо сказать, успехом.

И вот однажды сидели мы небольшой компанией в ресторане. Отмечали день рождения общего нашего друга Бориса. Женщины предались любимому делу – перемывать мужьям косточки. Получалось, что спутники жизни как бы выводились за рамки социума и вообще изымались из круга людей: "Люди подали заявки на участки, а мой..."; "Люди премии получают, а мой...", и т.д. Дошла очередь до Раисы.

И она рассказала про "своего", что приходит он к двум часам ночи. "Спрашиваю: где был? Отвечает: с Володаром в шахматы играл". Все смеялись от души. Чистой правде никто не поверил. Если бы Виктор придумал, например, что ночью посещал знакомую особу, кто бы сомневался?

CAN I HELP YOU? И ТОРЖЕСТВО АГИТПРОПА. В Лондоне смущало вот такое обстоятельство. Стоит тебе чуть замешкаться на улице в размышлении – куда идти, как тут же кто-нибудь останавливается и в тебя летит сакраментальный вопрос: Can I help you? Да нет, не надо мне помогать, сам разберусь. Была при мне карта Лондона, и как пройти к Трафальгарской площади или к собору Святого Павла вроде бы не проблема. Но, конечно, всё равно благодарю и, что редко приходится практиковать дома – улыбаюсь! Ничего не поделаешь, приходится тренироваться в европейских искусствах.

Своей двоюродной сестре как-то показал фотографию, сделанную в Болгарии: застолье, улыбается мне мой приятель и соавтор, профессор Софийского университета Георгий Бижков, рядом другой университетский люд. Сестра, воспитанница в былые времена радиотарелки, потом телевизора, говорит: "Ты тут один, остальные – иностранцы? И не боишься?". Браво, Агитпроп!

ТУПОЙ ПРОФЕССОР. Это опять об Англии. Англичане не считают, что они в Европе, гуляют сами по себе. Но европейская тупость и им присуща. Вот такая история.

Со мной в Лондоне был коллега из того же института, в котором подвизался я. Нас пригласил Британский Совет на правах не более чем студентов, хотя я был уже членом-корреспондентом педагогической академии. Это на местных жителей впечатления не производило. У них академией могут запросто назвать какую-нибудь среднюю школу. Учёные степени мы имели, а профессорского звания ни у одного из нас не было. Зато у психолога Леонида Венгера такое звание было, а это две большие разницы. У него был статус *visiting professor*, что давало право ездить по стране куда хочется, чем он и пользовался. Последние дни он провёл с нами, в Лондоне. И тут случилась осечка. Даже две. Приходит он как-то озабоченный. "Ребята, говорит, – не знаю, что делать. Мне, профессору, отвели в университете кабинет, как это принято у них. Сидеть в нём – глупо, а не сидеть неудобно". Мы ему посоветовали себя не связывать, потому что страна вольная, никому нет дела, сидит он на месте или не сидит. У нас самих этой проблемы не было. Кабинет нам не полагался, и мы гуляли, где хотели. Я старался обежать побольше семинаров и лекций, а коллега в это время дремал в лонгшезе в соседнем с гостиницей парке, плавно переходящем в Гайд-парк.

Другой казус приключился с Венгером за день до отъезда.

Сидим мы вдвоём, без нашего профессора, за завтраком. Является Венгер, какой-то помятый, с кругами под глазами, и плюхается на стул. Мы осведомляемся о здоровье. Молчит. Потом выяснилось.

Пригласил его в гости маститый профессор. Поговорили о своих психологических делах. Вдруг пригласивший хлопнул себя по лбу и воскликнул: "Ну, какой же я! Забыл, что наша станция метро работает сегодня до десяти. А сейчас половина одиннадцатого. Ну, ничего, вы легко поймаете такси". Такси! С таким же успехом можно было бы нашему другу предложить купить аэробус марки «Боинг». Валюта, как положено, вся была потрачена. Осталась мелочь на проезд в метро. На родине заграничные деньги иметь и хранить в те времена считалось уголовщиной. Но, разумеется, не подал виду наш соотечественник. Просить фунты на такси было невозможно. У советских собственная гордость. И безлошадный профессор пешком

отправился в путь по улицам и площадям великого города, освещённым (повезло!) полной луной. Как раз подоспел к завтраку.

Эх, непросто было бы английскому психологу вдали от берегов Темзы. У себя под носом расписания метро не видит. А если на чужбине его соблазнят отвести взгляд от того, что прямо маячит перед глазами, и он увидит нечто непривычное, не обрушится ли на него судьба антарктического пингвина – тоже существа безобидного, наивного и любознательного? В тепличных условиях, среди вечных льдов, нет у пингвина привычки задиравать голову к небесам и рассматривать необычное и ужасное. Вниз смотри, если хочешь свою рыбку поймать и скушать! Но пришла цивилизация, и пришельцы нарушили покой пингвиньего края. Со страшным грохотом полетели железные птицы. Пингвины задирают головы, впадают в шоковое состояние и падают. А это для них смерти подобно. Самостоятельно встать на ноги пингвин не может – природой не предусмотрено. Ему отведена вертикаль. Рассказывают, что, чувствуя за собой вину, полярники взяли за обычай ходить по побережью, приводить падших в вертикальное положение. Но профессора никто поднимать не будет. Скорее наоборот. Так что be careful, professor!

СКУКОТА В ЭТОМ ЛОНДОНЕ! Пришло и нам время лететь домой. Приходим в офис брать билеты. Нам говорят – билеты есть на 29-е или на 30-е. Мой друг, к моему же изумлению, без раздумий и консультаций пытается взять билеты на день раньше. Чёрта лысого тешить в этом Лондоне! Наскучило.

БУДЬ ОНА НЕЛАДНА, ЭТА РЕКА. Ни того, ни другого из моих спутников нет больше на этом свете. Гадкий это ручей – "Река Времени". Уносит близких и далёких с поля, на котором мы растем, и с ними – частицу нашей жизни. Неважно, дружили они с нами или ссорились. Тому, кто задержался, маячить на поле одному неуютно.

***

НАДО ЗНАТЬ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ. От их незнания происходят многие недоразумения и могут появиться недобрые мысли.

Была у нас в Академии педагогических наук неплохая затея – совместный семинар молодых учёных и аспирантов АПН СССР и АПН ГДР. Выезжали друг к другу по очереди – один год они к нам, на следующий мы к ним. Я вёл там занятия секции дидактики. На изучение немецкого языка меня не хватило, а восточные немцы русский знали неважно, говорить на нём не решались, хотя в школе на этот предмет времени отводилось много. Английского тоже не знали. Только однажды попался мне в Германии продвинутый по возрасту аспирант, свободно говоривший по-английски. Как-то поболтали мы с ним о разном на этом языке, стоя на крыльце какого-то учебного заведения. Мимо сновали аспиранты – наши и немецкие. На следующий день вечером собрались вместе с целью немного расслабиться после учёных наших сессий, как ныне говорят, оттянуться. Обстановка была тёплая и становилась с течением времени всё горячее. И вот подбегают ко мне наши девицы с требованием помочь им с немецкими друзьями объясниться. Я, естественно, говорю, что по-немецки не смыслю. Они обижаются неимоверно – мы же слышали, как вы вчера битый час по-немецки говорили. Говорю – недоразумение, дескать, я ни в зуб ногой по-немецки. И действительно, чуть не получил именно в зуб, несмотря на различие в статусе.

И только в Москве сообразил, что, проходя мимо нас, девушки английский приняли за немецкий. А всё потому, что они этих языков не знали, а я не знал немецкого. Хуже того – наверняка подумали, что я знание немецкого злонамеренно и неумело скрываю. Или жлоб, или шпион.

Да, знать надо языки. Другой случай.

Шли мы небольшой группой по какой-то не очень людной местности на окраине

Берлина. Вдруг наши аспирантки срываются с места и спешают в магазинчик, стоящий в отдалении. Возвращаются разочарованные. Перепутали. Магазинчик назывался Lebensmittel (продовольствие, или, дословно, средства для жизни). А прочитали, прости господи, Liebensmittel. Разница в одной только буквке, а какая огромная!

Но вот что странно. Чем лучше человек знает иностранный язык, тем неохотнее на нём говорит. Я заметил, что мои коллеги, прилично владея немецким, тем не менее, попав в Германию, как-то всё норовили на меня, малограмотного, переложить бремя переговоров с местными жителями. Потом прояснилось. Дело в том, что я не притворялся, что знаю язык, и мне было легко и просто, потому что я склонения, спряжения и артикли на незнакомом языке ликвидировал, и было всем ясно, что ждать от меня нечего, кроме грубого оконтуривания того, о чём шла речь. Мои же компетентные товарищи так боялись поскользнуться на каком-либо артикле или предлоге, что предпочитали лучше промолчать, чем позориться. Не надеясь на них, я однажды привёз домашнюю заготовку на магазинную тему. В то время в моду вошёл полиэстер, и без костюма из этого материала я слабо представлял себе будущее. Заготовка выглядела так: «Sagen Sie bitte, haben Sie polyester Anzug, zwei und fünfzig? Für mich» С этим заклинанием я ходил по магазинам, и продавцы без проблем поддерживали со мной беседу. Их ответы на мой вопрос в пределах ja или nein я понимал прекрасно. В конечном счёте, моё упорство было вознаграждено, и я приехал домой с трофеем.

Поистине, знание иностранных языков – не лишнее.

Правда, нельзя сказать, чтобы коллеги совсем не знали русского. Один из них, деятель партии СЕПГ, как-то мне предъявил замысловатый немецко-русский каламбур, основанный на сокращённом названии его страны – DDR (Deutsche Demokratische Republik). DDR, то есть ДДР, – сказал он, – значит «Давай-давай работай». 40 лет работали, с 1949 по 1990. А результат? После объединения немецких государств без малого двадцать лет прошло, но до сих пор не может восточная Германия догнать западную. И даже вот что забавно. Дотошные немцы обнаружили, что житель восточных областей современной Германии в среднем на полсантиметра ниже, чем обитатель её западной части. Пустячок, конечно, но всё же...

РЕБЯТА, ДАВАЙТЕ ЖИТЬ ДРУЖНО. Как-то само собой получилось, что нам не надо было об этом напоминать. Если бы не проблемы с языком, даже и не замечали бы, кто есть кто. Минувшая война была ужасна, и никому не хотелось ни повторения, ни напоминания. Обеим сторонам в те годы приходилось туго. Давили и чужие, и свои. Иной раз непонятно было, каких психов, с какой стороны, больше надо опасаться.

Но эхо войны всё же докатилось до 1970-х. Однажды встретили мы немецких наших друзей и подруг на Белорусском вокзале и привезли в Горки, в общежитие нашей педагогической академии. И сразу же надо было везти их в город – культурная программа начиналась с театра. Но вот ЧП – водитель автобуса в дороге понял, кого везёт, и забастовал: «Немцев не повезу». Сколько ни объясняли ему, что это не те немцы, которые с нами воевали, не уступил. Развернулся и уехал со словами: «Пусть увольняют. Наслушался на войне их собачьего языка».

С языком этой группы, неведомой языковедам, столкнулся я опять немного позже, в конце 1970-х. Только не в Германии, а в Абхазии. Было дело в Гудауте – настоящей столице Абхазии. Там абхазов больше, чем в официальном Сухуми. Захожу в магазин канцелярских товаров. Продавщица – молоденькая девушка. Входит парень интеллигентного вида, в очках, тоже очень молодой. О чём-то продавщицу спросил, как потом я понял, по-грузински. А она ему: «Я вашего поганого языка не понимаю». Конечно, понимает, как и все в этих краях. Но специально для меня было сказано по-

русски.

У тех, кто постарше, война тлела в каком-то уголке сознания. Больше, правда, это касалось немцев. У нас мыслей тёмных не было, а наши партнёры оказались чувствительнее к подобным материям.

Аспирантурой в Академии педагогических наук ГДР заведовал доктор Бауэр – неперменный участник всех сессий нашего семинара. Это был серьёзный учёный, не просто регистратор поступления и прохождения аспирантов по каменистым тропам науки. Во время очередного визита наших немецких *genossen* в Москву захотелось нам сделать приятное командному составу Академии педагогических наук ГДР, и повезли мы вице-президента Гюнтера Вильмса, товарища Отто Вермтера, обрусевшего за годы сотрудничества секретаря парторганизации аспирантуры, свойского парня, всегда готового к застолю, и солидного нашего доктора Бауэра в Ленинград, полюбоваться белыми ночами.

Был конец июня. Подобралась дружная компания – от Германии перечисленные выше, от нас наш партийный секретарь Юра Васильев, весельчак и балагур, душа общества, к тому же свободно говоривший по-немецки, замдиректора НИИ общей педагогики, дама-филолог по специальности немецкий язык и литература, пробивной молодой человек по хозяйству, и ваш покорный слуга. Ночь провели на Невском проспекте и на берегу Невы, а к утру сели за неплохо укомплектованный стол в гостиничном номере. В разгар торжественного ужина-завтрака началась раздача подарков. Наш снабженец днём запасся отличными сувенирами – позолоченными медалями, каждая величиной с блюдце, с изображением русских городов. Доктору Бауэру достался Псков. И тут случилось непредвиденное.

Подвела нашего коллегу немецкая сентиментальность, которую жестокие испытания двадцатого века так и не смогли вытравить. Глаза его увлажнились, он улыбнулся детской улыбкой и сказал дрогнувшим голосом: «Danke schön! Ну, как же... Это для меня дорогая память. В этом городе я провёл зиму 1942- 1943». И тут же сообразил, что сболтнул лишнее.

Впрочем, наши восприняли эту утечку информации спокойно. Ничего удивительного, что оказался Бауэр в те годы в тех краях. Где ещё быть в ту зиму немцу, мужчине во цвете лет? Куда ему деваться? Была бы на то его воля – нежился бы он на пляже где-нибудь в Аргентине, где небо знойное так синее. Здесь же велено было на русских просторах стоять незыблемо за *Faterland*. А *Deutschland*, как было известно любому немцу, *über alles*. И за то спасибо, что начальники не бросили его под Сталинград, где деликатесом для немецких войск была мёрзлая конина.

Но не так отнеслись к промашке учёного его вмиг посуровевшие соотечественники. Безмятежная расслабленность застолья как будто споткнулась о камень и уступила место неловкости. Гости как-то напряглись, приумолкли и вскоре покинули компанию. Отоспавшись после бессонной ночи, мы узнали, что доктор Бауэр самолётом уже отбыл на родину. Коллеги не простили ему прокола. Теперь его ждало разбирательство по партийной части. Наступил на больную мозоль.

ПЕРВЫЙ РАЗ В АМЕРИКЕ. Весной 1985 года меня сильно возбудил звонок из Всесоюзного общества "Знание". Шутка ли – предлагают поездку не в Кострому, а в Сан-Франциско! Вряд ли даже из числа хулителей всего американского кто-нибудь отказался бы от такого вояжа. Перспектива была заманчивая. Прежде всего, в Сан-Франциско мы должны были пойти на ежегодный городской чёрно-белый бал (*black and white ball*), который регулярно проводился для финансовой поддержки местного симфонического оркестра. А потом мы переходили на попечение знаменитого в то время Вернера Эрхарда, главы сети семинаров его имени – *Erhard Seminar Training*.

К этому сводилось всё, что я узнал в Обществе о своей предполагаемой миссии.

Выяснилось, что меня подверстали к уже сложившейся компании – заведующего Отделом США ЦК КПСС, бывшего посла СССР в ООН, и заместителя председателя Всесоюзного общества "Знание". В последний час выяснилось, что муж дамы, представлявшей психологию, уехал на ПМЖ за рубеж, что в те времена не поощрялось, и тень от его фигуры пала на жену, которая вскоре тоже оставила СССР. Совершилось небывалое – в группу включили не психолога или представителя другой какой-либо уважаемой науки, а педагога. Но это произошло. Надо было готовиться к поездке.

С подготовкой вышли неувязки.

Всегда научной командировке предшествует ознакомление с материалами, прежде всего с трудами тех, с кем предстоит встретиться. Но оказалось, что ознакомиться с трудами Вернера Эрхарда невозможно по той причине (другой сказал бы "простой причине", хотя причины бывают и непростые), что их не существует. Мне объяснили, что Эрхард не пишет ни книг, ни статей, предпочитая всему этому просто разговор (talking) – на семинаре, с представителями СМИ и т.д. Поэтому ничего, кроме интервью в газете, мне в Обществе дать не могли. Впечатление осталось яркое. Для непривычного человека разговоры Вернера смахивают на речь безумца. Впрочем, это меня остановить не могло, а только распалило любопытство. Позже чёрно-белое восприятие мира ушло, и я начал понимать, почему о Вернере Эрхарде, человеке без высшего образования и без научных трудов, седовласые философы и психологи пишут монографии, и что в нём находят авторы посвященных его семинару диссертаций.

КОНФУЗ. Конфуз вышел с определением размеров костюмов, которые должна была приготовить американская сторона, чтобы можно было представить нас на балу. Костюм для каждого такой: верх – таскедо, т.е. укороченный фрак без фалд, низ – обычные чёрные брюки, кроме того белая рубашка, галстук-бабочка, чёрные туфли. Фишка, как ныне говорят, была в том, что у всей четвёрки размеры костюмов и туфель оказались одинаковыми. Хоть бы минимальное отличие, хотя бы на единицу! Но нет, строго по общему регламенту, как будто всех изготовили на одном конвейере, по одному лекалу. Двое из нас дрогнули и предложили вообще никаких сведений за океан не посылать, подозревая провокацию, лакомый кусочек для шакалов пера – напишут, что вот, дескать, пекут коммунистов по одному шаблону. Но рассудительность взяла верх, и мы отдались в руки организаторов. Отнеслись они к этому спокойно, и получилось, что только мы и запаниковали.

Попали в США окольным путём, сначала летели на Кубу, потом в Мексику, и оттуда – к месту назначения. Дело в том, что как раз в те дни прямое сообщение СССР – США было прервано из-за скандала с южнокорейским пассажирским самолетом, сбитом советскими пограничниками. Жертвы – триста человек. В знак протеста американцы отменили прямые рейсы.

И вот мы в Сан-Франциско. Бал был грандиозный и действительно чёрно-белый. Танцевали под пение живого Фрэнка Синатры.

По дороге в отель, в машине, я оглашал улицы знаменитого города пением мощной народной песни "Славное море, священный Байкал". Проснулись и встрепенулись патриотические чувства. Пусть знают, что и мы не лыком шиты!

Дальше – вперемежку между приёмами, экскурсиями, беседами с калифорнийскими политологами – разговоры с Вернером. В основном разговаривал я, поскольку для остальных вернеровы концепции не представляли профессионального интереса. О чём говорили? Да обо всём. Но сначала – немного о семинаре и его организаторе.

ЭСТ. Цель занятий в системе семинаров ЭСТ заявлена широко: это семинары по

трансформации личности. Попросту говоря, это занятия по преодолению таких свойств человеческого характера, как инертность, косность, склонность к стереотипам. Основной лозунг групповой терапии – "здесь и сейчас", жизнь в настоящем, преодоление прошлого, непосредственное переживание. Разработчики программы отрицают свою приверженность к какой-либо определённой философии или психологической доктрине. Вернер Эрхард говорит, что основания для предлагаемой методики можно найти во множестве источников: физикализме, буддизме, даосизме, традиционной философии и психологии, христианстве, сайентологии, суфизме, "динамике сознания", общей семантике, экзистенциализме и ...бизнесе. Последний из перечисленных источников, пожалуй, определяет специфику системы Эрхарда и её конечную цель.

Сам В.Эрхард рассматривает все упомянутые философские течения и научные дисциплины не как сознательно разрабатываемую основу его работы, а лишь как некоторое подспорье в её описании. Главное не в описаниях и определениях, а в живой практике. В ней настоящий источник и поле действий фирмы, которую возглавляет харизматический Вернер.

Начало его карьеры – вполне американская история. Окончил среднюю школу, неожиданно женился, отправился в путешествие на взятой в аренду машине. Деньги кончились, платить за прокат машины было нечем, и Вернер временно удалился за пределы видимости. Стал коммивояжёром по продаже автомашин. Почувствовал в себе силу убеждения и от рекламы автомобилей перешёл к разговорам о жизни. Начались первые семинары – talk. Дальше – больше.

И вот Вернер Эрхард – глава известной фирмы. С ним водят компанию профессора и сенаторы, астронавты и философы. О нём пишут статьи и книги, его работу скрупулёзно изучают психологи.

Мне вот что было интересно: как это у него получается? Забегая вперёд, скажу, что вскоре после нашего визита он был в Москве, вёл в Политехническом музее на территории Всесоюзного общества "Знание" семинар для крутых и недоверчивых психологов, философов и других. Встретили его со снисходительными улыбками, а провожали бурными аплодисментами, или, выражаясь словами его биографов (есть уже и такие), "standing ovation".

Что было с самого начала удивительно – пластичность нашего нового знакомого. Во всём: в речи, в жестах и, главное, в позиции. Не то, чтобы он позицию менял, он просто адаптировал её к собеседнику. Я раньше не видел, чтобы один человек так чувствовал другого. Даже не эмпатия, а как бы реинкарнация. Он становился другим, оставаясь собой.

АМЕРИКАНСКИЙ ГУРУ. Что бы теперь ни говорили мои сверстники, а марксизм в результате многолетней обработки проник к нам в тело и душу, как соль в заготовленный на зиму огурец. Когда началось наше долгое собеседование (12 часов, по четыре часа в день), я пытался выправить заблудшего. Не то и не так он, по-моему, говорил. Например, имел в виду объективную реальность, но то ли не знал правильных слов, то ли злобно уклонялся в сторону методологически порочных построений. Правильные слова должны были быть такими: objective reality. Я принялся учить его сразу и марксизму, и английскому языку. Какова же была моя досада, когда он выскользнул из моих рук как угорь и стал говорить правильно. В речи появилась та самая objective reality. И дальше было так же. Стоило мне что-то переменить из неправильного в правильное, как он тут же своё неправильное начинал выплёскивать на меня в моих же правильных одежках.

Весь первый день он пытался пробить мою привезённую из Москвы броню. Просил на минуточку, как бы для игры представить себе, будто бы он прав, и с его кочки посмотреть на предмет обсуждения. Соглашаться с ним не надо, но только

попробовать посмотреть на предмет его глазами. Допустить, что можно и так понимать то, на что я смотрю иначе. И с позиций понимания уже обсуждать и критиковать. Сдаваться я начал на второй день. Про себя вспомнил великолепный афоризм Марка Твена из "Янки при дворе короля Артура: "Критиковать можно только с такой платформы, на которой сам стоишь перпендикулярно". Эту битву, полную уступок и компромиссов, я вспомнил позже, встретившись с умным человеком, профессором МГУ Ю.А.Петровым. Он представил четыре правила научного изложения. Эти правила несложны, но необходимы. Одно из них прямо относится к моим дебатам с Вернером: при оценке истинности суждений следует пользоваться только определениями, которые дал тот, кто их предложил, не подменять их своими представлениями;

На третий день я успокоился, и оказалось, что можно вместе обсудить интересные и актуальные проблемы. А на четвёртый день мы говорили на общем языке и понимали друг друга с полуслова.

Так подробно говорю об этом, потому что в нашем сравнительно частном разговоре явил себя весь Вернер. Никакой индоктринации, человек остаётся свободным, но попадает в орбиту, с которой спрыгнуть сложно или невозможно.

Задача простая и необъятная по своей сложности: освободить мышление человека, стеснённого запретами, условностями и чужими взглядами, маскирующимися под его собственные. И сделать это так, чтобы от собственной личности, от собственных убеждений, от самоидентичности человек не отказывался. В стиле EST представлено это просто и метафорично. Бывший продавец автомобилей и метафору приводит автодорожную.

Представьте себе, что вы раньше других припарковали машину на стоянке. После вас рядами стали другие машины. И когда вам нужно стоянку покинуть, возникает проблема – как это сделать, когда вы зажаты приехавшими позже. Для этого на стоянке предусмотрена свободная от машин площадка – lane, на которой можно развернуться и направиться к выходу. Подобным образом в голове со временем образуется месиво от всего прочитанного, услышанного, сочинённого, принятого как своё или отвергнутого как чужое. И расчистить этот хлам можно, только имея свободную площадку, позволяющую развернуться по-своему.

Цель семинаров Эрхарда – образовать такую площадку в сознании их участников. И в общем это ему удаётся. Оппонентов у него хватает*. Их шокирует разговорный стиль, который они характеризуют как вульгарный, а всё вместе – как популизм и недопустимое упрощение. Вернера это волнует мало. Авторитет его велик. Он вхож во все сферы американской жизни – в Сенат, НАСА, университетское сообщество и т.д. По его следам и мы побывали в этих ведомствах.

Что касается "семинаристов", они полностью погружены в мир Вернера Эрхарда. Смотрят на него, как индийцы на своих гуру. Критика идёт только снаружи.

ХУЖЕ ВСЕГО – НЕ ЗНАТЬ О НЕЗНАНИИ. В направленной в сторону Вернера Эрхарда критике есть доля критики. Но его педагогический талант и невероятная харизматичность снимают претензии. Если получается – почему бы и нет? *Why not?*

Как будто ничего нового в таком, например, фрагменте "разговора": Есть такие вещи, которые мы знаем, и знаем, что мы это знаем. Есть такое, о чём мы не знаем, и знаем, что мы этого не знаем. Но есть также вещи, о которых мы не знаем, и не знаем, что мы этого не знаем.

Проводя свой семинар по повышению квалификации преподавателей кафедр педагогики, я не только находил подтверждение этой классификации. Чётко вырисовывалась задача: выявлять то, чего мои подопечные не знают, при этом не подозревая, что они этого не знают, и путём методологической рефлексии помогать им перейти из третьей группы во вторую. Если мы знаем о том, что мы чего-то не

знаем, это случай сравнительно лёгкий. Если я не знаю, например, японского языка, можно в случае необходимости заняться им.

Я зато знаю, что самый тяжелый случай – когда не знают, что не знают и не знают, чего не знают. Всё возможное нужно предпринять, чтобы незнание было осознано. Если говорить привычно и скучно – надо осознать проблему, получить знание о незнании.

Вернувшись к своей работе, я заговорил шершавым языком Вернера со слушателями своего Института повышения квалификации научно-педагогических кадров. Слушателями у нас были преподаватели кафедр педагогики вузов всей нашей тогда ещё более обширной страны, от Калининграда и Смоленска до Ташкента и Уссурийска. Мне удалось в ходе занятий по методологии педагогического исследования, без наглости и обидных слов, на примерах, убедить их в том, что они не умеют вести научную работу и слабо представляют себе, что это такое. И хуже всего, что они об этом до сего времени не подозревали. Хотя многие были уже "остепенёнными".

«ВЕРНЕР – ДУРАК И ШАРЛАТАН». Все авторы книг, статей и диссертаций о Вернере Эрхарде отмечают (есть и обширный экспериментальный материал), что у многих из числа прошедших "обкатку" на его семинаре нормализовалось артериальное давление. Так было и в очень запущенных случаях. Большинство разводят руками, не в силах объяснить такую странность. Вроде бы ничего специально для этого не делается.

Разгадка забрезжила в потёмках для меня во время занятий Вернера с большой аудиторией в Москве. Он показал на собственном примере, как можно окружить себя броней неприятия неприятностей, уходить от них. Для приблизительного обозначения такой позиции в современном русском языке существует общее понятие "пофигизм". Говорю "приблизительного", потому что у Вернера такая позиция распространяется только на отношение к самому себе, а не к миру в целом или на людей в этом мире. Защищаем себя ради возможности активнее выступить против несправедливостей, творимых по отношению к другим. Вот как это было.

Объяснив публике, что часто мы волнуемся по ничтожным поводам, а то и вообще без повода, Вернер попросил переводчика Сергея показать на него, Вернера, пальцем и сказать по-русски, чётким и громким голосом: "Verner Erhard is a crank and a quack". Сергей смутился. Это было уж слишком. Но Вернер настаивал на своём. Парень, смущенно улыбаясь, показал на него и громко произнёс: "Вернер Эрхард – дурак и шарлатан". Довольный Вернер обратился к залу. "Теперь пусть кто-нибудь опишет, что произошло". Народ безмолвствовал. Наконец, нашлась отважная девушка, которая сказала: "Только что Сергей назвал вас дураком и шарлатаном". – "Спасибо. Точно. Ровно это и произошло. Сергей сказал, что я дурак и шарлатан. А теперь посмотрите, во мне что-то изменилось? От этих слов я стал глупцом и шарлатаном? Если раньше я им был, то таким и остался. А если не был, то таким от его слов не стал. То, что он так меня назвал, ко мне отношения не имеет, а имеет отношение только к Сергею. Это – факт его биографии. А для меня нет причин на этот факт реагировать. Отметая лишнее, мы избегаем стрессов. А если подумать, то можно себя защитить в 90% таких случаев".

Немудрёная мудрость, но действенная.

ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО СВОЕГО. Не раз пришлось побывать в американских краях. Многое забылось. Но не уходит из памяти встреча с семинаристами Вернера на следующий день после нашего появления. Только мы вошли в зал, триста человек встали и устроили нам овацию. После того, как наши соотечественники расстреляли самолёт гражданской авиации с мирными пассажирами.

Позже яснее стал смысл нашего визита. Причина – не столько Вернер. В мае-июне 1985-го страна и мир входили в эру окончания холодной войны. Главными были встречи моих спутников с представителями истеблишмента, а потом – с послом Добрыниным.

Опять поблизости замаячила неясная фигура Истории.

ОДНАЖДЫ В АМЕРИКЕ. Однажды в Америке собирались мы лететь из Ньюарка в Сиракьюз. Это недалеко, час с небольшим на Боинге. Были мы в аэропорту. Мы – это Василий Давыдов, известный психолог, к сожалению, рано ушедший из жизни, и его бывший аспирант, в то время заведующий кафедрой Максимов. Дело было в 1992-м в аэропорту города Ньюарка. С билетами случилось лёгкое недоразумение, и я как единственный с английским языком стоял возле дамы, оформлявшей за компьютером наши билеты, а двое спутников стояли поодаль, за символическим барьерчиком, сооружённым из алюминиевых стоек и бархатных ленточек.

И вот – ура! Билеты нашлись и через пять минут будут в наших руках. Я иду к своим, чтобы поделиться радостным известием. И тут – эксидент, как говорят в тех краях, то есть неприятность. Мимо провозят приземистую багажную тележку, которую я впопыхах не заметил. Спотыкаюсь, теряю равновесие и, чтобы не упасть, хватаюсь за хилую опору – бархатную ленточку. Стойки, к которым она прикреплена, смыкаются как раз у меня на лбу.

Вроде ничего особенного и совсем не больно. Но подхожу к Давыдову, а он в ужасе шепчет: "У тебя на лбу шишка". Трогаю лоб – действительно, шишка и прямо под пальцем растёт. И тут, откуда ни возьмись – полисмен. Спрашивает, как я себя чувствую. Я говорю, что, вроде бы, ничего. "Сильно болит?" – "Нет, ничего особенного". Затем – сакраментальная фраза, журчащая как весенний поток, в англоязычных краях: "Can I help you?" – "Может быть, можно достать льда, чтобы ко лбу приложить". "No problem". Через три минуты лёд у меня в руке. Чудо – лёд, принесённый самим полицейским – по понятиям недостижимой для простого люда вроде нас, профессоров, персоной! Шишка стабилизировалась, больше не растёт. Полисмен опять: "Как самочувствие? Могу отвезти в больницу". Я: "В этом нет необходимости. Да и оставить товарищей не могу – они без языка пропадут".

Явление следующее.

Подходит ещё один джентльмен, делового вида, вместо пиджака – коричневый жилет: "Я представитель US AIR" и сразу ко мне: "Как вы себя чувствуете?" Дальше повторяется диалог вместе с предложением отвезти в больницу.

Появляется третье действующее лицо, ещё один полисмен. Разговор повторяется. Наконец, четвёртый – ещё один представитель авиационной компании.

Билеты оформлены. Меня берут под руки, и все направляются в служебное помещение, где нам дают билеты, а также индивидуальный подарок от компании – каждому карточку, на которой начертано: "Угощайтесь бесплатно! Эта карточка даёт Вам право бесплатно выпить и закусить за наш счёт на территории US AIR, на земле и в воздухе. Приятного аппетита!".

Воодушевлённые тёплым отношением должностных лиц, мы идём на посадку за семь минут до взлёта. На прощание второй из джентльменов в коричневых жилетах говорит: "Если в воздухе или в городе Сиракьюз плохо себя будете чувствовать, компания вам поможет. Когда прилетите, у трапа вас встретит человек, одетый как я. Он вам обязательно поможет, если будет необходимость".

Действительно, как только приземлились в Сиракьюз, подошёл ко мне такой человек и отошёл, только убедившись, что мне ничего от компании не нужно.

Карточки пригодились. На внутренних рейсах спиртное платное, о чём мы как-то подзабыли и разошлись не на шутку – заказали джин-тоник. И тут обнаружилось, что ненасытные капиталисты бессовестно обируют наивных пассажиров – берут с них за

это удовольствие плату, и немалую – за 50 граммов 20 долларов. А я перед отлётом в магазине купил бутылку джина за ту же цену, но поллитровую, 500 граммов! Вот здесь нас и выручили карточки.

Долго меня беспокоили догадки насчёт необыкновенно (как мне показалось) душевного отношения к неприятности, которая со мной приключилась. И додумался.

Дело не только в доброте американцев, хотя и в ней тоже. С их точки зрения, меня надо было нейтрализовать добротой и предупредительностью. Иначе могли бы потянуться судебные заседания, отсрочки, вызовы свидетелей и обеспечение их явки в суд. А суд в этом случае является на сцену вот почему.

Авиакомпания, да и суды изнемогают под бременем исков, которыми заваливают их пенсионеры, недовольные решительно всем в аэропортах и неутомимые в поисках компенсации. Возникающие у них претензии трудно вообразить, не ознакомившись с реальным материалом: на территории аэропорта укусил комар; кофе подали чуть тёплый; дама оступилась, поднимаясь по лестнице, потерпела моральный ущерб, слушая "не свою" музыку, и т.п. Растёт число любителей на добытые сутяжничеством средства летать по стране, а повезёт – так и по всему земному шару самолётами той же, оплатившей ущерб, компании.

Я своей шишкой, по-видимому, напугал компанию. Она на всё была готова, только бы погасить огонь моего возможного неудовольствия и не отвечать за мою травму. Потом мне говорили знающие люди, что отказался я от своего счастья. То есть от верных десяти – пятнадцати тысяч долларов компенсации. Ладно, мы не жадные.

Хочешь – не хочешь, а поневоле напрашивается сравнение. Провожу мысленный эксперимент. Что бы я услышал в Новосибирском аэропорту, если бы набил себе шишку там? А если бы, не приведи Господь, обратился в милицию с претензией? Что услышал бы в аэропорту города Барнаула? Или Оренбурга? Смоленска? Челябинска? Тюмени? Окидываю мысленным взором свой мысленный эксперимент и содрогаюсь.

...

SORRY. НЕЧАЯННОЕ МАЛЕНЬКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Просится на эту страницу аналогия с тем состоянием неуязвимости для внешних неприятностей, к которому подводит своих клиентов Вернер. Среди милостей Судьбы я числю четырнадцатилетнее служебное и всякое общение с замечательным человеком, патриархом отечественной педагогики, ровесником века Михаилом Николаевичем Скаткиным. Он был в числе научных работников лаборатории дидактики, которой я заведовал в 1970-х – 1980-х годах. Вместе разрабатывали теорию содержания образования.

Поразительны были его незлобивость и выдержка. За четырнадцать лет он ни разу не повысил глосса, не проявил какого-либо беспокойства. Даже уход из жизни жены, спутника жизни, неотделимого от самой его жизни в течение шестидесяти лет, его не сломила. Мы с И.Я.Лернером долго гадали о причинах такой непоколебимости, пока не наткнулись на эпизод, превосходящий даже богатое воображение.

Жизнь дворянского сына, появившегося на свет в унисон с рождением двадцатого века, понятно, была не сахар. Прожил человек и двадцатые, и тридцатые, и военные годы. Что было – можно только догадываться. Но вот Лернер поведал историю, действительно, фантастическую даже на фоне протоколов и приговоров врагам народа. Он узнал, что в начале 1953-го на Скаткина поступил донос. Патриот сообщал в органы, что Скаткин пытался поджечь здание института, где мы работали!

Только представьте себе! Тщедушная фигурка Михаила Николаевича под

покровом ночи крадётся с канистрой, наполненной бензином, по ночным коридорам института, дабы уничтожить источник его, Скаткина, существования, и тем подвести итог десятилетиям труда, посвящённого развитию и укреплению педагогики и образования. Понимаю Михаила Николаевича. После такого обвинения (с вполне реальным по тем временам исходом) организм в его психо-соматическом единстве закаляется, как сталь. И уже ничто не может поколебать укреплённого таким способом человека

***

9. ЛЮДИ

Как! – воскликнет читатель – а остальное о чём, о ком?

Конечно, о том. То есть о них, о людях. Лунный пейзаж, nature mort без людей никому не нужен. Однако люди заслуживают СПЕЦИАЛЬНОГО к ним внимания. Они – не фон, а сущность и цель. О них – этот разговор. Он завершает эти записки.

ВЕЗЕНЬЕ. Я везучий. Наверное, это видно из того, что читатель уже вычитал в моём сочинении. Моё везенье – люди, на которых хотелось быть похожим. Отец, Виктор Леонович Краевский пытавшийся в безнадёжные времена заботиться о рабочих завода "Баррикады" (кстати, один из пунктов обвинения), мать, Надежда Тимофеевна, запретившая мне даже и думать о лестном предложении стать стукачом, при том, что отказ был чреват реальной опасностью для неё лишиться единственного сына в самые тяжкие времена. Были, конечно, другие, помимо друзей и соратников по дидактике, о которых скажу позже. Это Артур Владимирович Петровский, настоящий учёный, умевший ценить других, даже и возможных конкурентов, наш президент в трудные девяностые. Рано ушедший из жизни Володя Клепиков, не обретший высоких званий и должностей, но заслуживший у близко его знавших любовь и память. Не умеющая отдыхать трудолюбивая пчела Елена Викторовна Бережнова, отбившая череду бессонных ночей перед моим почти бездыханным телом после шести тяжелых операций последних лет. Вульф Маркович Слободкин, по профессиональной подготовке далёкий от гуманитарной специальности, надёжный друг, любитель классической музыки, знаток литературы извилистого двадцатого века. Человек непоколебимой честности, ненавидящий подлость, всегда готовый отозваться на чужое горе. В этом ряду – Наталья Леонидовна Коршунова, беззаветно преданная науке, не терпящая компромиссов в науке, в жизни и на службе. Она создала на дальневосточном краю российской земли методологический семинар, не уступающий по уровню самым что ни на есть "центральным", столичным.

Всем спасибо, как говорят перед уходом со сцены.

Это, конечно, не все, достойные памяти. Их всегда было больше, чем недостойных. С популяцией последних пришлось вплотную столкнуться лишь в последние годы. Надо признать – случалось в людях обмануться, но и более опытные, такие как Артур Владимирович Петровский, оказались подвержены дефекту зрения гуманистов-интеллигентов: чёрное видится им в розовом свете.

ИНОСТРАНКА. Добрые люди попадаются и просто по случаю. Вот что случилось, мелкое, вроде бы, но памятное, поблизости от дома.

Повезло мне с расположением жилища в Москве. Идти до метро – три минуты пешком, в 10-ти минутах неспешной ходьбы – Коломенский парк. В этом парке доживает свои дни остаток былой роскоши, яблоневый сад. Яблони не замечают отсутствия хозяев, цветут по-прежнему, награждая встречных и поперечных полновесными своими плодами. Основные у них гости – пенсионеры. Приходят с

большими рюкзаками, а кто-то и с тележками. Никто им не мешает, все уходят с урожаем.

Одним прекрасным осенним днём прогуливался я по парку с гостьей, двоюродной сестрой. Мы с ней в одной возрастной категории. Прохаживались возле яблонь степенно, поглядывали на яблоки, упавшие на землю, покалеченные от удара о землю. Вдруг, откуда ни возьмись – девица, на вид, как англичане говорят, in her teens, точнее, лет шестнадцати-семнадцати. Говорит: «Давайте, яблок вам наберу». Как черноволосая обезьянка, быстро-быстро забралась на дерево и с немалой высоты посыпались эти фрукты. Натрясла она нам их целый мешок, всё не могли унести. И так же быстро, не ожидая благодарности, исчезла. Успел я только спросить, как зовут и откуда. Видно по лицу и разговору, что из ближнего восточного зарубежья. Звать Джамия. Из тех, кого бритоголовые патриоты встречают хоккейными битами. Вспомнилась забитая до смерти в Петербурге четырнадцатилетняя таджичка. Эта, семнадцатилетняя, вряд ли имела шанс проникнуть глубоко в учение графа Толстого. Просто растёт человек. И вырастет, если не помешают ублюдки.

А ВОТ И УБЛЮДКИ. Читаем:

Призывы "Россия для русских!" и "Бей хача!" оказывается "не являются экстремистскими"

Так посчитала судебная экспертиза. Она была проведена по заказу Следственного комитета во время расследования дела об избиении до полусмерти питерского школьника.

14 февраля в 15 отдел милиции из 5-й детской больницы города Петербурга поступила телефонограмма, в которой сообщалось, что к ним в тяжелом состоянии с переломами костей черепа и носа поступил ученик 9-го класса 176 школы Тагир Керимов. Как оказалось, он с товарищем Сулейманом Рамазановым шел в школу на празднование Дня Святого Валентина. По дороге на них напала группа, состоящая из 25-30 молодых людей, которые, выкрикивая лозунги «Убивай хача, мочи хача!», «Бей черных, бей хачей!», «Россия для русских!», повалили Тагира Керимова на землю и начали его избивать. Уголовное дело по статье «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений» было возбуждено на следующий день. Позже дело было переквалифицировано на «покушение на убийство» и передано в Следственный комитет прокуратуры. По делу были арестованы 5 человек, которые до сих пор находятся под стражей. Пострадавший Тагир Керимов несколько месяцев находился в коме, однако врачам удалось спасти ему жизнь. Новый поворот в деле Керимова произошел накануне, когда стало известно о том, что оно вновь возвращается из следственного комитета при прокуратуре в милицию. Основанием для этого стали результаты экспертизы, проведенной сотрудником Центра судебных экспертиз Северо-Западного округа Еленой Кирюхиной. Эксперт пришла к выводу, что лозунги «Бей хача!» и «Бей черных!» могут как иметь, так и не иметь ксенофобской направленности в зависимости от контекста. Такое заключение эксперта вызвало бурю негодования не только у занимающихся делом Керимова юристов, но и у правозащитников. Сама же Елена Кирюхина сообщила о том, что более четкого заключения она составить попросту не имела возможности из-за неоднозначности и скудности предоставленных ей следствием материалов.

В высочайшей квалификации своего сотрудника в Центре судебных экспертиз не сомневаются. Также, по словам представителей руководства Центра, в перечне экспертиз такой психолингвистической экспертизы вообще нет. Этим делом Елена Кирюхина занималась в свободное от работы время и ее заключение не является процессуальным.

Добавим, что по делу о нападении на Тагира Керимова задержано 5 человек, которые до сих пор находятся под стражей.

В деле Тагира Керимова нужно провести повторную экспертизу, – считает член правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным информационным спорам Елена Галяшина. По её словам, одного эксперта для проведения такого рода экспертиз недостаточно, кроме того у экспертов-лингвистов должна быть специальная квалификация для проведения исследований по таким вопросам, – заявила Елена Галяшина.

Галяшина добавила, что оценить результаты лингвистической экспертизы Татьяны Кирюхиной можно только проведя повторную экспертизу. В данном случае, она, по мнению Елены Галяшиной, необходима.

Правозащитники уверены, что нападение на петербургского школьника Тагира Керимова нельзя считать ни чем иным, кроме как преступлением из межнациональной ненависти. Председатель правозащитной организации Агора, которая сейчас занимается делом Тагира Керимова, Павел Чиков заявил в интервью радиостанции "Эхо Москвы", что считает действия следствия в этой истории крайне сомнительными.

Чиков добавил, что адвокат потерпевших будет обжаловать в суде решение следователя о передаче дела в милицию, кроме того правозащитники будут настаивать на квалификации «покушение на убийство по мотивам межнационалистической ненависти». Параллельно будет инициировано независимое лингвистическое исследование, на основании которого правозащитники будут добиваться проведения повторной комиссионной лингвистической экспертизы. Журналист, член Общественной палаты Николай Сванидзе обеспокоен ситуацией, которая складывается вокруг дела петербургского школьника Тагира Керимова. По мнению Сванидзе, утверждать, что в составе преступления нет признаков ксенофобии и экстремизма просто немыслимо. Своё мнение на этот счёт Николай Сванидзе высказал в интервью радиостанции "Эхо Москвы".

Сванидзе подчеркнул, что Общественная палата обязательно вмешается в это дело в ближайшее время.

(ИТАР-ТАСС , 28.08.2009)

ПОЗВОНОЧНЫЕ И БЕСПОЗВОНОЧНЫЕ. Повезло мне и в другом смысле. Урок оказался полноценным. Ясное получил представление и о тех, кто насыщает атмосферу флюидами раболепия, кто усвоил искусство прогибаться и прогибать. От многолетних упражнений в этих процедурах позвоночник теряет твердость и приобретает столь высоко ценимую начальством гибкость, или "управляемость". Оглядываясь вокруг себя, немного вижу позвоночных. Но они есть. В ближайшем окружении прорисовываются самый талантливый, многократно оклеветанный Э.Д.Днепров. Не сдаётся далеко видимый и слышимый в СМИ, но не в Академии образования А.М.Абрамов. Там же – виновный в препирательствах с начальством и потому лишённый сана вице-президента, изгнанный из Президиума РАО В.П.Борисенков. И поделом – не пытайтесь остановить закат и наступление удобной для беспозвоночных тьмы, не препятствуйте процессу дебилизации внутри академии и вне её.

Остальные, не препятствующие...увы мне! Многие из тех, кому я в своё время помогал, подсаживают теперь, кого им укажут, на злачные места.

Образованные беспозвоночные не стоят упоминания, которое само по себе было бы рекламой. Они жаждут того, что ныне называют пиаром. Ради этого готовы целоваться с теми, кого ненавидят. Им неуютно в одиночестве и темноте. Не верю, что им не страшно. Время всё равно их засветит, и наглость не выручит.

Но всё-таки намёками не обойтись. Приоткроем занавеску перед фактами.

Представленными, как говорят, из независимых источников. И сопровождаемыми небольшим комментарием. Это тоже часть моей жизни.

***

ОТСТУПЛЕНИЕ: ЦИТАТЫ

Учительская газета, № 16(1049), 17 апреля 2007 г.

" Простая математика

Почему нет доверия к выборам в академическое сообщество?

Ничто не оставляет такого горького привкуса, как выборы в Российской академии образования, похожие на раздачу талонов, обеспечивающих доступ в компанию избранных.

На собрании присутствовали 86академиков, столько же раздали бюллетеней, столько же обнаружили в урне для голосования. Об этом и о количестве голосов, отданных за кандидатов, доложил Общему собранию с высокой трибуны председатель счетной комиссии. Однако обнаружилось, что при 86голосовавших общее количество поданных в целом голосов «за» стало равняться 115.

Кого это вообще не смутило, так это президента Никандрова. Много раз подряд он предлагал утвердить итоги голосования. Напрасно все те, кто знаком с математикой в объеме начальной школы, доказывали с цифрами в руках, что такое утверждать нельзя. Николай Дмитриевич упорно стоял на своем.

... почему председателю не пришло в голову удивиться тому, что количество отданных и подсчитанных голосов не совпадает, как это требуется, по вертикали и горизонтали? Вернее, почему это ему не потребовалось обнаружить? И еще: почему президент Никандров, отличающийся точностью и скрупулезностью во многих делах, на этот раз так настаивал на том, чтобы утвердить никуда негодный акт счетной комиссии?...

... Не хочется думать, что на выборах в РАО были задействованы те «грязные технологии», которые случаются на выборах в органы законодательной власти. Но академики всерьез говорили о своих подозрениях, связанных с возможным вбросом лишних бюллетеней, о сознательной подтасовке голосов и о многом другом. Здесь важно даже не то, что они говорили о своих подозрениях, а то, что у них нет доверия, а ведь речь идет о выборах лучших из лучших в академическое сообщество, а потому все должно быть чистым и честным. Как этика ученого. Вполне вероятно, что с этикой академикам еще предстоит разбираться, потому что репутация Российской академии образования сегодня не из лучших, и это очень печально. Печально потому, что в той бочке меда, который собирается усилиями и трудами сотен научных работников академии, ее действительных членов и членов-корреспондентов, все больше капель дегтя, падающих сверху. Как бы деготь не сделал мед абсолютно несъедобным в глазах общества и, что главное, педагогического сообщества.

Виктория МОЛОДЦОВА"

Газета МЕТРО, 20.02.08, с. 01

Газета МЕТРО, 29.02.08, с. 09

Учительская газета, № 16 (1049)/ 2007-04-17

"Да или нет

...выступление Краевского, несмотря на его пафосность, члены академии не поддержали. А как поддержать, если в зале сидели люди, которые нередко тоже пишут диссертации за других—факт, публично не признаваемый, но в то же время в ученой среде известный, ведь академики хорошо знают, что чиновники, получающие

ученую степень, времени на написание диссертации не имеют. Зато имеют тех, кто им в этом помогает...

Виктория Молодцова"

КОММЕНТАРИЙ

Личностные заметки

А ЕСЛИ ЧТО НЕ ТАК – НЕ НАШЕ ДЕЛО

Как говорится, "от меня ничего не зависит". Позиция удобная. Как славно быть ни в чём не виноватым! Удобная позиция, но неудобная.

Представьте себе объявление в газете: "Денежные купюры на заказ: доллары США, евро, рубли. Выполняется высококвалифицированными специалистами. Качество. Гарантия! Тел.:...". Что-то не попадалась мне такая реклама. Зато очень похожую можно прочесть в газете многотиражной и очень популярной в Москве, поскольку она бесплатно раздаётся всем пассажирам метрополитена и так и называется: "Метро". Рекламу, неотличимую по стилю и смыслу от вышеприведенной, я обнаружил в нескольких номерах газеты, вышедших в 2008 году, последнюю – в номере №170 (1692) за 29.10.2008. В рубрике "Образование" напечатано: "Диссертации, дипломные, курсовые на заказ. Аспиранты и преподаватели. Качественно. Гарантия! Тел.: ...". И там, и здесь мы имеем дело с фальшивомонетчиками. Фальшивые диссертации, как и фальшивые деньги, не только для изготовителей, но и для покупателей – источник дохода. Разница в последствиях. Первые ждёт срок, вторых просят не беспокоиться. А почему, собственно? Имитация учёности, пожалуй, ещё хуже имитации богатства. Суррогатные учёные обычно весьма активны. Они норовят, и очень часто с успехом, занять ключевые должности.

Эта ситуация чревата вытеснением настоящих учёных, озабоченных не «выбиванием» грантов, премий, должностей, а своим делом, то есть научными исследованиями и организацией науки. Когда они оттесняются на периферию и становятся маргиналами, на их место идут те, кого обозначают ёмким, но не имеющим точного определения словом «прохиндей». В этом случае угасание науки – дело времени. К сожалению, это – картина не только гипотетическая. Обычно отличить настоящих учёных от имитаторов не составляет труда. В частном разговоре любой скажет, кто поблизости от него - фельдфебель, ему «назначенный в Вольтеры», а кто действительно Вольтер. Могут и выразить неудовольствие по этому поводу. Однако чувства редко бывают связаны с действиями.

В начале 2008 года произошли два события, значительных для мира образования. Первое – совместная конференция-семинар Российской академии образования и Высшей аттестационной комиссии, второе – Общее собрание РАО. На том и другом прозвучал одинокий голос по поводу заказных диссертаций. Ответом были реплики известного деятеля психолого-педагогического фронта, не последней спицы в колесницах РАО и ВАК. Свелись они к намёку на нечистую совесть самого поднявшего голос и на то непреодолимое обстоятельство, что замечать и пресекать изготовление фальшивок в сфере образования – не наше дело, а обязанность прокуратуры. Интересное, как говорят, кино. Выходит, если к тебе лезут в карман, сиди тихо и жди милицейского наряда. Никто в зале, полном академиков, докторов наук, профессоров на этот обмен репликами не прореагировал. "Учительская газета" в публикации, посвящённой этому собранию, так объясняет невозмутимость аудитории, не поддержавшей разговор на эту тему: "А как поддержать, если в зале сидели люди, которые нередко тоже пишут диссертации за других—факт, публично не признаваемый, но в то же время в ученой среде известный" (Да или нет/"Учительская газета", № 14 (10199) 2008 -04-01).

Возникает несколько вопросов, на которые, может быть, захотят ответить сами

читатели. Первый: неужели это правда, и действительно "люди в зале" пишут диссертации за других? Второй: разве не получил публичного признания факт, рекламируемый в широко распространяемой газете? Третий: как насчёт коррупции? Будем только грозить ей кулаками или попытаемся её побороть?

И вопрос главный – имеют ли моральное право "в зале сидящие люди" заниматься тем, о чём они так любят говорить – воспитанием?

В.В.Краевский

•••

ЛАБОРАТОРИЯ И ЖИЗНЬ. Пятнадцать лет отдано работе в лаборатории общих проблем дидактики Института общей педагогики – с 1969 по 1984 г. Что там делалось? Об этом я рассказывал в 2004 году, на страницах юбилейного сборника «Институт теории и истории педагогики (1944-2004)». То, что нужно сказать, там сказано. Не буду ничего дополнительно придумывать. Вот этот рассказ.

В штат Научно-исследовательского института теории и истории педагогики я был зачислен в январе 1966 года, хотя аспирантуру окончил гораздо раньше. Директором этого института в то время был прекрасный человек, ученый и организатор науки Михаил Иванович Кондаков. Потом он был заместителем министра, президентом академии, но это необыкновенным, редкостным образом его не испортило. Как раньше не было, так и впоследствии не появилось ни тени столь характерного для многих в наших краях плебейского высокомерия и чванства, унижающего самого его носителя (что, впрочем, им самим не замечается). Михаил Иванович оставался на всех своих высоких постах доступным людям. Он был для них советчиком и другом, а не обитателем горных вершин. Если учесть еще специфику эпохи застоя, когда востребованы были совсем другие качества, уважение к этому человеку возрастает.

Добрим словом хочется помянуть директора уже нашего времени - Владимира Ивановича Додонова. Это был человек, открытый людям, готовый помочь любому, кто в этом нуждался, чуждый корысти и двоедушия.

В 1969-м мне предложили заведовать лабораторией общих проблем дидактики. Понятно, без такого раздела научной работы институт теории педагогики не мог обойтись. С самого начала мы определили, что будем заниматься дидактикой как педагогической теорией обучения. Мы – это исследовательская группа, в которой были такие люди, как Михаил Николаевич Скаткин, Исаак Яковлевич Лернер, Валентина Самуиловна Цетлин, Игорь Константинович Журавлев, Борис Михайлович Бим-Бад, Светлана Ивановна Высоцкая, Галина Ивановна Батурина и другие, примкнувшие к нам позже.

Я тогда не понимал, как мне и всем нам повезло. Об этом как-то не думалось. Так не задумываешься о воздухе, которым дышишь. Атмосфера добра и порядочности окружала неброскую фигуру истинного русского интеллигента, патриарха отечественной педагогики Михаила Николаевича Скаткина, как потом выяснилось, потомка славного дворянского рода, не раз отличившегося на службе Отечеству. В его роду были и П.П.Строев, о трудах которого А.С.Пушкин писал: «... г. Строев оказал больше пользы Русской Истории, нежели все наши историки с высшими взглядами вместе взятые», и митрополит Киевский Филарет, практически заложивший традиции московского духовного образования, и известный русский писатель А.В.Амфитеатров...

Михаил Николаевич вовсе не выглядел как корифей. Он свободно, на равных, советовался с нами, которые были в среднем вдвое моложе его и уж точно не умнее. Четырнадцать лет мы работали вместе, и ни разу я не слышал, чтобы он повысил голос по какому-либо поводу. Стыдно было при нем лукавить, имитировать бурную деятельность. Он был настоящий, и остальные старались работать по-настоящему, не очень заботясь о престиже. Поэтому и удалось кое-чего добиться. Нас уважали.

Невозможно забыть Исаака Яковлевича Лернера. Это был генератор идей. Он жил быстро и страстно. Вот кого нельзя было назвать равнодушным. Для него не было малых дел и тем. Во всё, что делал, он вкладывал все душевные силы. Без этих людей не получилась бы у нас теория содержания образования и процесса обучения, остающаяся актуальной и востребованной в период модернизации образования, который для нас начался сразу после создания лаборатории, в 1970 году.

Заседания редко проходили по протоколу, большей частью они превращались в дискуссии. Большим спорщиком был И.К.Журавлев, аспирант И.Я.Лернера. Он и другим помогал «наращивать мускулатуру» для интеллектуальных баталий. Б.М.Бим-Бад, тоже аспирант И.Я.Лернера, впечатлял эрудицией и неординарным мышлением. С.И.Высоцкая (еще одна аспирантка Исаака Яковлевича) – человек ясного мышления, безукоризненной порядочности, огромного трудолюбия - излучала тепло доброты, человеческого участия за пределы нашего, в сущности, немногочленного сообщества. Научные задачи она решала добросовестно и компетентно, как говорят, на высоком научном уровне, без лишнего шума. Нам говорили – несовременные это качества. Ну и пусть – отвечали мы и вспоминали слова из песни кумира тех лет Владимира Высоцкого: «Добро остается добром в прошлом, будущем и настоящем».

Педагогическую специфику нашей работы во многом определяла Валентина Самуиловна Цетлин, которая, в отличие от большинства остальных, пришла в лабораторию, будучи уже доктором педагогических наук. Присущая ей чёткая логика, глубокое понимание специфики педагогической науки помогали нам не отклоняться от принятого с самого начала курса независимо от тематики исследования, выстраивать дидактику именно как педагогическую (а не психологическую или, например, кибернетическую) теорию обучения. Галина Ивановна Батурина, человек, увлечённый научной работой, по-матерински опекавшая аспирантов, не давала нам отрываться от методической реальности. Позже к работе присоединились Людмила Яковлевна Зорина, Владимир Степанович Шубинский, Семен Абрамович Шапоринский, Мария Михайловна Левина, бывшие наши аспиранты Татьяна Александровна Козлова, Фаина Борисовна Сушкова. Каждый был нужен, каждый работал над своим, и все вместе делали общее дело. Всех объединяли общие методологические представления – о месте дидактики в содружестве наук, изучающих образование, о типе знаний, которые получает исследователь, изучая свой предмет, о месте и значимости результатов для общего дела. Методология была для нас не абстрактной, не далекой от реальности сферой, доступной лишь избранным, а вполне конкретной системообразующей основой организации работы. Конечным результатом была упомянутая выше, получившая известность и поныне оказывающая влияние на науку и практику, теоретическая концепция содержания образования и процесса обучения. Культурологический подход к пониманию и формированию содержания образования в педагогическом сознании прошел все три стадии восприятия истины человеческим умом: «какая чушь – в этом что-то есть – кто же этого не знает».

После кончины Л.В.Занкова к лаборатории дидактики была присоединена группа его сотрудников во главе с М.В.Зверевой. Она работала по своей программе, сосредоточив усилия на проблемах начального образования.

Сегодня в коллективе сотрудников, разрабатывающих проблемы дидактики, не осталось никого из первоначального состава, но работа по развитию разработанной в те времена концепции продолжается, особенно по вопросам содержания образования. Традиция не прерывается.

Время было, как теперь иногда говорят, неравновесное. Чувствовался зарождающийся ветер перемен. Самостоятельная позиция, собственное мнение уже

не считались крамольными. Организовать «единодушное осуждение» становилось все труднее. Цензура пока ещё хмурила брови, но становилась всё более формальной. Ослабевала её мертвящая хватка. Идеологический пресс не давил с прежней силой. В воздухе можно было почуять струю озона. Хотя всё ещё редактора можно было уволить за одно только намерение издать Мандельштама.

Работа шла легко и дружно еще и потому, что цель была доброй – помочь людям стать свободными, научить их думать, раскрыться навстречу миру, всей культуре, а не замыкаться в рамках знания основ наук - важного, но не единственно нужного для достойной жизни. Дружно – не значит беззаботно и бесконфликтно. Шла бескровная бойня – каждый отстаивал своё мнение. Дискуссии, которым, как теперь говорят, не место даже в парламенте, были органической частью нашей работы. Главное – работы. Ничего личного.

В результате непрерывной череды споров и препирательств получилась монография «Теоретические основы содержания общего среднего образования» (1983). Кто читал, говорит, что текст целостен и един, как будто написан одной рукой. На самом деле рук было двадцать (правда, пишущих рук было десять – по числу авторов). Завершая работу, эти руки пожали друг друга. До сих пор книга не вышла из научного обихода.

А вот со второй монографией случилась незадача. В рукописи называлась она аналогично: «Теоретические основы процесса обучения». И быть бы ей до сих пор читаемой и цитируемой, если бы не разговор на последнем этапе кого-то из начальства с одним из двух редакторов, И.Я.Лернером. Я в то время был в отпуске. Исааку Яковлевичу «порекомендовали» в целях конкретизации и вящей связи с практикой прибавить к названию ещё три слова. Он поддался на уговоры, о чём впоследствии весьма сожалел. И в конечном счёте книга вышла в свет под названием «Теоретические основы процесса обучения в советской школе» (1989). Советская школа кончилась через два года вместе с Советским Союзом, и книгу после этого, хотя и не перестали читать, но цитировали неохотно. Хотя теория, думаю, пригодилась бы и потом. Хочешь забыть про политику, гонишь её в дверь, а она влезает в окно.

И в более широком смысле, конечно, не всё шло так гладко, как видится теперь, в розовой дымке прожитых лет. Была и демагогия, порой, увы, хамство, впрочем, не поднимавшееся до уровня руководства. Была и общая для всех в те времена унижительная необходимость пользоваться тем, что иносказательно называли «паровозом» - цитаты-поклоны в сторону классиков, делавшие возможной публикацию рукописей, преодоление барьеров не столь жёсткой, но всё ещё многослойной цензуры. Постоянно действовал ограничитель, встроенный в сознание - парализующая творчество самоцензура. Потом многие отвыкли от этого, а молодежь и не привыкала. Когда заходит разговор о капризах погоды – то заморозки, то оттепель, которую одни приветствуют, а другие называют слякотью, одного хочется – не обзаводиться вновь дурными привычками, портящими жизнь.

Мы не чувствовали себя изолированными от общего дела. Атмосфера поиска, существовавшая тогда в институте, содействовала серьезному к нему отношению. Не нужно было особенно принуждать кого-то работать. Люди сами от себя многого требовали, учились друг у друга. Стремление к самосовершенствованию было чем-то само собой разумеющимся.

Мы жили в предчувствии свободы и внутренне уже вышли на волю. О возможности "отката" в прошлое в то время не думалось. Не ждали мы, что ученики на исходе первого десятилетия двадцать первого века будут писать в редакцию вот такие письма:

«Я люблю свою школу. Мне нравится все то, что в ней происходит. Именно с ней

связаны самые теплые воспоминания моей жизни. И именно со школой связаны все мои надежды на будущее.

Свой класс я воспринимаю как государство. У нас свои порядки, свои правила, существует даже некая иерархия, что, конечно, неправильно, но не осуждайте нас, взрослые. Мы только начинаем жить. Что любопытно, каждый из нас – от двоечника до отличника – мечтает о счастливом будущем и успешной карьере. И каждый понимает, что основа этого самого будущего – школа. А проводниками на этом пути нам служат учителя. Больше всего я люблю своих наставников за их неповторимую трогательность и материнскую заботу. Люблю очаровательную улыбку учительницы по алгебре. Люблю конфеты, которые каждое утро дает нам наша классная руководительница. Люблю даже запах мела и раздавать всему классу листочки для самостоятельной. Без всего этого я себя уже не представляю. Только поймите меня правильно. Конечно, у всех из нас возникали недопонимания с учителями. Но мы же живем бок о бок не один год, мы самая настоящая семья... А ведь даже в самой крепкой семье неизбежны конфликты.

Но с этого года даже я, отличница с девятилетним стажем, стала ходить в мой второй родной дом с меньшей охотой. Не думайте, что вся проблема в сложностях подросткового периода, в том, что интерес к противоположному полу выходит на первый план, на самом деле все не так просто. Наше поколение настолько амбициозно, что именно учеба – главное для современной молодежи, несмотря на всякие развлечения и увлечения. Каждому хочется жить богато, а для этого нужно учиться. Эта истина, мне кажется, очевидна уже для всех. Безусловно, есть и исключения. Что ж, всегда придерживалась мнения, что такие «исключения» тоже нужны в этом мире в своих целях.

Не пугайте нас экзаменами

Ведь мы – ваше будущее!

Так в чем же причина? Дело в том, что в последнее время целью нашего обучения становится не получение новых знаний, а успешная сдача ГИА – ЕГЭ. Кстати, самое парадоксальное, что я даже не знаю, как называется данная проверка знаний: ГИА, ИГА, ГАИ, может быть? Мы ничего не знаем про то, что это такое. Идем вслепую. Часто пропускаем важные практические сведения во имя заучивания теории, столь нужной для этого (скоро узнаем какого) экзамена. Так происходит, например, на уроках русского языка и литературы. Моя учительница часто причитает, что хотела бы дать нам больше практики, но... программа не позволяет. В итоге все наше обучение сводится к некому галопу и вечной спешке. А учеба ведь должна приносить удовольствие. Я, конечно, говорю это про людей сознательных.

Такое необычайно приятное ощущение, когда хочешь вникнуть в материал, ловишь каждое слово учителя. В этом есть некая магия, это необъяснимо прекрасно – узнавать новое! Когда сидишь полчаса над задачей и вдруг понимаешь: «Вот оно!» И сразу на душе становится тепло, появляется гордость за себя, за то, что ты чего-то да стоишь.

А теперь нам не дают это почувствовать. Я не виню в этом учителей, нет. Так устроена программа. Но учиться так становится просто неинтересно и скучно. Нет стимула получать знания, нет мотивации. Даже с чисто практической точки зрения мы ничего не понимаем, за одним непониманием следует другое, третье... В итоге теряешь все. Потому что это естественно – не желать делать то, в чем ты плох, что не получается.

А еще пугает то, что не знаешь, что будет дальше. И снова обращаюсь к вам, взрослые! Разве вы, например, в юности точно знали, что завтра у вас будет возможность жить достойно? Точно так же и мы. У нас нет уверенности, что мы будем сдавать и как сдавать. Потому что сами учителя не знают. Потому что никто не знает. вспомните, вас это пугало? Так же это пугает и нас, не дает нам делать то, что

нам, по сути, нравится! Нас постоянно контролируют, но ведь целью обучения не должна становиться подготовка к какой-либо диагностике! Поймите, мы не подопытные крысы. Мы хотим получать образование. Но возможным это станет только тогда, когда мы будем заинтересованы именно в получении знаний, а не в сдаче экзамена. Мы не против ГИА как факта. Мы против школьной программы, загнанной в ее рамки, ограничивающей свободу как учителей, так и нас. А ведь мы – ваше будущее! И самое главное, не пугайте нас экзаменами. Верьте нам. Очень прошу, нам это порой так надо!

Будьте уверены, мы вас не подведем. Никогда. Просто дайте нам шанс сделать так, чтобы мы смогли обеспечить нашей стране достойную жизнь.

Людмила КОКОРИНА, отличница с 9-летним стажем»
(«Учительская газета», № 6 от 10 февраля 2009)

***

У ВАС И У НАС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. Неподалеку от черноморского города Туапсе притулился среди кавказских хребтов прелестный посёлок Шепси, а в нём, на горке – пансионат. В бытность мою завлабом там я однажды отдыхал. Чтобы ничто не нарушало ритм расслабленной прибрежной жизни, держал в тайне свою связь с педагогической наукой. Но вода дырку найдёт. О секрете проведал сосед по палате, директор сельской школы в Мурманской области. И – началось. Смысл монологов собеседника был незатейлив: вот вы там, в Москве, купаетесь в шоколаде, пачкаете бумагу научными завитушками, а у меня, между прочим, школу зимой отапливать нечем, дрова не завозят. Шли бы эти кандидаты-мандидаты куда подальше вместе со своими статейками да книжками. С дровами не поможете, и вообще в дело не годитесь. Мелькала в этой речи ненормативная лексика, и сам мой новый знакомый был в несколько ненормативном состоянии. Но и в спокойном виде, конечно, думал так же. Я по науке, а он о своём, сокровенном. Содержание речи в подобных случаях слабо связано с формой. Возразить нечего. Когда стынут руки и мозги, какая уж наука! Экзистенциальный смысл дискурса хорошо передаёт присловье: вы у себя в Москве, может быть, гений, а у нас, в Одессе, вы еле-еле идиот.

ЩЕДРОВИЦКИЙ. К светлому ряду относится Георгий Петрович Щедровицкий. Это сейчас, в соответствии с традицией - посмертно, он в чести. Ежегодно проводятся научные чтения его памяти, в 2008 году уже четырнадцатые. Философский словарь пишет, что он – российский методолог и философ, основатель и лидер Московского методологического кружка (ММК). Что он впервые стал рассматривать методологию как особую и самостоятельную сферу знания, а не составную часть философии, науки или инженерии, сформулировал основные принципы и положения деятельности подхода.

Дальше написано в энциклопедическом стиле, как и положено, лаконично и сухо: «Как теоретическая деятельность, так и карьера Щедровицкого. несут на себе отпечаток социокультурной ситуации в СССР. Щедровицкий исключался из членов КПСС в 1968 "за действия, использованные во вред партии и страны", был рассыпан набор книги "Педагогика и логика", которая увидела свет только через 23 года. Взгляды Щедровицкого объявлялись антимарксистскими в газете "Правда" в 1969 году, и лишь с 1995 началась подготовка к изданию "Собрания сочинений" Щедровицкого и компьютеризация его архива».

...Лето 1968-го было жаркое. Я и Виктор Иоффе брели по Ленинградскому проспекту поблизости от метро "Аэропорт". Разговор зашёл о некоторой научной загогулине, в которой я слегка запутался. И Виктор предложил зайти к Юре Щедровицкому, который жил возле метро "Сокол". Я говорю: "Вроде бы он не Юра" – "Это для милиции он Георгий, а для нас Юра". Действительно, в кругу близких его так

звали. Я потом в этот круг на время вошёл. Правда, и раньше мы встречались, но в более или менее официальной обстановке, на его лекции в институте, где я работал.

Прихватили мы с собой трёхлитровую бутылку болгарской "Гамзы" в красивой плетёной корзинке и без предупреждения явились к приятелю Виктора. Щедровицкий тут же пригласил нас в душ, чтобы смыть жару, но мы сразу приступили к разговорам. Сначала о разном, потом я задал вопрос по делу. Ответ был такой: прочитайте то-то и то-то, тогда поговорим. Разговор затянулся на два года. Вот как я рассказал об этом в 1996 году в сборнике материалов научной конференции памяти Г.П.Щедровицкого "Георгиевские чтения":

«Судьба свела меня с Георгием Петровичем ненадолго – на то время, когда нам было по пути на педагогической тропинке. Для него это были тяжелые времена, на рубеже 60-х и 70-х годов: исключение из партии, увольнение отовсюду. Но человек не сломался, не потерял достоинства и преданности науке. Свой знаменитый семинар он вёл на дому, не пропуская ни одного дня. Было нас человек около десяти. Вначале два месяца, раз в неделю, собирались, чтобы разобрать на мелкие косточки мою уже защищённую кандидатскую диссертацию. Дисциплина была железная. Шеф меня не отпустил на собственный мой день рождения, совпавший со временем моего же доклада: "Отметим здесь, а доклад все равно сделаешь". После занятий пригубили и поздравили. Дни рождения приходят, уходят и забываются, а тот запомнился навсегда.

Соратником и продолжателем себя считать не имею права. По отношению к философии был и остаюсь, как теперь говорят, пользователем. Было прикосновение, но такое, что оставило след на всю профессиональную жизнь. О чём и как бы ни говорилось на семинаре, одно было неизменно: презрение к неряшливости мысли, готовность додумывать всё до конца, неприятие моды в науке, уважение к гибкости мысли и неуважение к гибкости позвоночника».

Юра Щедровицкий и его гвардейцы – вот уж кому бы в голову не могла прийти дикая мысль об изготовлении диссертации на заказ для дяди или тёти со стороны!

НОВУЮ ДРУЖБУ УНЕСЛА ПРОКЛЯТАЯ. Есть люди, от которых как будто исходит солнечный луч. И не надо с ними кушать пресловутый «пуд соли», чтобы познать их до конца. Таким был коллега – кандидат педагогических наук, но в первую очередь журналист Геннадий Николаевич Жаворонков. И фамилия у него подходящая. Познакомились мы с ним не на вечеринке, а в больничной палате, оба в горизонтальном положении. Ему выбраться не удалось. Под конец он говорить почти не мог, осталась чудесная улыбка. За несколько дней мы подружились, и, кажется мне, крепко. Обменялись книгами и мыслями. Среди подаренных мне была его книга о Катыни – «О чём молчал катынский лес...», только что тогда (2006 г.) вышедшая в свет. Геннадий был честным, скромным и смелым. Это он ценой огромного риска добыл неопровержимые доказательства о трагедии Катыни. Три года, как его нет, а память о недолгой дружбе не затуманилась.

Загляните в интернет, почитайте о нём и то, что написано им самим. Не пожалеете.

«ГОРЖУСЬ СВОИМ БРАТОМ» На заре туманной юности была у меня знакомая девушка, совсем юная. Брат у неё был военный моряк. Однажды он совершил смелый поступок, за что был награждён медалью. И она мне говорит: «Я горжусь своим братом». Восприятие мира у нас не совпало. Я сказал: «Это он вполне имеет право гордиться. А ты вроде бы не причём. Не ты же совершила геройский поступок». Уже тогда задумался: что же это значит – гордость, и что значит гордиться? Гордиться чем, кем? Брат, вроде бы, сам сделал нечто полезное людям. Ему и гордиться. Мать по праву может гордиться сыном – молодцом, умным,

добрым, одним из первых в избранной профессии. Хотя, по сути, она должна ещё больше гордиться собой, своим родительским подвигом. Это она вырастила сына таким.

А вот ещё один поворот. Должен ли человек гордиться тем, что он француз? Или датчанин? Не выбирал он ни своих родителей, ни страну, на территории которой они произвели его на свет. Не его это достижение.

Было время, когда немцы возгордились, что они немцы, а не какая-то шушера вроде евреев или славян. Плохо это для них кончилось.

Это я всё веду к тому, мне самому-то есть чем гордиться, или следует гордиться теми хорошими людьми, с которыми встречался и работал? Наконец, своими родителями. Нет, наверное, хотя вопрос, надо признать, спорный. Гордиться, по моему, можно не за кого-то, а за себя самого, гордиться собой, если, конечно, заслужил на это право, сделал что-то достойное. Заслужил или нет, пусть рассудят люди. А вот тем, что добрые люди меня приняли, и с ними вместе кое-что сделано – этим определённо горжусь. Другая сторона медали – гордость (не гордыня) оставляет место для стыда. Не может быть, чтобы нечего было стыдиться по ходу долгой жизни.

Потерять стыд – значит потерять себя.

ИЕЗУИТ СТАНИСЛАВ И СМЫСЛ ЖИЗНИ. Берегу в памяти драгоценные дни вседозволенности и бесцензурности. Один такой день, точнее, вечер, случился в 1992 году в городе Новосибирске. После трудного семинарского дня меня пригласили в уютную квартиру, где среди гостей был Станислав, поляк, которого мне рекомендовали как представителя его земляка, папы римского Иоанна Павла II, и как члена Общества Иисуса. Он был из ближайшего окружения понтифика, его пресс-службы. В Новосибирском педагогическом университете читал лекции для студентов, посвящал их в тонкости католичества. Говорил по-русски Станислав неплохо. Будучи всё-таки славянином, никому не уступал в застолье, которое для нас двоих не замедлило перейти в теологический диспут. В соответствии с поветриями того времени я пробовал стряхнуть с себя атеистический ступор, в который был погружен с молодых ногтей.

"Так что же значит, Станислав, верить? Почему недостаточно просто знать? А верить достаточно? Вот, допустим, хочу уверовать. Как к этому приступить, с какого конца?" На этот ворох детских вопросов мой собеседник отвечал кротко и невнятно. Для иезуита он был, пожалуй, чересчур простодушен. Нет, не Игнатий Лойола. Незаметно перешли к вопросу о смысле жизни. Вкратце переложу, что я ему сказал.

Меня давно беспокоит предположение, что смысла жизни вообще не существует, во всяком случае, не для всех он есть.

В этом вопросе нелепость сущего обнажается ниже нижнего белья. В самом деле, смысл – понятие рациональное – неукоснительно сопровождает каждого из нас в любом нашем поступке: собираемся ли мы получить высшее образование, хотим ли жениться, завести детей, сменить место жительства или работы, купить новый костюм, компьютер и т.д. Всегда можно объяснить любое отдельно взятое действие. Но всё в целом, последовательность поступков, которая и называется жизнью, как объяснить? В чём смысл всего вместе? Зачем?

Нас родители не спросили, хотим ли мы родиться. И пока никто не догадался осведомиться, не хотим ли умереть. А всё равно родиться пришлось, придётся и умереть. Для чего тогда вся эта суета – учиться, жениться и – далее со всеми остановками? Стало быть, если, скрипя сердцем, можно признать наличие смысла, или умысла, в отдельных поступках, то есть ли он в общем виде, смысл существования в целом?

Так, под аккомпанемент звона посуды, я говорил, а Станислав слушал.

Этим, однако, мои суждения не ограничились. Правильно ли утверждать на вышеизложенном основании, что смысла жизни вообще не существует? Если, например, у меня его нет, то, может быть, смысл моей жизни – у кого-то другого? Смысл моего появления на свет не мог быть у меня, но, может быть, он был у моих родителей? Они, возможно, видели пользу в моём существовании. Пользу для них, для родственников, для наших соотечественников, вообще для людей. Гибель тысяч солдат при штурме Берлина весной 1945-го вряд ли входила в их личные планы, но имела смысл для маршала Жукова, который очень хотел к майским праздникам преподнести Берлин в подарок своему главнокомандующему. Возможность более или менее длительной осады окружённого со всех сторон города и ожидания вынужденной сдачи гарнизона не была альтернативой.

Итак, смысл жизни, её начала и конца, в принципе есть или может быть, только он не для меня, он не у того, кто живёт, а у другого, кто заведует моей жизнью и смертью.

Среди животных есть два близких родственника: домашнее животное свинья и дикий кабан. Смысл жизни свиньи есть, и он у её хозяина. Свинья живёт, чтобы были у него в перспективе окорок, сало, свиные отбивные. Сама же свинья вовсе к этому не стремится и не усматривает в этом смысл своей жизни. Тем более нет его у кабана. Различие, однако, есть. Смысла жизни кабана нет ни у него самого, ни у кого-либо другого, поскольку хозяина у него, в отличие от свиньи, нет.

Так вот, Станислав, ты уж меня извини, не обижайся на аналогию. Но ты в моей логике – в хорошем смысле свинья, потому что у тебя есть хозяин, отец небесный. Пути господни неисповедимы. Ты господу зачем-то, видимо, нужен, для каких-то собственных его задумок, о которых нам ничего не известно. Поэтому смысл твоей жизни есть, но он не у тебя, верующего, а у того, в кого ты веришь.

А я, Станислав, кабан. У меня хозяина нет, и смысла жизни моей, значит, нет вообще – ни у меня, ни у другого кого-то. Я вовсе не хвастаюсь. Ещё вопрос, кто из нас счастливее.

Мой новый друг печально промолвил, что не обижается, но огорчен тем, что меня обуяла гордыня, в то время как главная христианская добродетель – смирение.

Мы выпили ещё по одной, пожелали друг другу удачи и разошлись.

Потом мне сказали, что был там ещё один возможный диспутант, тоже поляк и тоже из свиты папы римского, посильнее Станислава в дискуссиях. Но тот приглашения не принял, когда узнал, что вечером будет компания числом более двух человек. Счёл ситуацию для серьёзного разговора неподходящей.

ВОСПОМИНАНИЕ

Разговор о смысле жизни с иезуитом из Ватикана
отцом Станиславом, имевшем место в мае 1992 г.

Если бы знала свинья свое предназначение,
Что быть ей праздничного стола украшением,
Не пошла бы к Хозяину в дом,
А сбежала бы в лес кабаном.

***

Не хочу быть будущим окороком.
Мне свое и дешёвое дорого.
Лучше быть кабаном неприкаянным,
Чем в тепле прозябать у Хозяина.

***

Что для нас у Хозяина,

Разве предвосхитишь?
Мерседес или сауна?
А, возможно, и шиш.

***

ОТСТУПЛЕНИЕРАЗ...И ОБЧЁЛСЯ.

Эта заметка – единственная по профилю моей специальности. Не удалось совсем этого избежать. Кому читать скучно, можно пропустить этот фрагмент. Всего-то несколько строк.

Хотите верьте, хотите, считайте это профессиональным суперпатриотизмом (идиотизмом), но наша жизнь, контекст индивидуальной жизни зависит от ... как бы дико это ни звучало, от педагогики. А внутри территории, принадлежащей этой даме – зависит от тех, кто готовит для неё кадры. Увы, приходится присоединиться к самому страшному из высвеченных здесь персонажей, в своё время заявившему, что кадры решают всё. Не очень заметна цепочка, в которой одно зависит от другого, но она есть: какие преподаватели педагогики, такие студенты, какие студенты – такие учителя, какие учителя – такое всё население и каждый в нём человек. А преподаватели педагогики такие, какие их начальники, т.е. ректоры педвузов или деканы педагогических факультетов. Понятно, что организаторы подготовки педагогов сами должны быть по специальности, по своей профессиональной подготовке педагогами. Так вот, если захотим пересчитать по этому признаку тех, кто возглавляет педагогическую подготовку, счёт сразу же обрывается. Говорят: "раз – два" и обчёлся. А мне так дальше "раз" и сказать нечего. Зато в единственном известном мне случае, когда большой педагогический университет много лет возглавляют педагоги, с педобразовнием всё обстоит как надо. А в других... то, что описано дедушкой Крыловым – если "сапоги начнёт тачать пирожник", далее по тексту. Если ошибся в счёте – буду только рад. Но, думаю, если и ошибся, то ненамного.

Слышу от проректора по науке одного из этих других педагогических университетов: "Что же это у вас в вашей академии так плохо получается с практикой? Учителя педагогическую науку не любят". Я ему: "А что же это вы так плохо готовите учителей, что они не понимают науку и её не любят, да и сами работать, как надо, не обучены?" Проректор по науке – доктор естественно-математических, а не педагогических наук. Отсюда – непродуманность претензий.

Кандидат математических наук на защите собственной докторской диссертации по ПЕДАГОГИКЕ говорит: "ВАША педагогика...". Зал слушает благоговейно – соискатель в больших чинах. Я срываюсь: "Может быть, НАША педагогика?". Слегка смущается и вносит поправку: "Наша педагогика...".

Всё. Продолжаем наше округлое повествование. Горбатому могила – не лекарство.

10. ЖИЗНЬ ПЯТАЯ. И ПОСЛЕДНЯЯ

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО. За что ЭТО великому композитору? Видно, был не безгрешен. У того, кто уже был в 1991-м достаточно взрослым, божественная музыка, независимо от его желания, навсегда связана с ничтожным ГКЧП: трясущимися руками Янаева, танками на московских улицах, протестами десятков

тысяч москвичей. Не зная, что сказать, не нашли ничего лучшего, как крутить по телевидению одно и то же – "Лебединое озеро".

К девяностым шли семьдесят четыре года, истребляя друг друга, утопая в крови, восхваляя убийц, умирая от голода, и вот, после первого глотка свободы, опять гонят танками в Большую Зону, обнесённую железным занавесом? И народ показал начальникам козью морду. Вертикаль, в то время носившая имя командно-административной системы, рухнула вместе с памятником железному Феликсу.

На второй день скоротечной власти ГКЧП мне позвонил Валя Полонский и пригласил пройти к месту скопления народа, к Белому Дому. Через полчаса вышли из метро "Краснопресненская" и встали в толпе, собравшейся под балконом, выходящим в сквер. Послушали всех: Ельцина и Хасбулатова, Руцкого и Шеварднадзе, других революционеров. Как-то в голову не приходило, что любой шальной выстрел, даже в чистое небо, мог вызвать панику и давку, в которой у любого есть хорошие шансы быть затоптанным. Но у ГКЧП не хватило духа, и танки убрали. Убралось и само ГКЧП.

На следующий день я был на Манежной площади, стоял в многотысячной толпе. Выступал Горбачёв и другие. Народ праздновал победу.

Здесь мой плавный рассказ даёт сбой. Какие найти слова, чтобы описать чувство облегчения, охватившее не только сердце и душу – каждую клеточку организма? Впервые в моей к тому времени не очень длинной жизни потерпели крах людоеды. Было похожее, когда разгромили немецких. А теперь официанты нашего маньяка-кровопийцы (он же успешный менеджер), на время притихли.

И вот, как тогда показалось – мрачный конец и лучезарное начало. Как будто гнёт атмосферного столба, впивающегося в тело, исчез. Эйфория тех дней никогда не забудется. Это было неожиданное СЧАСТЬЕ.

Появился шанс устроить жизнь не по лжи. Разгрести пахучие её напластования. Призвать к ответу тех, кто десятилетиями вёл войну против своих соотечественников, измывался, как мог, "приводил в исполнение", изводил душу "исполнительской дисциплиной". Геноцид собственного народа – звучит непривычно, но точно.

Лучезарного продолжения не получилось. Сами виноваты.

КТО ТАКИЕ ЭКСТРЕМИСТЫ? В последние годы появилась забота – как бы не приняли за экстремиста. Экстремист – существо омерзительное, не просто какой-то ворчун или, хуже, участник марша несогласных, а просто уголовник. Закон приняли против таких. Надо в этом вопросе разобраться.

Начнём, по привычке, с науки: «ЭКСТРЕМИЗМ, а, мн. нет, м. [от латин. *extremus* — крайний] (книжн.) – склонность, приверженность к крайним взглядам и мерам, преимущ. в политике». Ну, кажется, я не очень к этому склонен. Ещё больше успокаивает определение экстремизма Парламентской ассамблеей Совета Европы: «экстремизм – это такая форма политической деятельности, которая, прямо или косвенно, отвергает принципы парламентской демократии». Нет, нет, не отвергаю я эти принципы.

А вот юридическое определение того, какие действия считаются экстремистскими, вызывает некомфортное раздумье. Тут легко залететь на уголовное поле. Ой, не сносить головы, если вдруг получится в пылу полемики, что само начальство, призванное бороться с экстремизмом, обозвали этим же нехорошим словом. Ты ему: «Ага, экстремист! Нарушаешь права, свободы и законные интересы человека и гражданина!» А оно тебе: «Сам такой, раз обвиняешь в экстремизме моё должностное лицо!»[2]

Утешает только вот какое обстоятельство. В интернете можно прочитать, что термин «экстремизм» в современной России «в основном используется для

шельмования и уголовного преследования общественных активистов, членов оппозиционных движений, независимых журналистов». Это ко мне не относится. Три НЕ: не общественный активист, не член оппозиционного движения и не независимый журналист. Хотя, кто знает. Начальством иногда бываю недоволен. Термин термином, а начальство начальством. Недовольные – по определению экстремисты.

Однако успокоимся и перейдём к быту.

На бытовом уровне к экстремизму тяготеют определённые группы населения, а то и всё оно.

Для примера: население обладает крайней, и притом устойчивой, склонностью к принятию горячительных напитков. По данным комитета по безопасности Госдумы РФ, количество реализуемых спиртных напитков в стране на 80% больше, чем их производство. По экспертным оценкам, за год производится не менее 600 млн. литров только домашнего самогона. Сегодня на душу населения России приходится потребление примерно 18 литров алкоголя. Если не учитывать младенцев, непьющих и стариков, то получается, что каждый взрослый пьющий россиянин в год выпивает по 30 литров крепкого алкоголя. Это почти в восемь раз больше, чем в США.

Экстремизм иногда равен бесшабашности. Вот пример из жизни.

Случилось это в Новом Афоне, поблизости от меня, в соседнем доме отдыха. Туда приехал на отдых житель Крайнего Севера. Под октябрьским нежарким, но всё же южным солнцем разомлел на пляже и загорал весь день. Солнце следующего дня он уже не увидел. Говорили ему – сгоришь! Но нашим море по колено. Ждать милостей от природы не хотим. А сломать её через колено не получается. Её законы не отменишь. И по телефону не прикажешь, чтобы судила помягче.

Ещё один экстремизм – современный технический.

Из южного сорокаградусного пекла ныряем в прохладу комнаты с кондиционером и доводим температуру почти до нуля. А потом удивляемся простуде и проклинаем кондиционер, а не себя. Ненамного отличается такая инвектива от байки, в которую, по преданию, верили в начале прошлого века мои сельские родственницы, опасавшиеся идти к районному фотографу по той причине, что он, накрыв чёрной попоной голову при съёмке, будто бы видит свой объект вверх ногами и обнажённым.

Если нужен обобщающий образ в заключение этого краткого эссе об экстремизме, пусть это будет напоминание о маятнике часов нашей истории, раскачивающемся между анархией и диктатурой и никогда не застревающим посередине.

Закон недвусмысленно ясен,
Мышление создателей чисто:
Те, кто со мной не согласен –
Предатели и экстремисты.

СВОБОДА ИЛИ ЖРАТВА? Мало кто догадывается, что выбор ложный. Свобода – условие обретения вкусной и здоровой жратвы. Второе без первого не бывает. Достаточно бросить взгляд на карту мира и перелистать историю, чтобы сомнения в этом рассеялись: Южная и Северная Кореи, ГДР и ФРГ, Финляндия и Карелия, США и СССР и т.д..

Но бросать взгляд и перелистывать неохота. Тягостная, хотя и ложная альтернатива постепенно внедрилась в повседневную жизнь и отравила её. Подпрыгнула, поднялась с колен, перевернулась и опять встала торчком Вертикаль. Первый раз её выкинули в 1917-м, но оставили поблизости, а потом почти сразу же и подобрали. Результат – Вертикаль не исчезла, а лишь перевернулась и опять встала

торчком, как Ванька-встанька. Кто был ничем, тот стал всем. А дальше – жестокость осталась и многократно умножилась.

Кто доживёт до следующего дубля – пусть забросит Вертикаль подальше, куда-нибудь в океан.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ. Маловато что-то успел я рассказать о себе собственно. Но короля делает свита. И не король я, и свиты у меня нет. Есть друзья и недруги. Недругов могло бы и не быть. Но трудно удержаться от подёргиваний, когда видишь безобразие. Так заводятся недоброжелатели. Спокойнее бы надо жить. Но это получается у меня плохо. На этих страницах я старался не утомлять читателя подробностями своей профессии. Хотя, может быть, стоило бы что-то рассказать о тех одиннадцати годах, когда довелось мне быть в Российской академии образования академиком-секретарём. По нашим понятиям, это должность неплохая, видная и завидная даже. Я сам поставил на ней точку, Достали. Как? Об этом скажу большой цитатой – текстом собственного выступления на Общем собрании нашей академии в мае 2004. Вот этот текст:

«За пятьдесят лет работы в системе АПН СССР – РАО я в первый раз переживаю такие нечистые выборы. Со страшной силой в члены-корреспонденты навязывается кандидатура заместителя президента по административно-хозяйственной части Б.П.Мартиросяна. Никогда не было, чтобы один и тот же текст представления подписывала целая группа членов академии, даже не состоящих в отделении, по которому проходит представляемый. Кстати, двое из них потом пошли снимать свои подписи. Одну из них вытягивали уже после того, как прием документов для простого люда – докторов и профессоров – был официально закончен. Место под эту подпись было подготовлено заранее. Про самого кандидата могу только сказать, что, будучи проведен в члены Президиума РАО в 2002 году и присутствуя на всех его заседаниях, за полтора года он не проронил ни единого слова ни по одному из обсуждавшихся научных вопросов.

Возник этот казус не на пустом месте. Он продолжает линию на обезличивание академии, подчинение её единоличному правлению. Люди ценятся не по их научным и человеческим качествам, а по личной преданности начальству. Нет больше в руководстве бывших академиком-секретарей: ученого мировой известности И.В.Бестужева-Лады, заслуженного деятеля науки РФ А.М.Новикова. Нет Э.А.Манушина. Поводы к их отстранению были разными, но конец один.

В то же время предпринималась попытка представить к правительственной награде «За заслуги перед отечеством» человека, осужденного за взяточничество и впоследствии амнистированного (не оправданного и не реабилитированного)*.

Вакансии стали разменной монетой за услуги, оказываемые президенту. Когда определялись вакансии для Мартиросяна и еще одного ставленника президента (по названиям их диссертаций), никто с Отделением философии образования и теоретической педагогики не советовался. Меня даже не поставили в известность о такой напасти. Вообще я фактически отстранен от дел. Нет прав, но остались обязанности в основном по части бумаг для ученого секретаря. Как не вспомнить с мягкой улыбкой обещания, которые щедро раздавал наш нынешний президент, когда шел к власти в 1997 году. Если кто не помнит, были обещаны борьба за демократизм, коллегиальность и искоренение коррупции.

Эти обстоятельства, а также несогласие с проводимым президентом консервативным курсом в науке и практике, фактически курсом на демодернизацию, делают невозможным мое дальнейшее участие в руководстве РАО.

Поэтому по научно-организационным и моральным соображениям я отказываюсь от членства в Президиуме РАО и от должности академика-секретаря Отделения философии образования и теоретической педагогики. Я делаю это по собственному

нежеланию участвовать в делах, которые долго будут служить примером того, что происходит с научным сообществом, когда им руководят, исходя лишь из личных интересов».

Реакция зала, около трёхсот человек, не простых, а учёных – мёртвый штиль. Не похвалили и не поругали. Смахнули лишние мысли, как надоедливую муху.

Грустно жить на этом свете, господа.

ПОДБИВАЕМ ИТОГИ. Так говорят прагматики. Но у меня итог не вырисовывается. Жалко, конечно, что мало пожил. Но сколько ни жить, а кончать представление всё равно надо. Но в том фишка, что оно не хочет кончаться. Светлой памяти мой ушедший из жизни друг Алексей Иванович Пискунов в разгар очередного инфаркта, который оказался последним, вдруг рассмеялся в лицо жене, склонившейся над носилками. "Ты что, Алёша?" "А если бы это случилось месяц назад, Мартиросян прошёл бы в члены-корреспонденты". Жаль Алексея. Но утешает, что не увидел он конца академии, когда давшего обет молчания по поводу научных проблем сделали действительным членом РАО на "выборах" 23 декабря 2008-го. Искажение нравственных координат может привести только к пропасти. Это "избрание" оказалось знаковым, помечающим жирную веху на пути к ней. Прошу прощения за несоразмерное, хотя и наглядное, сравнение, но подобным образом для немцев Сталинград стал рубежом, за которым всё покатило вниз с нарастающей скоростью.

***

ДРУГОМУ КАК ПОНЯТЬ ТЕБЯ?

Отчего с годами спится всё хуже?

Максим Горький вспоминает о лёгкой неприятности, столь привычной для русских писателей всех эпох – обыске в его квартире. Во время процедуры он уныло думал о том, как объяснить жандармам смысл стихов, написанных в минуту расслабленной задумчивости: "Не упрекайте лососину за то, что гложет лось осину". Не жандармского ума это дело. Что я мог сказать, когда завхоз, претендующий на все мыслимые в академии степени и звания, спросил меня с открытой душой: "За что вы меня так не любите?". Я сказал как есть: "Не о любви речь. Я ничего против вас не имею. Я только против того, чтобы вы становились академиком". Неубедительно и обидно. Звание, с той, другой, точки зрения, автоматически прилагается к должности, а возражать против этого может только злобный ненавистник. Что для такого звания недостаточно выстроить личные отношения с начальством, а нужно ещё соответствовать какому-то научному уровню, в такую голову прийти не может.

Смешное убеждение, что с обретением звания человек становится умнее, не оставляет многих наших сограждан, в том числе и бывших.

Пришлось мне не так давно побывать в одной из бывших советских среднеазиатских республик. Выступал перед университетскими преподавателями с разговором о педагогике. Но разные были там специалисты, и среди разнообразных вопросов был один по экономике. Я, конечно, отослал вопрошающего к профессионалам, поскольку вопрос был не по моей части.

Вечером был небольшой фуршет. И там одна аспирантка сказала, что я присутствующих удивил: "У нас, если кто кандидатскую защитит, ни за что не признается, что чего-то не знает".

Но вернемся к родным пенатам. Однажды докладывал я о ходе работы по модернизации образования. Плавное течение доклада прервал председательствующий, сидящий высоко на чиновной пирамиде. Он поправил выступавшего, который сказал, что в академии некоторые сотрудники начали такую работу ещё в начале 1970-х. "Но приказ министра помечен 2002 годом!". Чиновная мысль не допускает возможности слова и дела без приказа.

Инициатива наказуема. Это не шутка. Вот пример, который мог бы претендовать на хрестоматийность.

В июле 2006 г. прокурор города Эссентуки Николай Соградов оштрафовал на 500 рублей каждого из директоров санаториев и руководителей фирм, вывесивших на их территориях флаг РФ без указания на то начальства.

"Я начальник, ты...". Был микроскопический, но показательный случай, когда начальник "завернул" мне заявление, в котором, как положено по правилам, слово "заявление" было написано со строчной, а не прописной буквы. Это ему было непривычно, а правило – незнакомо. Никакие пояснения эту позицию пробить не смогли.

Меньше знаешь – крепче спишь. Больше знаешь - получишь бессонницу.

ТАПОЧКИ ДЛЯ КОРОЛЯ. Теперь, дорогой читатель, мы вплотную подошли к концу нашего собеседования об извилинах и загогулинах пути, по которому мы с тобой обречены брести, бежать и передвигаться прыжками. И всё-таки это ещё не конец. А ведь совсем было собрался закругляться со своими записками. Но нет, оказалось, что жизнь, пока тлеет, может вспыхнуть синим пламенем в любой момент. И требует своего отображения. Если уж взялся за дело, нельзя уйти, не запечатлев капризы и фокусы этой проказницы. Поначалу показалось, что в моей безалаберно структурированной повести этот рассказ можно было бы вывести за её границы, *post scriptum*. Потому что речь пойдёт не о прошлом, а о днях самых последних и даже ещё не прошедших. На самом деле за пределы моего повествования происшествие не выпадает, а, напротив, врезается в узоры на песке, несущие на себе отпечаток быстротекущей жизни. Всё-таки не *post scriptum*.

Это – о медицине, которую непредсказуемым и страшноватым образом подложила мне судьба между четвёртой и вот этой, пятой, версиями рассказа о себе и не о себе. По обстоятельствам, черновик этих записок пришлось писать ручкой, а не привычной компьютерной клавиатурой. Эти обстоятельства – больничные, по-своему поучительны и заслуживают неторопливого дискурса с заботливо выписанными деталями, в которых, как известно, прячется дьявол.

Дело было совсем недавно, в октябре 2009. Однажды ночью, одной из самых ужасных в жизни, «Скорая помощь» перенесла меня недалеко в пространстве, но, как оказалось, очень далеко во времени в уездную лечебницу примерно XVII века. Такая вот машина времени.

Вообще-то медицинское заведение, расположенное неподалеку от моего дома, называется больницей. Однако это не более чем парадокс времени, один из тех, о которых так любят поговорить писатели-фантасты и физики-теоретики.

Представьте себя, не дай Бог, с инфарктом, попавшим в реанимационную («оживленческую») комнату, где по идее вам должны помочь зацепиться за вашу, в сущности, никчемную, жизнь. О никчемности вам дают понять сразу.

Дверь в комнату закрыта, лекари – в другом месте. Позвать их можно либо воплем (не поощряется), либо стуком ложки о чашку. Этот последний способ, как мне сказал врач, лучше всякой там вашей электрической сигнализации. Сигнализация была (ещё один парадокс времени), но ныне отключена, по-видимому, по требованию среднего медперсонала, чтобы «сестриц» звонками не беспокоили.

Шрам средневекового менталитета багровеет на лице медперсонала. Это также и след пережитых моим поколением ксенофобии, дефицитов и очередей – учителей школы ненависти. В помещении витает густой дух недружелюбия. Сёстры «милосердия» считают недостойной слабостью помощь людям, сочувствие немощным. Всякий раз подчёркивают своё верховенство, чтобы не сомневались, кто в доме хозяин. Чистый происходит эксперимент насчёт того, что можно себе позволить в замкнутом пространстве реанимационной комнаты, куда не проникают

друзья и родственники несчастных.

Обращение с пациентами революционно-пролетарское, на ты. Изредка проскальзывает буржуазное вы. Но это недоразумение, сбой в системе. В целом – как у Пушкина: «Пустое вы сердечным ты она, обмолвись, заменила». Только здесь это не обмолвка, и ты – не сердечное. А дальнейший пушкинский текст – «И все счастливые мечты в душе влюбленной возбудила» – совсем не по делу.

Стиль общения – скандал. Разговор – глумливый. Пациент всегда виноват. Церемониться не стоит. А что в кардиологической реанимации резкое слово – как пуля, нас не касается... Отвести душу на попавших к тебе – святое дело. На начальстве не получится, а здесь сами – начальство. Есть, конечно, исключения, редкие, как им и положено.

Обнажим головы перед стойкостью оставшихся в живых.

Диалоги в реанимации

Нужна конкретность? Пожалуйста.

Неприятность ожидала меня с самого начала. Приходилось вставать босиком на холодный мраморный пол (обувь отобрали). Прошу на время выдать тапочки или коврик. Следует сцена, похожая на эпизод из «Оливера Твиста» – Oliver asks for more («Оливер просит прибавки») – только сцена эта не немая. Возмущению нет предела: «Тапочки ему!!! Король какой нашёлся!». Вопрос решился на уровне заведующего отделением. Ни ковра, ни тапочек не нашлось. Пригодились брошенные завом на пол подгузники для взрослых. Персонал не сразу поверил, что заведующий лично(!) занимался проблемой.

Разговоры с медсёстрами

Любое обращение к ним – оскорбление:

– Что случилось?

– Что ещё?

***

– Что кричишь, что кричишь?

– А как иначе вас вызвать, если сигнализацию вы отключили?

***

– Руку, руку давай, говорю!

***

– Не кричите на меня. На меня ещё никто так не кричал. Я научный сотрудник.

– Сотру-у-у-дник! У нас все равны.

– Ну вот, опять в Советском Союзе. Приехали.

– Советского Союза давно нет, чтобы ты знал.

***

Ветеран Отечественной войны, возраст 85 лет, диагноз – инфаркт:

– Что на меня кричишь? Я больной.

Медсестра:

– А я нищая. Во время войны ранят кого – сделают перевязку и опять в бой. А теперь как пёрнут, скорую помощь вызывают, в больницу заваливаются.

***

– Эту таблетку при мне пейте, чтобы я видела.

– Я сам же просил это лекарство, зачем мне обманывать? А если бы захотел, всё равно обманул бы.

– Ну, сами себя обманули бы. Для вашего же здоровья...

***

Общий железный аргумент, произносится автоматически:

– Вы (ты) у меня не один, ещё 6 (9 или 13).

Разговоры с врачами

Не хватает слов изобразить изумление медперсонала, когда бревно, неподвижно лежащее в ожидании обработки, вдруг заговорило:

– Послушайте меня!

– Я не могу вас слушать. Я же на работе.

***

Оскорбление в форме комплимента:

– Вы взрослый, умный человек (в том смысле, что «... а ерунду несёте»).

***

После четырёх дней в реанимации перевели «в палату», пятиместную. Здесь ближе к современности, но всё ещё Советский Союз. И здесь медперсоналу пациенты мешают работать, но это – по умолчанию. Отсюда меня вывезли в XXI век – в реабилитационный центр, платный, разумеется. Тапочки там теряют ауру царской роскоши.

P.S. Глубока русская мудрость! Правильно говорят: не зарекайся... Вы, наверное, будете смеяться, но только я дописал пятую версию этих заметок, как опять попал в больницу, правда, другую, и опять в реанимацию. Однократное воскресение народы празднуют третье тысячелетие, а я неоднократно реанимировался, и вроде бы никто особенно не заметил. Ну да ладно. На новом месте ничего нового. Тот же стиль, та же поговорка: вы у меня не один. Смысл её постигается путём обращения к восточной мудрости. Султан говорит: «Хорошо иметь много жён. Первой сказал, что пошёл ко второй, второй – что к третьей, потом – что пошёл к двадцатой, etc. А сам пошёл спать».

Затем – чудесное спасение в следующей больнице, принадлежащей двадцать первому веку. И вот я опять у компьютера, повествую о произошедшем.

Больница муниципальная,
Замусоленная и засаленная.
Там ждут пациентов кротких
Человекообразные тётки,
Язвят языками острыми.
Зовут почему-то их сёстрами.
У них ты не стой на пути –
Ноги б скорей унести.

***

Несмотря ни на что, жизнь не кончается. И упорядочить её не удаётся, ни в реальности, ни в рукописи. В моих узорах нет системы. Нет хронологической последовательности. Приходится существовать сразу и в настоящем, и в прошлом, и в будущем. Говорят умные люди, что вселенная существует сразу в этих трёх плоскостях, и иногда случаются прорывы то в будущее, то в прошлое. Как обстоит дело по науке, не знаю, в таких вопросах не специалист, а по жизни так и есть.

Здесь в рассказе о себе окончательно поставлю точку, но о том, как вписывается то, о чём шла речь, в широкий контекст, будет сказано в последнем разделе – приложении, которое можно считать чем-то вроде альманаха окружающих меня и, как сказал бы психолог, личностно значимых для меня текстов.

ПРИЛОЖЕНИЕ: КОНТЕКСТ

Всё сущее являет себя в контексте, иногда системном, иногда вроде бы несистемном – в виде просто охапки фактов и мнений. Но это значит только, что систему не разглядели. Человек упирается в социальный контекст головой, локтями и обеими ногами. Контекст прорисовывается в каждой строке этих записок. Теперь же попробуем дать контекст в чистом виде, не связывая его с судьбой конкретного муравья, рассказывающего о себе. Муравей – существо контекстное (говорят ещё "социальное"). Сам по себе, как индивид, он – не жилец, ни в узком, ни в широком смысле. Ни в муравейнике, ни вообще на свете.

Муравей, склонный к самостоятельности, сам создаёт малый контекст внутри большого. Это то, что он сочиняет – литература, музыка, живопись, наука. Потом всё это становится частью большого контекста.

Весь контекст изобразить невозможно. В пределах возможного лежат лишь маркеры, по которым угадываются контуры большого контекста. По ним можно судить об очертаниях самой муравьиной фигуры. В контексте сама фигура не присутствует. В нём лишь проступают контуры индивида, очерченные тем, что его окружает. В нашем повествовании контекст дополняет и объясняет индивидуальную траекторию представлением о местности, по которой ползёт муравей, впитывая и отраву, и противоядие.

Чтобы не взлететь слишком высоко к вершинам абстракций, приземлимся на поле, засеянном мудрецами и глупцами, праведниками и подлецами многих времён и народов, не уходя, однако, далеко от того, что описано выше. Это поле засеяно словами и цитатами. Некоторые принадлежат самому муравью. Но они не о нём, а о том, что вокруг. О нём – то, что вы здесь уже прочли. За контекстом далеко ходить не надо, достаточно всмотреться и вдуматься в окружающий мир или протянуть руку к книжной полке.

Требуется духовное, не только умственное усилие, чтобы по разнородным и разновременным маркерам угадать в пространстве целостный текст – контекст. То есть в сумбуре почуять музыку. Причём делать это самому – тот случай, когда помочь невозможно и некому.

И последнее. Контекст занимает здесь большое место. Он завершает мой сбивчивый рассказ, потому что только с позиций последней, пятой жизни можно обозреть и представить его в целом. Остальное – в моих статьях и книгах, особенно в последней – как ни странно это выглядит – книге стихов "Вниз по лестнице. 60 лет стихо-творения. СПб., 2008".

Sapienti sat!

Итак, маркеры

У нас в подъезде безобразий тьма:
Разбили лампочки, и месяц нету света.
На стенах мат, а в лифте вонь одна.
Америка ответит нам за это!

***

Зачем раздражать народ, вспоминать то, что уже прошло? Прошло? Что прошло? Разве может пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лечить, но то, что боимся назвать и по имени. Разве может пройти жестокая болезнь только от того, что мы говорим, что прошло. Оно и не проходит и не пройдет никогда, и не может пройти, пока мы не признаем себя больными. Для того чтобы излечить болезнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не делаем. Не только не делаем, но все усилия наши употребляем на то, чтобы не видеть, не называть ее. Болезнь и не проходит, а только видоизменяется, въедается глубже в плоть, в кровь, в кости, в мозг костей...

Мы говорим: зачем поминать?.. Как зачем поминать? Если у меня была лихая болезнь или опасная, и я излечился или избавился от нее, я всегда с радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болею и все так же болею, еще хуже, и мне хочется обмануть себя. И мы не поминаем только оттого, что мы знаем, что мы больны все так же, и нам хочется обмануть себя...

(Л.Н.Толстой. Николай Палкин /Собр. соч. в 22 тт. Т. 17. М., "Художественная литература", 1984).

***

Президент Российской академии образования Н.Д.Никандров о национальной идее:

«В самое последнее время делаются попытки, часто даже не вполне осознанные, отойти от вестернизации в пользу более сбалансированной оценки. Речь идет о том, чтобы использовать научно-технические и подлинные культурные достижения Запада (как и всего цивилизованного мира), не возвращаться к жестким идеологическим запретам прежних времен в «репертуарной политике», но все же найти свой, российский стратегический путь, свои главные ценностные ориентации, свою национальную идею. С этих позиций формула С.С.Уварова «православие – самодержавие – народность» представляется хорошей основой. Хотя автор этой концепции, выдвигая ее, ссылаясь на «монаршую волю», на самом деле это была своевременная и (на мой взгляд) удачная попытка кратко и емко выразить то, что веками вызревало в российском социуме. Подчеркивались: 1) особая, ни с чем не сравнимая роль православия в жизни россиян; 2) представления о единой, неделимой и любимой стране-родине, цементирующей монархом-самодержцем; 3) определенное единство всего народа при безусловно признаваемых и весьма больших различиях в сословном статусе, материальном благосостоянии, уровне образования и культуры.

Прошедшие сто семьдесят лет делают необходимой определенную, но не принципиальную ревизию формулы С.С.Уварова».

(Н.Д. Никандров. Формирование личности молодого человека в школе и вузе: ценностный подход// Формирование личности молодого человека в школе и вузе (материалы научно-практической конференции) – Владивосток, 2000, с. 13).

***

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

Руководитель авторского коллектива - Громыко Юрий Вячеславович
Участники коллектива - Алексеев Н.Г., Бабух Л.В., Крупнов Ю.В., Рубцов В.В., Слободчиков В.И.

Авторы выражают признательность Давыдову В.В., Курнешовой Л.Е. за рецензии, критику и комментарий текста.

Создание концептуального проекта осуществлено на основе гранта регионально-общественного фонда поддержки исследовательских и образовательных программ.

(фрагменты)

«...Заражение России крайними вариантами либеральных химер, разъедающих ткань государственности подобно моли, чревато уничтожением национальной

системы образования под прикрытием идеологии всеобщих свобод личности...

...Один из важнейших вопросов доктрины образования – это вопрос миссии работников образования. Без определения этой миссии структуризация всей совокупности работников образования в единую сплоченную социальную группу невозможна. С другой стороны, миссия работников образования находится в тесной зависимости от национальной доктрины и целей развития России. Существует точка зрения, и она тоже должна быть учтена с самого начала – что обсуждать национальные цели России, не программируя основных мировых проблем 21 века – III тысячелетия и особой миссии (или более скромно – роли) России в решении этих проблем, бессмысленно. В противном случае Россия окажется заперта в узкий горизонт своих узкоместных коммунальных вопросов и изолирована от проблем мирового развития. Итак, мы считаем, что цели развития российской системы образования, прежде всего, связаны с предложением России всему миру проекта мирового развития, принципов национальной безопасности, целей развития российской государственности, военной доктрины России, внешнеполитической концепции существования российского государства. Простраивание данного концептуального корпуса представлений только и может определить доктринальный взгляд на Российское образование.

Национальная доктрина и цели развития России представляют совершенно особую проблему, которая к настоящему моменту до сих пор является неразработанной. Для того чтобы предъявить ее в полном объеме первоначально должна быть создана Национальная декларация. Вместе с тем мы глубоко убеждены, что жить в России, не имея целей мирового уровня и при этом оставаясь россиянином невозможно. Обозначим подобный вариант целей, хорошо понимая, что его разработка требует совершенно другого времени и отдельных концептуальных результатов. Российские цели мирового уровня отнюдь не означают продвижение и развитие России в изоляции от всего остального мира. Более того, может быть основной черта именно российского сознания и состоит в интересе ко всему, что происходит в любой точке земного шара. Традиционное российское мышление является глобально-позиционным и всегда было таковым. Это означает, что для российского сознания необходимо знать, что происходит в каждой точке земного шара, но на выявляемую проблематику общественного развития давать собственные ответы из своей собственной позиции. Поэтому национальная доктрина и цели развития России являются ни чем иным как предложением России всему миру проекта мирового развития. Этот проект достаточно понятен и представляет собой решение следующих шести проблем:

1) создание новых промышленных, агропищевых и оздоровительных технологий на основе термоядерной энергии, лазеров и биофотоники;

2) технологически сопряженное освоение Марса, дна мирового океана, с одной стороны, и на основе развития космической промышленности освоение форм жизни в Сибири и на Дальнем Востоке, с другой, прежде всего за счет построения новых форм связи, транспортных и агрохозяйственных инфраструктур (колонизация Марса как реколонизация Сибири);

3) восстановление проекта "формы государственности, основанные на восточном христианстве в современном мире" с восстановлением правды о гибели царской семьи и всеинституциональным покаянием;

4) построение федеративной архитектоники России и полинационального общиножития с русским народом в центре как фундаментом во взаимодействии и взаимосвязях разных наций;

5) создание новых финансовых технологий, обеспечивающих разработку и реализацию долгосрочных инвестиционных проектов, построение евроазиатского

банка развития, создание новых технологий энергетической сметности производственных затрат;

б) осуществление своеобразной антропологической "революции" – преодоление наиболее культивируемых воинственно-атеистической, позитивистской, технократической форм сознания – "выращивание" внутри системы образования многоуровневого, многоплоскостного сознания, прочно связанной с традицией платонизма и патристики, православного христианства, российской науки методологической формы организации сознания.

С этой точки зрения создаваемая национальная доктрина образования должна обеспечить реализацию всех этих вышеперечисленных проектных идей на основе образования....

...Важнейшими принципами национальной доктрины развития образования, превращающими ее в концептуальный документ, определяющий условия сохранения общественной и государственной безопасности, являются положения:

– обеспечения постоянного наращивания уровня и качества получаемого образования всем населением России, фиксируемого на основе соответствующих стандартов;

– обязательного воспроизводства образовательных результатов, достигнутых в советский период в области физико-математической подготовки в средней и высшей школах;

– сохранения психолого-педагогических школ, разрабатывающих структуру и содержание образования будущего;

– сохранения в системе вузовской науки научных школ, занимающих приоритетные позиции в мировой науке, в том числе в гуманитарных областях (история философии, филология, логика, психология и т.п.);

– поддержка научных групп, работающих над проблемой комплексной соорганизации систем научно-технического и гуманитарного мышлений;

– трансляции и воспроизводства в системе исторического образования правды о ключевой роли России в ряде важнейших событий XX века и всей мировой истории (победа в Великой Отечественной войне, первый в мире полет в космос);

– постоянного неуклонного улучшения качества освоения русского языка во всех школах России, в том числе работающих по мультилингвистическим программам, в национальных центрах;

– получение высококачественного минимума обязательной начальной технологической подготовки, включающей умение пользоваться компьютером;

– сохранение условий получения качественного образования русскоязычными общинами в ближнем зарубежье.

Перечисленные положения, безусловно, должны входить в компетенцию органов Федеральной службы безопасности. То, что эти принципы, долгосрочно определяющие построение или разрушение национального субъекта, не интересуют специалистов по разведке, контрразведке и безопасности является курьезом, свидетельствующим об удивительной недалекости, объяснимой только жизнью специалистов этих органов, существовавших в недалеком прошлом в структуре полицейско-идеологического государства, где охрана образования является важнейшей функцией идеологических органов. Через 10 лет продукты разваливающегося нищего образования уничтожат хиреющие государственные структуры.

– Фетиш псевдодемократии и либеральных химер уничтожает даже инстинкт самосохранения!»

***

14 октября 2009 г. секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев в

интервью газете «Известия» сообщил о том, что в новой российской военной доктрине предусматривается возможность нанесения нашими Вооруженными силами превентивного ядерного удара по агрессору или террористам: «скорректированы условия использования ядерного оружия при отражении агрессии с применением обычных средств поражения не только в крупномасштабной, но и в региональной и даже в локальной войне. Кроме того, предусматривается вариантность возможности применения ядерного оружия в зависимости от условий обстановки и намерений вероятного противника. В критических для национальной безопасности ситуациях не исключается нанесение в том числе упреждающего (превентивного) ядерного удара по агрессору».

Из выступления перед учителями редактора учебника для 11 класса профессора Л.Полякова: «Мне хочется сравнить вас, учителей обществознания, с теми, кто привинчивает куклам головы. Именно вы привинчиваете головы с определенным содержанием».

***

У нас совершается настоящий переворот в национальной мысли, страстная реакция против просвещения, против идей Запада, — против того просвещения и тех идей, которые сделали нас тем, что мы есть. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носитя со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы... Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной.

Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем.

П.Я.Чаадаев, 1836-1837 гг.

***

Из утопической повести Владимира Сорокина «День Опричника»
(М., 2008)

Звонит-кнутобоит прима Козлова:

— Андрей Данилович, я собрала деньги.

Это хорошо. Договариваюсь, пересекаюсь возле Народной библиотеки, забираю кожаный кошель, набитый червонцами первой чеканки. Сойдет и первая.

Еду по Моховой.

Глядь, напротив Университета старого кого-то сечь собираются. Интересно. Притормаживаю, подруливаю. На этом месте секут интеллигенцию. На Манежной, подалее, положено земских сечь, на Лобном — приказных. Стрельцы сами себя секут в гарнизонах. А прочую сволочь парят на Смоленской, Миусской, на Можайском тракте и в Ясеневе на рынке.

Подъехав, опускаю стекло, закуриваю. Народ расступается, чтоб мне виднее было: уважают нас, опричников. На помосте деревянном стоит Шка Иванов —

известный палач московской интеллигенции. Здесь он постоянно сечет по понедельникам. Народ его знает и уважает. Шка Иванов здоров, белокож, широк в груди, приземист, кучеряв и в круглых очках. Зычным голосом зачитывает Шка приговор. Слушаю вполуха, поглядываю на народ. Понимаю только, что сечь положено какого-то подьячего Данилкова из Словесной Палаты за «преступную халатность». Что-то важное он не так переписал, напутал, а потом скрыл. Вокруг интеллигентный народ толпится, много студентов, гимназисток. Сворачивает Шка приговор, прячет в карман, свистит. Появляется подручный Шка Иванова — Мишаня Кавычки. Высокий, узкоплечий, бритоголовый дылда с извечно глумливым выражением лица. Прозван так за то, что все говорит как бы в кавычках и после каждого слова двумя руками возле головы своей кавычки изображает, становясь в сей момент зело на зайца русака похожим. Выводит Мишаня на цепи наказуемого Данилкова: обыкновенный подьячий с длинным носом. Крестится он, бормочет что-то.

Мишаня к нему громко обращается:

— Сейчас, земляк, мы тебя выпарим!

И сразу — кавычки пальцами делает.

— Выпарим так, что тебе станет похорошо!

И снова — кавычки. Хохочет народ, аплодирует. Студенты подсвистывают.

Хватают палачи подьячего, привязывают. Шка усмехается:

— Ложись, ложись, ебанный компот!

Палачам и армейским старшинам в России ругаться по-матерному разрешено. Сделал Государь наш для них исключение ввиду тяжелой профессии.

Привязан Данилков, садится Мишаня ему на ноги, спускает штаны. Жопа, судя по шрамам, уж сечена не раз у подьячего. Стало быть, не впервой Данилкову париться. Свистят студенты, улюлюкают.

— Вот так, земляк, — говорит Мишаня. — Изящная словесность — это тебе не мотоцикл!

Размахивается Шка кнутовищем и начинает сечь. Да так, что засмотришься. Знает свое дело палач, любит. Уважение народное ладной работой своей вызывает. Гуляет кнут по жопе подьячий: сперва слева, потом справа. Аккуратная решетка на жопе образуется. Визжит и воет Данилков, багровеет длинный нос его.

Но — пора в путь. Бросаю окурочку нищему, сворачиваю на Тверскую, еду дальше. Путь мой лежит к концертному залу на Страстном бульваре. Там уж к концу подходит выступление звезды. Подъезжаю, связываюсь с «добромольцами», уточняю детали. Все у них вроде бы готово. Ставлю машину, прохожу со служебного входа. Встречает меня шестерка от «добромольцев», проводит в зал. Сажусь в четвертом ряду с краю.
(с. 145-147)

***

«У всякого живого существа на нашей планете есть Враги. Наличие врагов определяет существо жизни. ...Жить — это значит бороться с врагами» [с.10]. «При определении биологической стороны Врага Русизм опирается на расовую теорию...»[с. 11]. Идеологические признаки врагов: «недисциплинированность, страсть к спору, крайний индивидуализм, нежелание подчиняться, отрицание борьбы, мужеложство, желание смешивать свою кровь с чужими» [с. 11]. «... Мы, русские, призваны Богом сыграть особую, исцеляющую роль для человечества» [с. 9]. «Народный национализм говорит: Все по своим домам! Негры в Африку! Турки на Аму-Дарью! Евреи в пустыню Гоби!» [с. 9].

Из программы Русской Национальной Партии: «1) Россия... является Национальным государством русских при отеческом отношении к национальным

меньшинствам, проживающим в местах своего исторического обитания... 6) Российские официальные лица должны быть русскими по крови и православного вероисповедания...28) Православие является государственной религией» [с. 41-42]. О символике: «История нашего народа за последние 100 лет сильно загрязнила нашу кровь. Поэтому белые рубашки означают наше стремление к очищению русской крови» [с. 37].

(Основы Русизма. М. ООО «Фэри-В». – 2001)

***

«Российское национально-трудовое государство, как государство фашистское, есть корпоративное государство. Через корпоративную систему на деле достигается единство всех членов российской нации, как политическое, так и экономическое...» [с. 425]. «Все главнейшие руководящие посты государства, общества, хозяйства и культуры должны быть заняты российскими фашистами, носителями российской национальной идеи, партийная организация должна пропитать всю государственную организацию» [с.435]. «Православной религии, как вере большинства русского народа и главнейшей создательнице нашей духовной культуры, будет оказываться всяческая помощь и поддержка...» [с. 437]. «Только фашистское разрешение еврейского вопроса может быть принято русским народом» [с.427].

Из книги: Константин Родзаевский. Завещание русского фашиста. М., 2001*

***

Из письма лауреата Нобелевской премии, академика Ивана Петровича Павлова, направленного в декабре 1934 года правительству СССР:

«Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы, — террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему?»

***

Из записки председателя КГБ Серова ЦК ВКП (б) 20 декабря 1957 года о Нобелевском лауреате Льве Давидовиче Ландау:

КГБ «располагает сообщениями многих агентов из его окружения и данными оперативной техники», что Ландау называет систему, установленную после октября 1917 года, «фашистской», а руководителей государства — «преступниками». 30 ноября 1956 года во время венгерских событий Ландау, характеризуя руководство государством, говорил: «Ну, как можно верить этому? Кому, палачам верить? Вообще это позорно... Палачи же, гнусные палачи».

В разговоре с харьковским ученым Лифшицем Ландау говорил, что с октября 1917 года «формировалось фашистское государство... Это была идея создания фашистского государства». 12 января 1957 года в беседе со своим коллегой Шальниковым Ландау сказал: «Наша система «совершенно определенно есть фашистская система, и она такой осталась, и измениться так просто не может». В беседе с ученым Мейманом Ландау заявил: «То, что Ленин был первым фашистом, — это ясно».

***

"... недавно Светлане Бахминой, юристу ЮКОСа, повторно отказали условно-досрочном освобождении. Светлана отсидела четыре года в мордовской колонии, это больше половины срока, который она получила по 160 и 198 статьям УК РФ. Дома у нее остались два мальчика: семилетний Федя и одиннадцатилетний Гриша. Сейчас Светлана беременна, на седьмом месяце. Обычно, даже наш, не всегда самый гуманный суд, в таких случаях соглашается на условно-досрочное освобождение или дает отсрочку исполнения приговора до достижения детьми совершеннолетия. В этот раз что-то сломалось. Разум, совесть, милосердие толи натолкнулись на сакральность «дела ЮКОСа», толи просто эти понятия — нечастые гости в Zubovo-Polyanskом суде Мордовии" (Из обращения к Президенту Российской Федерации, октябрь 2008 года).

Лидер партии "Наш выбор" Ирина Хакамада назвала процесс над Бахминой "показательным", по ее мнению — это демонстрация беспредельной жестокости и несправедливости. Депутат Алексей Кондауров заявил, что приговор Бахминой — это правовой абсурд, тем более что потерпевшая сторона, "Томскнефть", заявила, что не имеет претензий к подсудимой.

У Марии Арбатовой претензии есть:

"... то, что все осужденные женщины плодятся в камерах, как крольчихи, феномен известный. Он облегчает условия отсидки... Поскольку наша конституция признает равные права мужчин и женщин, значит, женщины должны в полной мере нести ответственность за преступления, а не становиться юридическими инвалидами по причине беременности и родов".

***

Следователь, сбивший насмерть женщину в Москве, получил условный срок. Пьяный сотрудник СКП сбил пешехода на переходе, после чего попытался скрыться. Никулинский суд Москвы приговорил к двум годам лишения свободы условно следователя подмосковного управления СКП РФ Александра Маза, в пьяном виде совершившего наезд на женщину на пешеходном переходе. В результате 52-летняя пострадавшая скончалась на месте.

После ДТП Маз не остановился и уехал с места аварии, но его задержали очевидцы происшествия, сообщает журнал «За рулем».

Судья признал Маза виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения, повлекшее тяжкие последствия), передает «Интерфакс» со ссылкой на пресс-секретаря Мосгорсуда Анну Усачеву.

По ее словам, суд счел возможным назначить подсудимому условную меру наказания «с учетом мнения потерпевшей стороны и раскаяния подсудимого».

(«Аргументы и факты», 25 июля 2009)

***

Лев Толстой. Не могу молчать

«Семь смертных приговоров: два в Петербурге, один в Москве, два в Пензе, два в Риге. Четыре казни: две в Херсоне, одна в Вильне, одна в Одессе».

И это в каждой газете. И это продолжается не неделю, не месяц, не год, а годы. И происходит это в России, в той России, в которой народ считает всякого преступника несчастным и в которой до самого последнего времени по закону не было смертной казни. Помню, как гордился я этим когда-то перед европейцами, и вот второй, третий год непрерывающиеся казни, казни, казни....

...И делается не только это ужасное дело, но под тем же предлогом и с той же

хладнокровной жестокостью совершаются еще самые разнообразные мучительства и насилия по тюрьмам, крепостям, каторгам.

Это ужасно, но ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке, на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию ума, расчета, заглушающего чувство. Этим-то особенно ужасны эти дела. Ужасны тем, что ничто так ярко, как все эти дела, совершаемые от судьи до палача, людьми, которые не хотят их делать, ничто так ярко и явно не показывает всю губительность деспотизма для душ человеческих, власти одних людей над другими.

Возмутительно, когда один человек может отнять у другого его труд, деньги, корову, лошадь, может отнять даже его сына, дочь, – это возмутительно, но насколько возмутительнее то, что может один человек отнять у другого его душу, может заставить его сделать то, что губит его духовное "я", лишает его его духовного блага. А это самое делают те люди, которые устраивают всё это и спокойно, ради блага людей, заставляют людей, от судьи до палача, подкупам, угрозами, обманами совершать эти дела, наверное лишаящие их их истинного блага.

И в то время как всё это делается годами по всей России, главные виновники этих дел, те, по распоряжению которых это делается, те, кто мог бы остановить эти дела, – главные виновники этих дел в полной уверенности того, что эти дела – дела полезные и даже необходимые, – или придумывают и говорят речи о том, как надо мешать финляндцам жить так, как хотят этого финляндцы, а непременно заставить их жить так, как хотят этого несколько человек русских, или издают приказы о том, как в «армейских гусарских полках обшлага рукавов и воротники доломанов должны быть по цвету последних, а ментики, кому таковые присвоены, без выпушки вокруг рукавов над мехом»....

...То, что вы делаете, вы делаете не для народа, а для себя, для того, чтобы удержать то, по заблуждению вашему считаемое вами выгодным, а в сущности самое жалкое и гадкое положение, которое вы занимаете. Так и не говорите, что то, что вы делаете, вы делаете для народа: это неправда. Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных, личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете и которое вам кажется благом.

Но сколько вы ни говорите о том, что всё, что вы делаете, вы делаете для блага народа, люди всё больше и больше понимают вас и всё больше и больше презирают вас, и на ваши меры подавления и пресечения всё больше и больше смотрят не так, как бы вы хотели; как на действия какого-то высшего собирательного лица, правительства, а как на личные дурные дела отдельных недобрых себялюбцев....

...Знаю я, что все люди – люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди. Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством.

А не могу и не хочу, во-первых, потому, что людям этим, не видящим всей своей преступности, необходимо обличение, необходимо и для них самих, и для той толпы людей, которая под влиянием внешнего почета и восхваления этих людей одобряет их ужасные дела и даже старается подражать им. Во-вторых, не могу и не хочу больше бороться потому, что (откровенно признаюсь в этом) надеюсь, что мое обличение этих людей вызовет желательное мне извержение меня тем или иным путем из того круга людей, среди которого я живу и в котором я не могу не

чувствовать себя участником совершаемых вокруг меня преступлений....

...Люди-братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы делаете. Вспомните, кто вы.

Ведь вы прежде, чем быть палачами, генералами, прокурорами, судьями, премьерями, царями, прежде всего вы люди. Нынче выглянули на свет божий, завтра вас не будет. (Вам-то, палачам всякого разряда, вызывавшим и вызывающим к себе особенную ненависть, вам-то особенно надо помнить это.) Неужели вам, выглянувшем на этот один короткий миг на свет божий – ведь смерть, если вас и не убьют, всегда у всех нас за плечами, – неужели вам не видно в ваши светлые минуты, что ваше призвание в жизни не может быть в том, чтобы мучить, убивать людей, самим дрожать от страха быть убитыми, и лгать перед собою, перед людьми и перед богом, уверяя себя и людей, что, принимая участие в этих делах, вы делаете важное, великое дело для блага миллионов? Неужели вы сами не знаете, когда не опьянены обстановкой, лестью и привычными софизмами, – что всё это – слова, придуманные только для того, чтобы, делая самые дурные дела, можно было бы считать себя хорошим человеком? Вы не можете не знать того, что у вас, так же как у каждого из нас, есть только одно настоящее дело, включающее в себя все остальные дела, – то, чтобы прожить этот короткий промежуток данного нам времени в согласии с той волей, которая послала нас в этот мир, и в согласии с ней уйти из него. Воля же эта хочет только одного: любви людей к людям.

Вы же, что вы делаете? На что кладете свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребенок? Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей – это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь – это любовь человека к человеку, ко всякому человеку, как к сыну Божию и потому брату.

Кого же вы так любите? Никого. А кто вас любит? Никто.

Вас боятся, как боятся ката-палача или дикого зверя. Вам льстят, потому что в душе презирают вас и ненавидят – и как ненавидят! И вы это знаете и боитесь людей.

Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, додумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете. Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того Бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас.

31 мая 1908 г.

Ясная Поляна.

(Л.Н. Толстой, "Избранные произведения в трех томах" - М. "Художественная литература", 1989г., том 3, стр. 589-601)

ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

Как это так: «Не могу молчать»!?

А я даже очень могу.

Тем, кто пинает Историю вспять,

Всем, чем могу, помогу.

30 июля 2009 г.

Москва

***

22 июня из Отделения историко-филологических наук (ОИФН) Российской академии наук руководителям научных учреждений ОИФН РАН ушло письмо следующего содержания.

«Уважаемые коллеги!

В соответствии с протокольным решением бюро Отделения историко-филологических наук РАН «О задачах ОИФН РАН в связи с указом президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. № 549 о Комиссии при президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификаций истории в ущерб интересам России» просим вас представить в отделение информацию:

1. Аннотированный перечень историко-культурных фальсификаций в областях, соответствующих основным направлениям института (с указанием основных источников, авторов, формирующих и распространяющих фальсификацию; потенциальную опасность данной фальсификации интересам России; предварительных предложений по мерам научного опровержения фальсификации).

2. Информацию о деятельности ученых вашего института по разоблачению фальсификаций и историко-культурных концепций, наносящих ущерб интересам России.

3. Контактное лицо или список научных сотрудников для участия в работе Комиссии ОИФН РАН по анализу историко-культурных фальсификаций, наносящих ущерб интересам России (с телефонами и электронным адресом).

Информацию просим направить в Отделение историко-филологических наук РАН в срок до 1 июля 2009 г.

С уважением,

заместитель академика-секретаря
Отделения историко-филологических
наук РАН,

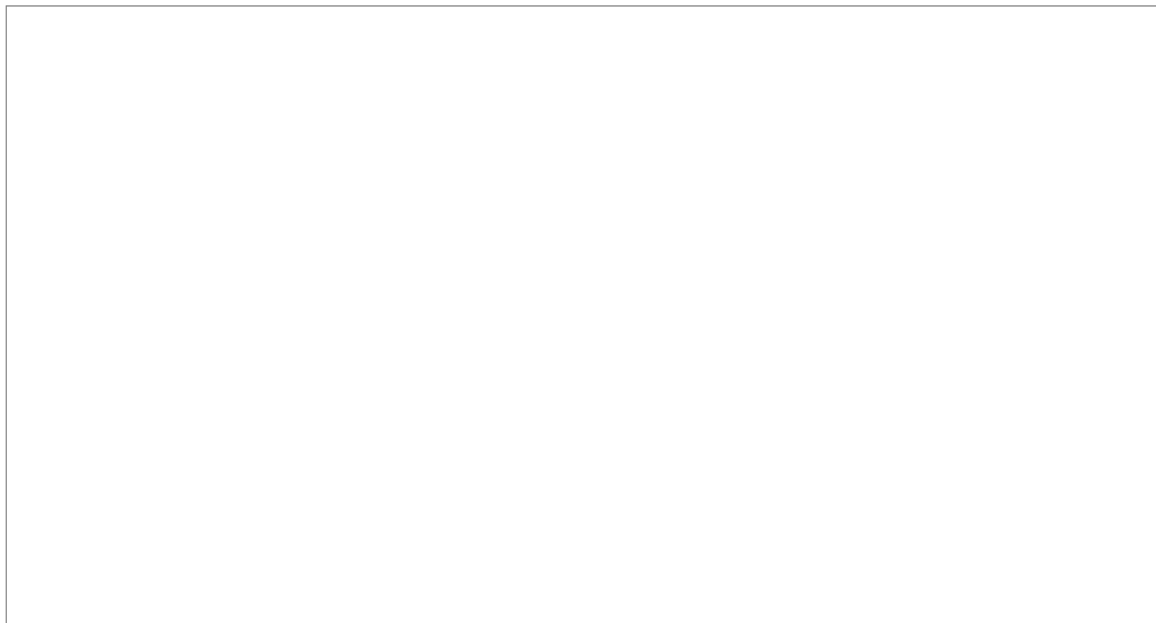
руководитель секции истории ОИФН
РАН, академик В.А. ТИШКОВ»

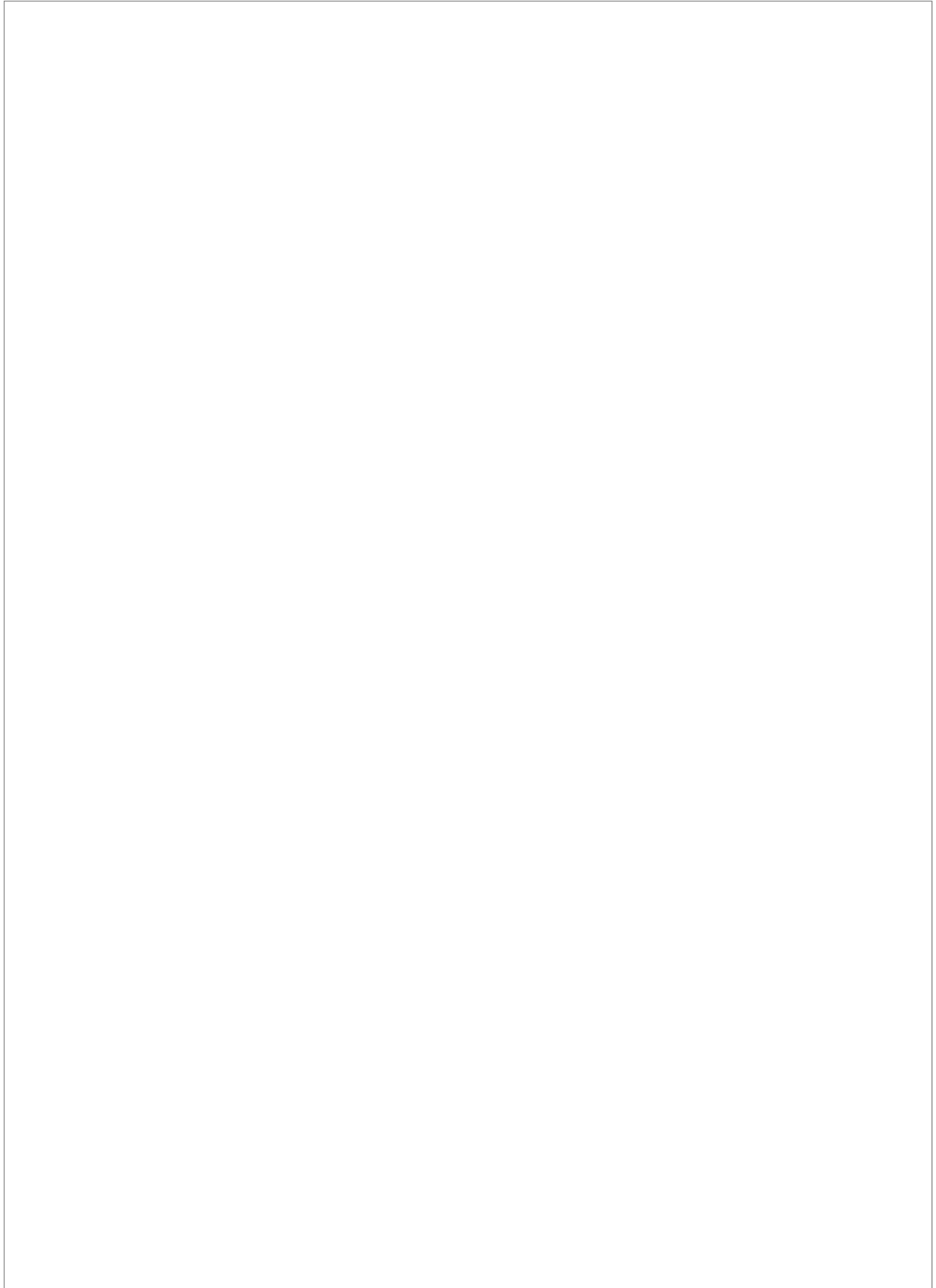
ПИСЬМО ПОЛУЧИЛИ:

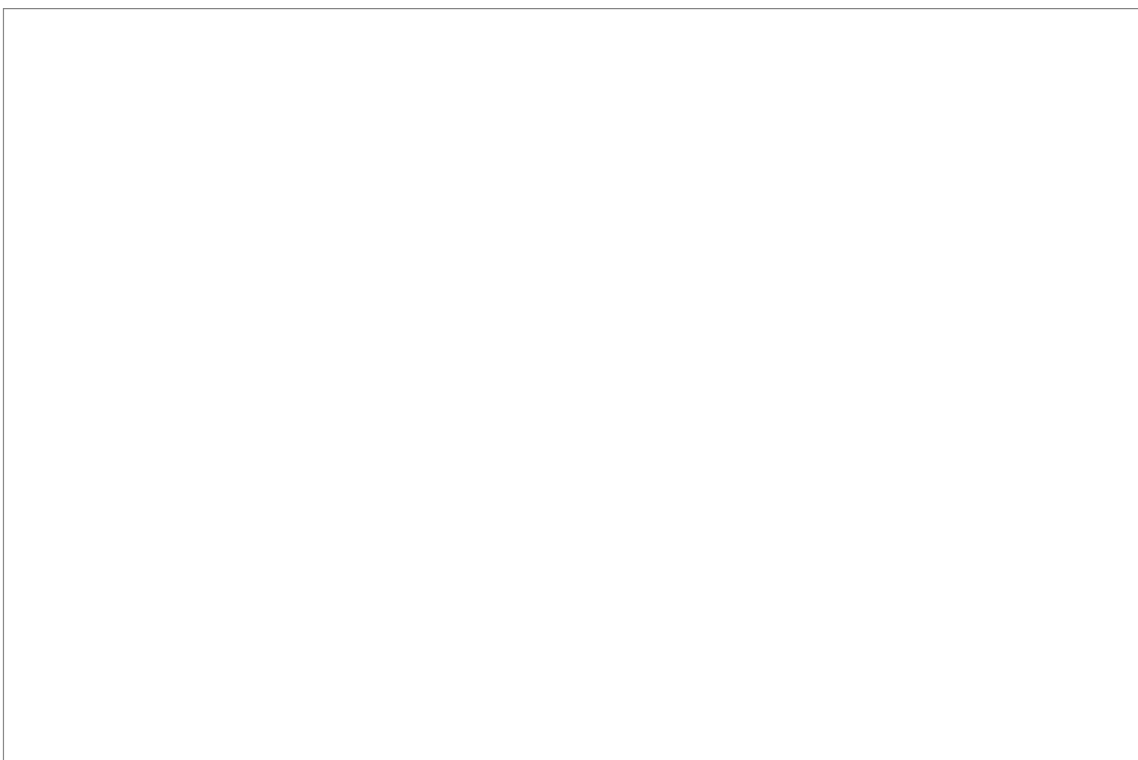
Институт археологии РАН, Институт востоковедения РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт российской истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Архив РАН.

***

***

***

Мудрость предков

«Сии шары то угловатые, то круглые будучи, поелику от воздуха и ветров больше или меньше соглажены, с ужасным визгом свирепствующих ветров, на грады и поля стремятся... Звери, пораженные сим необыкновенным ударом, которого избежать не могли, воют и режут, объята унынием и страхом. Люди на полях и стогнах, постигнутые градом, укрывают лицо свое, и оному противопоставляют твердый и не столь чувствительный свой хребет; но его свирепством часто низвергаются, а от ударяющих шаров, подобно как сражающиеся на битве от смертоносного свинца, повергаются на землю...

Таков есть Хулитель. Из очей его сверкает завистливый и снедающий огонь, а из свирепых челюстей исходит на врагов и на приятелей град, преисполненный поношений и ругательств. Они ударяют и разят жестоко, терзают и язвят, и нигде не можно от них укрыться. Но к щастию нашему, Хулитель опровергает через то купно и собственное свое благоденствие, и будучи попрач исчезает он, подобно граду, тающему на разженной земле.

Приводит в страх, разит и часто убивает;
Но чуть появится, сам скоро исчезает».

(«Свет зримый в лицах, или величие и многообразность зиждителей намерений, открывающихся в природе и во нравах, объясненные физическими и нравственными изображениями, украшенными достойным сих предметов словом, в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам и другим художникам. – СПб, 1789»)

***

**ПРЕЗИДЕНТ РАО, ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ РАО,
АКАДЕМИК-СЕКРЕТАРЬ РАО, АКАДЕМИК РАН
В КОНТЕКСТЕ**

В контекст по праву должны войти также следующие материалы, представленные в разделе "Публикации" персонального сайта В.В.Краевского: Н.Д.Никандров. Черный пиар: пособие для журналистов, читателей и слушателей; Комментарии В.П.Борисенкова – Как перепиарить чёрный пиар: утешение для обиженных средствами массовой информации; Выступление академика РАО Г.Н.Филонова на пленарном заседании Общего собрания РАО 23 декабря 2008 года; Интервью академика РАН Е.Велихова

Н.Д.Никандров
Черный пиар: пособие для журналистов, читателей и слушателей
...административный хлыст;
педагогическая усушка мозгов;
педагогический мусор;
академические «авгиевы конюшни»; замшелое предметно-методическое лобби; научные авторитеты в законе;
политические маргиналы; пыль истории...
(Э.Д.Днепров о своих коллегах по РАО)

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай.
А ты себе своей дорогою ступай:
Полают, да отстанут.
(И.А.Крылов)

Segui il tuo corso e lasci dir la gente
(следуй своим путем, и пусть люди говорят что угодно).
(Данте Алигиери)

Вместо введения

Словосочетание «черный пиар» появилось в начале 1990-х годов, хотя, как мы увидим чуть позже, соответствующая разновидность деятельности, совсем не обязательно «черной» (public relations, паблик рилейшнз, связи с общественностью), появилась задолго до появления первой газеты. Понятно, что связь с общественностью – независимо от наличия или отсутствия этого последнего термина – признавалась важной практически всегда. Ведь всегда были и есть люди, общественные группы, организации, фирмы, партии и т.д., которым надо убедить

кого-то в правильности или справедливости своей политики или деятельности. А, значит, надо общаться, надо приводить какие-то аргументы, осуществлять какую-то работу по изменению конкретного отношения кого-либо к чему-либо или общего настроения мыслей, как иногда говорят теперь, менталитета.

Это пособие, несомненно, будет одним из самых коротких, но тем не менее это именно пособие. Оно имеет целью помочь («пособить») журналистам, которым по любой причине пришлось в голову заняться черным пиаром (далее – ЧП; не беда, что это сокращение имеет и другую расшифровку: ведь ДСП – это и «для служебного пользования», и «древесно-стружечная плита»), понять, что этот цвет их писаний будет многими восприниматься соответствующим образом, что многие не дадут себя провести и адекватно оценят их труд и личность. Конечно, я не строю иллюзий относительно того, что это сократит количество «добросовестно» отрабатывающих свой гонорар за «заказуху» (слово ужасное, но, увы, вошедшее в современный русский язык). Надеюсь, что это пособие поможет также читателям, слушателям и зрителям опознавать ЧП, а, опознав, быть настороже.

Не буду пытаться дать исчерпывающее и бесспорное определение ЧП. Важно лишь быть последовательным – что я и постараюсь сделать – в применении этого словосочетания к тем случаям публичной устной и письменной речи, в которых автор прибегает к специальным средствам, чтобы извратить какую-либо ситуацию, заставить оценить ее не в истинном, а в ложном свете и, соответственно, побудить кого-то действовать в интересах автора или заказчика. Ситуация, конечно, подразумевает и человека, в нее включенного и являющегося объектом оценки. Таким образом, ЧП оказывается прежде всего оружием тех, кто замышляет какие-то интриги в стремлении кого-то «сбросить», кого-то «водрузить», может быть, кому-то просто испортить настроение. Но конкретной мотивации мы касаться не будем.

Наша жизнь дает нам в изобилии примеры ЧП практически в любой области. Особенностью материала, который следует ниже, является то, что все примеры взяты из области образования, более узко – из того, что связано с освещением в прессе и публичных выступлениях деятельности Министерства образования и науки (ранее – Министерства образования) и прежде всего – Российской академии образования. И, как мы увидим, некоторые тексты (написанные или произнесенные) как будто специально изготовлены для изучения по ним всей техники ЧП и достойны быть помещены в соответствующую хрестоматию, если кому-то придет в голову такую составить. Поэтому нам даже не потребуются ссылки на многих авторов, но с учетом «чувствительной» тематики будем конкретно ссылаться на эти немногие источники.

Вместо истории

Опять «вместо» – потому, что для наших целей не нужны многие даты и имена, по которым часто опознаются исторические этапы развития какого-то явления. Хочется просто на очень немногих примерах проиллюстрировать то, что уже было как тезис предложено выше: ЧП был практически всегда, видимо, уже на заре писаной истории.

Несколько упрощая, можно сказать, что ЧП прежде всего опознается по злобной, «зубодробительной» критике при (иногда) не явной мотивации этой злобности. И это, конечно, было практически всегда, недаром в вечных книгах о человеческой злобе, ненависти, зависти писали издревле. Давно появились и свои символические фигуры. Может быть, для примера стоит вспомнить Зоила (4-й век до нашей эры), который на века стал таким символом придирчивого, недоброжелательного, злобного критика. Зоила называли в его время «бичом Гомера», поскольку и великий слепой старец-поэт не избег зоиловского литературного бича, хотя жил на четыре века раньше. Кстати, и само понятие «бичевать» (в переносном смысле слова) пошло оттуда. И – тоже кстати – практически то же время дает нам пример гневно-

обличительных критических речей, которые, однако, не являются примером ЧП. Имеются в виду знаменитые «филиппики» Демосфена – речи, направленные против македонского царя Филиппа II, отца Александра Македонского.

Здесь нет возможности конкретно сравнить сочинения Зоила и Демосфена, предоставляю эту возможность любопытному читателю. И такой читатель сразу «почувствует разницу». Даже при гневном обличении Демосфен а) опирается на действительные факты, б) не использует оскорбительной, «ярлыковой» лексики. И, разумеется, по крайней мере мне не известны случаи, чтобы современные служители ЧП так переживали за дело, которому служат, как Демосфен, отравившийся после победы Филиппа над Грецией. Они скорее отравляют жизнь другим.

Не давая даже краткого исторического обзора более поздних «зоилов», лишь отмечу, что наши деятели культуры прошлых времен, сами страдавшие от цензуры, прекрасно понимавшие ценность человеческой свободы, опасались злоупотребления свободой слова, которая делала возможным ЧП, понимали вред огульной критики. Так, И.А.Крылов завершает свою басню «Свинья» такими четырьмя строками:

Не дай Бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар худое только видеть!

Вспомним и А.С.Пушкина:

Недорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать.
И горя мало мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура...

Еще жестче (тогда, правда, это слово в таком значении не употреблялось) писал Н.А.Некрасов, немало претерпевший от цензуры, но испугавшийся вдруг блеснувшего в конце его жизни слабенького лучика свободы слова при злоупотреблении ею:

Ай да свободная пресса!
Мало вам было хлопот:
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьет,
Как забежавший из степи
Конь, не знакомый с уздой,
Или сорвавшийся с цепи
Зверь нелюдимый лесной.

Только историки журналистики помнят, о чем и о ком писал один из таких «сорвавшихся с цепи» современник Некрасова, злобный критик Буренин. Но эпиграмма сохранила его как аналог нашего отечественного «зоила» из XIX века:

Бежит по улице собака.
Идет Буренин, тих и мил.
Смотри, городской, однако,
Чтоб он ее не укусил.

В одной из своих интересных передач В.В.Познер, объясняя склонность некоторых журналистов к сенсационности, сказал: «Ну, кто же будет читать о том, что собака укусила человека? Вот если человек укусил собаку, об этом прочтут все!». Истинная правда! Интересно, имел В.В.Познер в виду эту давнюю эпиграмму или нынешних «бурениных»?

Эпиграммы, конечно, были практически всегда, включая античные времена. Но если не только в те, столь далекие, но и более поздние времена грамотность вообще была достоянием узкого круга образованных людей, а СМИ в нашем понимании просто отсутствовали, то двадцатый век, особенно его вторая половина, в этом отношении полностью изменил мир. Конечно, и сейчас в мире более миллиарда неграмотных, и в абсолютных цифрах неграмотность растет, но радио и особенно телевидение сделали переворот в методах обработки сознания людей, о чем хорошо написано в информативной книге С.Г.Кара-Мурзы (2002).

Казалось бы, еще в 1930 году умный редактор газеты «Манчестер Гардиан» К.Скотт сформулировал принцип, который – конечно, при его соблюдении – является прекрасным средством против ЧП, но вполне допускает критику: «Факты священны, их толкование свободно». Но вспомните, как ответил Сократ молодому человеку, который спросил его о средстве против любви с первого взгляда: «Внимательно посмотри второй раз!». И при ближайшем рассмотрении оказывается, что этот принцип – скорее оправдание и самой идеи, и одного из средств ЧП. Достаточно лишь сообщить не о самых значимых фактах, окружающих какое-то событие, достаточно лишь нарушить истинный баланс «плохого» и «хорошего», как это событие выглядит в совершенно разных цветах; в том числе возможен и черный.

А если иметь в виду те годы, когда ЧП расцвел в России особенно пышным цветом, и одновременно продолжить поэтические ссылки, напомним, как удачно его «отметил» в краткой подражательной эпиграмме Н.Доризо в 1992 году:

Румяный критик мой!
Быть может, ты не глуп,
Но пишешь ты так злобно и так бранно,
Как будто бы бросаешь таракана
На коммунальной кухне в чей-то суп.

Любители «бросать тараканов в суп», боюсь, еще долго не переведутся, хотя от коммунальных кухонь мы постепенно уходим. Но тем, кому недосуг защищаться от этих любителей статьями кодексов, выискивая юридические признаки клеветы или оскорбления, полезно будет знать, каким же оружием эти «любители» пользуются. Тем более что они весьма часто – отнюдь не любители, а профессионалы своего недоброго дела. Профессионалы в том же мрачном смысле, в каком говорят о профессионально совершенном убийстве. А имена некоторых телекиллеров теперь уже знают многие.

Но довольно об истории. Теорию мы вообще пропустим – для интересующихся отметим лишь, что она хорошо разработана в книгах и учебниках по психологии рекламы и общественных связей. Хорошо и подробно о методах манипуляции сознания написано в уже упомянутой книге С.Г.Кара-Мурзы (2002). Сосредоточимся на методике, на средствах.

Средства ЧП

Искусственная перегруженность эмоциями. Известна с древних времен. Простейшая техника – переход на крик, на неумеренную жестикуляцию, на нагруженную эмоциями лексику. В печатном тексте крик заменяется лексикой, находящейся на грани нормативной, или даже ненормативной лексикой. Например, ниже приведен текст из художественного произведения, где части слова, замененные мной многоточием, в самой книге даны без такой замены:

«Чего ты сказал? Да пошел ты на х..., идиот! Ты же придурок полный, понимаешь? Даун, б...ь. Мне не смешно ни одного раза, ты, лузер ё...й!» (Минаев, 2006, с.302).

Конечно, в публичном выступлении, по радио и по телевидению такое встречается редко, а многоточия заменяются известными звуковыми средствами. Понятны и ограничения в образовательном и академическом сообществе. Но все остальное, способное вызвать отрицательные эмоции, неуважение, ненависть или подозрение к оппоненту, используется в полном объеме. Вспомним речи Гитлера и Геббельса, почти полностью шедшие «на крике», вспомним и современные «дуэли» в некоторых телепередачах, когда одновременно и на повышенных тонах говорят и оба оппонента, и их секунданты, и ведущий. Когда при этом делается оправдательная ссылка на темперамент, то всегда хочется посоветовать использовать его в других, более подходящих обстоятельствах.

Кстати, обычно в нашей литературе Геббельс называется министром пропаганды. Это не совсем точно. Министерство, которое он возглавлял, называлось Министерством народного просвещения и пропаганды (Reichsministerium fuer Volksaufklaerung und Propaganda). Было еще и Министерство науки, воспитания и народного образования (Reichsministerium fuer Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung). Для нас это интересно в том отношении, что «народное просвещение» в понимании Геббельса и иже с ним как раз и требовало использования всей палитры средств ЧП для промывания мозгов немецкого народа. А «воспитание» с «народным образованием» было сосредоточено прежде всего на обработке молодежи, причем оба ведомства работали в тесной координации и с точки зрения методики – вполне эффективно. Пропитать человеконенавистнической идеологией фашизма миллионы людей им удалось.

Не являясь, конечно, идеологическими наследниками упомянутых двух одиозных фигур и вряд ли зная эти детали, наши черные пиарщики успешно унаследовали саму методику, а с учетом развития техники и усовершенствовали ее.

Один из таких технических приемов – уничижительные, нагруженные отрицательными эмоциями названия-ярлыки, а также высказывания, помогающие составить отрицательное мнение о способностях, интеллекте и нравственном облике оппонента, группы людей, организации.

Вот, например, какими выражениями Э.Д.Днепров характеризует Российскую академию образования и своих коллег по Академии (Днепров, 2000):

«РАО сегодня – это по преимуществу (заметьте, читатель: не «иногда», не «в некоторой части», а «по преимуществу»!! – Н.Н.) закрытая корпорация «научных авторитетов в законе»;

«Эта каста живет по своим особым внутренним законам и закрыта для посторонних по духу»;

«После известного реставрационного переворота осенью 1997 года РАО вновь вступила в стадию столь глубокого спада, стагнации, каковых не было даже в эпоху приснопамятного застоя»;

«Есть какой-то неустранимый генетический порок в устройстве изначально оторванной от образования образовательной академии (это пишет человек, который не дал ни одного урока в школе и не прочитал ни одной лекции в вузе – Н.Н.). Порок, который при всех попытках ее перемен постоянно воспроизводит в ней одно и то же

– косность, самодостаточность, изолированность от жизни, от школы»;

«Но РАО, однако, не видит в упор не только фундаментальные проблемы школы, но и те насущнейшие, текущие ее проблемы, не решать которые уже просто невозможно. Не будем говорить здесь о недоступных пониманию «академиков» вопросах экономики школьного образования или образовательного права».

Несколько примеров оценок-ярлыков из другой работы того же автора о том же предмете критики (РАО): насаждение псевдостандартов; «совковая» уравнилельно-распределительная психология; административный хлыст; педагогическая усушка мозгов; педагогический мусор; академические «авгиевы конюшни»; замшелое предметно-методическое лобби (Днепров, 2002).

В одной из брошюр о причинах школьного кризиса ставится задача показать, что и в РАО, и в Министерстве образования все плохо с тех пор, как Э.Д.Днепров перестал быть министром и отошел от практических дел в РАО. Соответственны названия глав: Последствия экономического смерча; Деформация политического курса; Оскудение образовательной политики; Консервация отжившего; Профанация образовательных стандартов; Авантюра 12-летки; Имитация деятельности; Бег на месте; Школа на задворках образовательного ведомства (Э.Д.Днепров, 1999). Особенно яростную критику Э.Д.Днепров вызывает, конечно, А.А.Фурсенко. Напомним, однако, что во времена появления указанной брошюры Министерство образования возглавлял В.М.Филиппов, которого Днепров так трогательно благодарит сейчас в своем последнем двухтомнике. Своего рода отзвук не только в ЧП используемого приема - *divide et impera* (разделяй и властвуй). Ведь если всех громить, с кем же останешься? А то, что в прошлом последовательно громил практически всех, на каком-то этапе для пользы дела можно и забыть.

Еще в одной работе тот же автор награждает своих оппонентов такими ярлыками (вспомним, кстати, что когда-то ярлыками именно награждали) как политические маргиналы, пыль истории и т.д. (Днепров, 1994). Примерно так было у И.В. Сталина в «Истории ВКП(б)» о троцкистах и бухаринцах.

Но, быть может, Э.Д.Днепров просто не способен писать более сдержанно, не в стиле рыночной брани? Напротив, вполне способен, более того, талантом его Бог не обделил, что я имел возможность неоднократно отмечать и публично, и приватно, и устно, и печатно. Например, вполне академично написана статья «Научное обеспечение образования в свете нового педагогического мышления» (Новое педагогическое мышление, 1989). Речь там идет о педагогике времен перестройки. Основная мысль, созвучная соцзаказу того времени, – необходимо восстановить ленинскую концепцию образования, ленинский стиль управления, больше социализма, больше демократии. В статье на каждой странице, часто несколько раз на странице упоминается В.И.Ленин, его идеи, ЦК КПСС и т.д. – разумеется, в положительном контексте. Вспомним те времена: тогда уже Э.Д.Днепров мог вполне писать то, что думал. Прошел год, и для того же автора почти все, что связано с Лениным и партией, оказалось виной всех наших педагогических бед. Что за год так изменило взгляды историка Днепров, не будем гадать. Но сменились заказчики, и резко сменился как курс, так и стиль журналиста Днепров. Для нас сейчас важно другое: стиль упомянутой статьи вполне научный, ЧП там и не пахнет.

В последней крупной работе Э.Д.Днепров «Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования» (2006) автор в начале приводит длинные списки министров и членов РАО, которым благодарен за уроки, дружбу и т.д. Как умилительно! Но вспомним некоторые вышеприведенные пассажи из его работ разных лет, вспомним, каковы были оценки тех времен. Например, Е.В.Ткаченко, который сменил Э.Д.Днепров на посту министра, как-то сказал, что он не все может, у него есть свой потолок. Это естественно, не все может, не на все имеет полномочия даже президент страны. Но Э.Д.Днепров в духе ЧП комментирует:

«Увы, он оказался весьма невысоким» (Днепров, 1996, с.134). Сменить полномочия на характеристику умственных способностей оказалось так легко! Этот прием, как правило, удобно совкуплять с другим – вырыванием цитаты из контекста, что и сделано в данном случае. Но этот прием настолько част, что свойствен не только ЧП, может быть и не приемом, а просто ошибкой, и других примеров давать не будем. Однако критические комментарии по заведомо вырванной из контекста цитате, как в данном случае, – это уже почти точно из области ЧП.

Как известно, человек, оказавшийся во власти сильных эмоций, часто теряет возможность рационально рассуждать и оценивать. Недаром при убийстве в состоянии аффекта в ряде случаев это состояние приводится как смягчающее вину обстоятельство. И, соответственно, перегрузка отрицательными эмоциями (для критики оппонентов) и даже положительными эмоциями (например, неумеренными похвалами – для «возвышения» своих союзников) – излюбленные средства теле-, радио- и принткиллеров.

Отрицательные эмоции по отношению к человеку могут быть вызваны и фотографиями, надписями и т.п., казалось бы, к нему или к делу никакого отношения не имеющими. Почитаем статью А.Веймарна (2007). Как выясняется, автора с такой фамилией не существует, и, хотя реальный автор известен, «уважим» его желание скрыться за псевдонимом. Но не воспользоваться статьей просто нельзя. Несмотря на свою краткость, она как будто специально написана для иллюстрации почти всех средств ЧП, и может в этом качестве стать хрестоматийной. Хотелось бы надеяться, что она так и задумывалась.

Итак, о фотографиях, рисунках и т.п. средствах. На первой странице статьи (в самом журнале она 96-я) есть фотография: возле вывески на здании Академии – стремянка, на ней что-то делающий рабочий в соответствующей одежде. Передний план рядом с вывеской показывает то место рабочего, что пониже спины. Поскольку это – явно не соответствующее место Венеры-каллипиги (т.е. прекрасной задой, термин принят в искусствоведении), ясно, какие эмоции призван вызвать у читателя сей образ.

На следующей фотографии – сценка из школьного класса. Все заняты каждый своим делом, а на переднем плане – девчушка, сладко спящая, положив голову на сумку, а сумка на парте. Тоже понятно: вот ведь как скучно в школе, вот ведь как плохо РАО работает, это же ее прямая вина!

Та же страница журнала и статьи хорошо иллюстрирует и возбуждение отрицательных эмоций словесными средствами. Шрифтом выделены несколько слов – заглавие и подзаголовки: Ликвидация; Последний отчет; Затянувшаяся агония Академии образования. На следующей странице бросается в глаза выделенное «Ученых выбрасывают из окна». Ужас, как плохо дело в РАО! При этом, понятно, не важно, насколько надежны источники. Ведь неплохо действует известное и в быту: «то ли он украл, то ли у него украли, а что-то было».

Понятно, что кроме логики на человека обычно влияет и авторитет говорящего или пишущего. Это имеет и вполне объективное обоснование. Как в свое время сказал известный русский адмирал В.О.Макаров, «кругозор наблюдения есть функция высоты наблюдателя». Это значит, что занимающий некоторое положение человек может быть и не семи пядей во лбу, но обширной информацией он, как правило, располагает. Значит, уверенное и безапелляционное утверждение, даже без каких-либо аргументов, может вполне быть воспринято «нужным» образом. Это и есть метод безапелляционного убеждения.

Метод безапелляционного убеждения. Хороший пример: вице-президент РАО В.П.Борисенков, выступая 24.04.2007 года в программе «От первого лица» (кстати, интересная программа, сам имел честь в ней как-то участвовать), коснулся роли науки для образования и воспитания. И, хотя никаких вопросов о РАО не было, но

речь шла о проблемах молодежи, и, соответственно, Владимир Пантелеймонович «втиснул» в свою речь следующий пассаж: «...рисовать благостную картину своей Академии я бы не стал. Академия находится в этом обществе и страдает от тех же болезней... А это – и коррупция, и не всегда выборы самых достойных ученых...». Говорит вице-президент, второе лицо в академической иерархии, и говорит не в предположительном плане, а вполне определенно. Страдает – и точка! Не самых достойных – но, понятно, никаких «менее достойных» не называется.

Здесь нельзя не отметить очень важное обстоятельство. Многие слышали и видели напечатанным высказывание «В России все воруют». На мой взгляд, высказывание и безответственное, - разумеется, не все, - и непорядочное: ведь это – наша Родина! Но оставим на несколько секунд в стороне нравственные аспекты и обратимся к логике. «Все» в логическом смысле – значит и я, и все читатели этих строк, и каждый гражданин России. Но ни один суд не примет к рассмотрению жалобу некоего гражданина, который, ссылаясь на это высказывание, сочтет себя лично оскорбленным или оклеветанным. Указующим перстом, произнесенной или напечатанной фамилией он идентифицирован не был.

Это – область юриспруденции. А теперь вновь (несколько секунд прошли) обратимся к нравственному аспекту. Будем постепенно снижать уровень и перейдем от масштабов огромной страны к масштабу организации, даже большой. Тогда уже слово «все» не звучит так безлично-абстрактно, и члены организации уже будут думать, кто же имеется в виду. А уж ответственны за коррупцию, понятно, руководители. И дело сделано!

С древности известен, с тех пор не раз опробован и был особенно любим уже упомянутым Й.Геббельсом принцип, который усиливает безапелляционные утверждения. В латыни он звучит как *calumniare audacter, semper aliquid haeret* (клеветы дерзко, что-нибудь всегда прилепится). Например, врезка, предваряющая упомянутую выше статью А.Веймарна, сообщает читателю, что к РАО и у народа, и у правительства, и у образовательного сообщества накопилось немало претензий из-за безделья и никчемности, а академики вообще объявили Правительству войну. Обвинения весьма серьезные. А аргументы, источники? Да никаких, разве что приведенный выше принцип. В упомянутой статье вообще практически нет какой-либо правдивой информации. Все основано либо на принципе «клеветы дерзко», либо на также упомянутой идее К.Скотта о «свободе толкования». Только вот со «священностью фактов», к которой призывал К.Скотт, в статье туговато, что поясним на примере.

«Ученых выбрасывают из окна»! Действительно, какой ужас! Только вот легко проверяемый по милицейским протоколам факт, в свое время оглашавшийся на заседании Президиума РАО, состоит в том, что это было нападение, организованное неизвестными лицами, а пострадавшими были те, кто раньше на законных основаниях, с соответствующими документами и в сопровождении судебного пристава приступили к работе. Нападение произошло 14 августа 2003 года. Кстати, интересной особенностью этого нападения было то, что при этом оказался бывший ректор Университета Б.М.Бим-Бад, который в свое время и вынужден был удалиться согласно решению суда и в присутствии судебного пристава.

Эта случайность также была зафиксирована милицией. Не будем ей удивляться: ведь оказывается же иногда «рояль в кустах»! Но вот правдивость изложения этого события А.Веймарном все же напоминает мне старый анекдот. «Правда ли, что академик NN выиграл сто тысяч по золотому займу? – Правда! Только не академик, а его шофер, и не по золотому займу, а в преферанс, и не сто тысяч, а сто рублей, и не выиграл, а проиграл». Т.е. ошибка только в деталях, все остальное верно...

Для того, кому это может быть интересно, добавим, что Никандров (т.е. автор этих строк) в то самое время был в командировке за 10 тысяч километров от места

действия. Что же, современная техника позволяет организовать нападение и издали. Но есть другое обстоятельство – неизвестные лица пытались выдворить именно тех, кого Никандров своим приказом официально назначил как президент Академии и Университета. Вот здесь уже «нестыковочка какая-то получается»...

Argumentum ad hominem. По сути речь идет о логической ошибке, которая еще в античной логике и риторике получила это название – «аргумент к человеку». Вместо того, чтобы говорить о каком-то действии, событии или предмете, о котором «надо» создать отрицательное мнение читателя или слушателя, все внимание уделяется человеку, который с этим действием, событием, предметом либо естественно связан, либо может быть ассоциирован. «Человек плохой, значит, и его дело (книга, изобретение, руководство организацией, сама организация, конкретный поступок и т.д.) тоже плохие», – такова нехитрая, но часто вполне работающая «логика». Обычно аргумент к человеку – не самостоятельное средство, но, так сказать, канва, основа для применения других средств, имеющих цель. опорочить и человека, и что-либо, с ним связанное, что «надо» опорочить.

Например, основное дело в любой академии – конечно, наука. Но если по этому поводу ничего отрицательного обоснованно сказать нельзя, – и не надо. Надо сказать что-либо плохое о руководителях, всех или «нужных», точнее не нужных автору. В ходе многих последних Общих собраний РАО г-н Днепров и некоторые (впрочем, совсем немногие) другие критики о науке почти не говорили. К тому же наука всегда дело спорное, и даже ошибки, отрицательные результаты эксперимента, определенные риски в ней допустимы. Значит, здесь опорочить трудно, если все же стоит именно такая задача. Гораздо проще перевести все на уровень межличностных отношений, личностных и моральных оценок и т.п. Что и делалось неоднократно. Многочисленные примеры любопытный читатель может в изобилии найти в той же статье А.Веймарна, а также в раздававшейся на апрельском Общем собрании 2007 года брошюре «Последний отчет» (2007). Ни указания тиража, ни издательства, ни составителей в брошюре нет, но статья Веймарна туда также попала (по методу «создания и размножения источников»).

Создание и размножение источников. Очень важный прием. Понятно, что восприятие информации и ее оценка во многом зависят от референтности источника для воспринимающего. Если я верю человеку или понравившейся мне постоянной радиопрограмме, то с большой вероятностью восприму как истинные предложенные мне ими факты, интерпретации и оценки. Обычно множественность источников также имеет значение. Поэтому серьезная задача труженика на ниве ЧП – «протолкнуть» свое писание или выступление в популярный журнал, читаемую газету, произнести речь на значимом вообще или для конкретного сообщества собрании.

Но есть и другой, более радикальный и действенный способ – создать и размножить источник информации. Поясним на примере.

7 февраля 2007 года Э.Д.Днепров, выступая на заседании Президиума РАО, заявил о том, что Уставом, подготовленным Комиссией по Уставу, а также Президентом РАО объявлена война Правительству. Это утверждение было расцвечено такими пассажами как «чревато упразднением РАО», «члены Комиссии с неопишуемой смелостью попирают указания и установки Правительства» (как вдруг автор полюбил «установки и указания» того самого Правительства, которое он обычно критикует! – Н.Н.) и модельный устав», «Подготовленный Комиссией Устав перешагнул все пределы элементарного приличия и здравого смысла. Количество глупостей на единицу текста катастрофично (это о работе своих коллег по Академии – Н.Н.)», «Правительство давно вынашивает планы... усыпления Академии, как обычно усыпляют устаревших псов (полная фантазия, но Э.Д.Днепрову не привыкать, и еще раз вспомним «клеветы дерзко» - Н.Н.)», «бой таракана с

носорогом» и т.д.

Но ведь это – всего лишь одно выступление одного человека, хотя и академика, хотя и «самого» Днепрова. А мысль ценна, ее терять нельзя: Никандров объявил войну Правительству, Академия под угрозой. И какая риторика! Соответственно, это было повторено в статье А.Веймарна (2007), попало в брошюру «Последний отсчет» (2007), думаю, попадет еще куда-нибудь. Плодитесь и размножайтесь, источники!

Один из вариантов размножения источников деятели на ниве ЧП особенно любят. Когда неопытный или наивный человек неосторожно напомним такому деятелю о правилах приличия, о порядочности и прочих понятиях, для них давно устаревших, частый ответ – «Обращайтесь в суд!» или «Пусть (он, она, они) обращаются в суд!». Ни в коем случае нельзя попадаться на эту удочку! И дело совсем не в критическом отношении к суду, не в недоверии к правосудию. Будем исходить из того, что суд справедлив. Но вот скорым он реально быть, как правило, не может. Напротив, суды – дело долгое, в состязательном процессе немало случайностей, приговор или решение суда могут быть разными. Но один результат всегда бесспорен и всегда может быть использован профессионалом ЧП: судебный процесс - идеальный способ размножить источник. Ведь о нем независимо от реальной значимости дела можно написать в газетах, сказать по радио, по телевидению, и даже если решение не в пользу работника ЧП или его протее, *semper aliquid haeret* (всегда что-то прилепится). А «прилепиться» может разное. Кто-то подумает о человеке как о склочнике, кто-то сформирует свое мнение исходя из уже упомянутого «то ли он украл, то ли у него украли, а что-то было». В обоих случаях черный пиарщик выполнил свою задачу.

Немного по поводу «объявления войны Правительству РФ». В книге «Реформа против образования» (2005) перепечатана статья Э.Д.Днепров «Политика образовательного геноцида», ранее напечатанная в сборнике «Россия, 2005» (см. также прием «Создание и размножение источников», но речь сейчас о другом). Название, ничего не скажешь, сильное. Говоря о политике Правительства РФ, автор использует и другие, не менее сильные, выражения: новый антисоциальный курс нынешнего правительства, политика рыночного экстремизма, коренные пороки (вообще один из любимых, всегда готовых к навешиванию ярлыков Э.Д.Днепров – Н.Н.), обрекает образование на деградацию, социально-экономическое оскотление Закона «Об образовании», убожество, прямое обкрадывание нашего образования, демагогия, драконовский налог, либеральные необольшевики, верх социального цинизма и профнепригодности, политика эта антинародна, антисоциальна, антигосударственна и т.д. Так кто же «объявляет войну правительству»?

Кстати, многое, о чем пишет здесь Э.Д.Днепров, отмечалось и в оценке развития нашего образования на Общих собраниях РАО, говорилось мною на заседании Коллегии Министерства образования и науки. Но, разумеется, не в этой тональности. Тональность ЧП вообще оставляет мало шансов на взаимопонимание, на сотрудничество, на совместные поиски правильных решений. Но и задача ЧП, мы помним, совсем не в этом. Надо кого-то убрать, кого-то оскорбить, кого-то с кем-то поссорить и разделить, а ведь (еще раз вспомним латынь) *charta non erubescit*, бумага не краснеет. Краснеть приходится тем, кто понимает различие между площадной руганью и серьезной дискуссией, кто отвечает не только за себя, но и за организацию, за коллектив сотрудников.

Намеренное отсекаание противоречащей информации или «ненужных» источников. Важным признаком полноценной научной работы, добросовестной журналистики (в том числе ставших так популярными журналистских расследований) является всесторонность рассмотрения, принятие в расчет разнообразных источников для своего рода перекрестной проверки информации.

У ЧП законы другие. Ведь задача – не выяснить истину, а доказать «нужное». При

такой постановке задачи важно, напротив, намеренно отсеять ненужную или противоречащую информацию, даже если проверка предельно проста. Так, А.Веймарн, вторя Э.Д.Днепрову, «зубодробительно» критикует РАО за никчемность и бесплодность. Но простой просмотр тех конкурсов последних лет, которая выиграла Академия по самым значимым проблемам (стандарты, «предшкола», профильное обучение), не говоря уже о долговременных плановых работах, показывает, что это не так. К этому можно было бы добавить обращения к Общим собраниям Академии руководителей страны, где говорится о росте влияния Академии, экспертную роль Академии при определении качества школьных учебников, да и сам факт того, что примерно четверть учебников в стране создается членами и сотрудниками Академии. В своем приветствии к Общему собранию 2007 года о росте влияния Академии напомнил Председатель Госдумы Б.В.Грызлов. Да, можно спорить о качестве некоторых учебников. Но все эти детали А.Веймарна не интересуют. Это – ненужная информация, уточним: не нужная для конкретной цели – опорочить РАО.

Но, может быть, все эти детали действительно трудно собрать и сопоставить? Тогда посмотрим на смешной пассаж из этой же статьи. Я имел честь быть лично критикованным автором, который со ссылкой на О.Петросяна утверждает, что я ношу ботинки с почти женскими каблуками и даже крашу губы. Не будем ставить вопрос, насколько это важно. Важнее другое: ведь вот это проверить было уж совсем легко, достаточно было спросить еще кого-то, кто видит меня каждый день в Академии, или просто придти в непредсказуемое время и убедиться, как говорят врачи, *de visu* (простым осмотром, воочию). Но опять-таки - задача другая, и выяснением истины в большом (научная работа РАО) и в малом (детали внешности ее президента) автору произведения ЧП заниматься не то чтобы недосуг, а просто вредно: ведь тогда придется для пользы дела явно лгать. Поэтому всегда полезнее иметь в виду ответ или на самом деле сказать что-либо вроде «Вас трудно застать», «я никак не мог дозвониться до Вас, а материал надо было уже сдавать» и т.п.

Вообще проблема источников принципиальна. Ведь ни один журналист, да и ни один человек не может сам видеть, слышать или прочесть всего. Точнее, такие случаи крайне редки, и надо на кого-то или на что-то ссылаться. При этом можно создать, а потом размножить источник (см. выше), а можно, напротив, из полной неопределенности создать ситуацию полной определенности. Например, имеется некоторое «полезное» утверждение, которое необходимо внедрить в чье-то сознание. Достаточно либо единичное кем-то реально сделанное высказывание, либо высказывание, сделанное самим или сообщником (простите, коллегой). А затем его можно повторить сколько угодно раз с помощью вводных слов типа «как нам стало известно», «по сведениям из определенных /информированных / компетентных / близких к чему-то или кому-то кругов», в конце концов «по слухам», «общеизвестно».

А можно и самому выполнить роль «слух-мейкера», создателя слухов. Например, выше уже было (напомним, с точной ссылкой на А.Веймарна) четко сказано, что «к Российской академии образования (РАО) у народа, правительства и образовательного сообщества России накопилось немало претензий». Будем считать, что это – по типу только что упомянутого «общеизвестно», т.е. автор статьи выполнил роль «слухмейкера», а, будучи создан, слух может и размножаться. «Простым делением», однако, слухи не размножаются, но желающие принять участие в процессе размножения и сами могут найтись, а можно кому-то и посоветовать.

Еще пример явного «отсекания ненужной информации». В.Н.Молодцова не обделяет своим вниманием деятельность РАО, причем прежде всего в отрицательно-критическом плане. На всякий случай просто напомню, что изначально слово «критика» означало просто «оценка», которая, понятно, может быть с любым знаком.

Но чаще, конечно, под критикой сегодня понимается оценка отрицательная, со знаком «минус». Виктория Николаевна все три дня Общего собрания РАО 2007 года (30 и 31 марта, 1 апреля) была в залах. И это прекрасно, ведь Собрание – дело публичное, открытое, журналист может заметить много интересного. И вот один из итогов деятельности журналистки – статья «Уставные отношения. За учеными будут наблюдать. В открытую» (Молодцова, 2007). Название – своего рода комментарий по созданию уставного органа – Наблюдательного совета, а на мнение г-жи Молодцовой, судя по всему, повлияли дискуссии «в кулуарах» Собрания, где Наблюдательный совет сравнивали с временами ЦК КПСС. Не нравятся Виктории Николаевне и некоторые стороны обсуждавшейся технологии выборов. Статья, вообще говоря, достаточно спокойного тона, не похожа на тексты Э.Д.Днепра или А.Веймарна. Почему же все-таки беру не себя смелость утверждать, что это ЧП? Потому, что «кулуары» – это, конечно, хорошо, но все же и по этим фактам, и по тому, что г-жа Молодцова пишет в другом номере газеты о прошедших выборах членов Академии, можно было бы связаться с теми в Президиуме, кто был за все это прежде всего ответственен. А это – президент Академии (автор этих строк), главный ученый секретарь С.В.Дармодехин, вице-президент Д.И.Фельдштейн, председатель Комиссии по Уставу В.Г.Костомаров, председатель Счетной комиссии В.В.Лаптев. Но, найдя многие часы для присутствия на Собрании (на всех заседаниях!), никаких встреч с ними г-жа Молодцова ни до, ни после, ни во время Собрания не запланировала. И, видимо, неспроста: а вдруг по материалам этих встреч пришлось бы как-то изменить заранее принятую точку зрения, точку нужную (кому-то – ведь если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно – Н.Н.), полезную, «правильную»? И тогда нельзя было бы закончить статью тем, что содержится в последнем абзаце. А там утверждается, что «к чести академиков, многое из предлагаемого не было поддержано» (не совсем так: не поддержано было очень немного – Н.Н.). (Попутно отметим: ага, академики «хорошие», Президиум и Комиссия по Уставу «плохие». Ценно!). Но гораздо ценнее самое последнее утверждение: «А вот какие предложения будут учтены, а какие нет – на совести Президиума. Какова эта совесть – покажет время». То есть Собрание доверяет Президиуму завершить работу над Уставом, что отнюдь и не предполагает неперемного учета (точнее, включения, исключения или текстуального изменения) всех предложений. Виктория Николаевна – не доверяет. Что же, ей, видимо, со стороны виднее. Только вот как тестировать совесть? Да и чью?

В другой статье того же автора «Простая математика» (Молодцова, 17.04.2007) есть подзаголовок, проясняющий смысл несколько таинственного названия; «Почему нет доверия к выборам в академическое сообщество?». В статье комментируется, как прошло голосование по выборам в члены Академии. Г-же Молодцовой не нравится, что, по ее мнению, конкурировали явно не равноценные по своим достоинствам кандидаты. Хотел бы я знать, каким критическим запалом была бы заряжена статья, если бы под каким бы то ни было предлогом мы ограничивали безусловное право организаций, ученых советов или академиков выдвигать кандидатов, соответствующих формальным признакам. Но самое интересное в статье – одна деталь. Как утверждает Виктория Николаевна, «выбор этого другого (академика или члена-корреспондента) и становится для руководства РАО делом главным, подчас даже более важным, чем все остальные, вместе взятые» (там же). Разумеется, присутствуя на Собрании «от и до», журналист слышала, что я как председатель как раз в самом начале подчеркнул: при всей важности вопроса о выборах это все же менее важно, чем обсуждение других вопросов – о направлениях фундаментальных исследований, об Уставе. Допустим, г-жа Молодцова считает, что это было сказано, что называется, для красного словца, мысли у меня были другие. Не будем подвергать сомнению ее право так считать. Но! Ведь об этих важным

вопросах во всех статьях, которые она сочла за благо посвятить Собранию, ею не было сказано практически ничего. И все становится на свои места: для достойного представителя ЧП важно выбрать то, что можно «раскрутить» в виде скандала, а остальное (в том числе основные дела организации или человека) необходимо отсечь. Ведь говорить о науке и хлопотно (надо во что-то вникать), и бесполезно (особой критики личного порядка не наведешь). А разговор о «простой математике» вышеозначенной госпоже удалось закончить смотрите какими «ценными» выводами: у академиков нет доверия к выборам, возможно, были задействованы «грязные технологии» (хотя Виктории Николаевне и не хочется так думать – Н.Н.). И самая «ценная» находка - для общества, для педагогического сообщества может стать осмысленным вопрос «Нужна ли нам Российская академия образования?», и он может получить только отрицательный ответ. Статья заканчивается тоже вопросом; «Спрашивается, кому это нужно?». Но, уважаемая Виктория Николаевна, Вы же этот вопрос и подбросили, соответственно, ответ ясен...

Вообще статьи г-жи Молодцовой хорошо иллюстрируют и еще один прием ЧП: пересказ журналистом не точного смысла сказанного на пресс-конференции, собрании и т.п., а своего видения этого мероприятия. Это очень часто встречается в политических спорах и пресс-конференциях, когда основному действующему лицу приходится потом утверждать, что его не так поняли или процитировали (что может быть и правдой, и лукавством). Но такое бывает, как мы видим, не только в политике.

Полезен и прием «ложной социологии». Поскольку термин не мой, поясню, в каком значении считаю правильным его употреблять. Если «слить» нужную информацию с опорой на какого-то одного «слух-мейкера» маловато (например, информации ввиду ее важности нужно придать значимость, нужна ссылка, а ссылка на одного человека недостаточна), надо провести опрос в нужном месте среди нужных людей в нужное время. Это тоже многократно опробовано в политике, поскольку, понятно, на Васильевском спуске говорится обычно не то, что говорится на Октябрьской площади. Но когда речь идет не о больших массах людей, достаточно опросить хорошо отобранных 5 – 7 человек, и это уже вполне будет глас народа, т.е. почти бесспорное суждение, которое можно сколько угодно тиражировать. Ведь *vox populi, vox dei* (глас народа – глас Божий).

«Не благодаря, а вопреки». Тоже полезный прием. Он полезен тогда, когда явно есть какие-то плюсы, какие-то положительные моменты в чем-то, что «надо» раскритиковать. Например, в институтах РАО делается что-то полезное, работают интересные ученые. Надо их похвалить, а попутно подбросить мысль, что это положительное происходит не благодаря, а вопреки усилиям руководителей (директора, члена Президиума, президента), которые только мешают. Словом, если что-то плохо, – это прямая вина руководителя нужного (для критики) уровня, если что-то хорошо, – это «вопреки». Одновременно действует и уже упомянутое *divide et impera* – разделяй и властвуй.

Заключение

Здесь уже не «вместо», а на самом деле – краткие выводы из вышесказанного.

Иногда говорят, что дипломат – это человек, который два раза подумает, прежде чем ничего не сказать. Это, конечно, не для деятеля ЧП – ему нужна максимальная активность, активность в нужном месте в нужное время. Даже если что-то не получилось, об этом потом можно забыть. Зато сработавший ЧП – безусловная заслуга его творца.

Например, на Общем собрании РАО 2007 года Э.Д.Днепров взял на себя неблагодарную миссию – со свойственным ему пылом и пафосом выступить против избрания в членкоры нелюбимого им кандидата. Договорился до того, что, сославшись даже на документ, заверил Собрание, что против этого кандидата возбуждено уголовное дело. Участники этого и других собраний помнят: я всегда

воздерживаюсь от высказываний «за», понимая, что это повлияло бы на объективность обсуждения, но всегда вмешиваюсь в ход обсуждения, если вижу применение недостойных приемов. Так произошло и в данном случае. Я напомнил г-ну Днепрову, что и по римскому праву бремя доказательства лежит на обвиняющем (*affirmanti, non neganti incumbit probatio*), и в российской Конституции (статья 49) утверждается, что «обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». И, хотя «обвинитель», по его словам, был «готов» предъявить даже документ, но как-то ни во время прений, ни после этого не сделал.

Думаю, что даже не из-за моего выступления, а из-за сложившегося вполне определенного мнения членов Академии о надежности данного «источника», выступление оно не было принято во внимание, и критикуемый кандидат был избран, как говорится, с очень хорошим счетом.

Но урок здесь вот какой, урок, который делает данный пример вполне уместным в Заклучении. Ведь концовка выступления г-на Днепровы состояла в том, что «если это (обвинение – Н.Н) не подтвердится, мы с удовольствием примем ее в лоно блистательной РАО». Понятно, что это могло бы уже состояться, как минимум, через год, но что такое целый год в нашей быстротекущей жизни?! А грязью для пользы дела надо облить сейчас.

Хорошо, что в данном случае прием не сработал. И когда мы являемся свидетелями таких выступлений, зададим себе вопрос: действительно ли выступающий с открытым забралом борется за правду, или это самый обыкновенный казус (случай) ЧП?

Есть и другие признаки, по которым с большой вероятностью диагностируются подобные «казусы», и примеры которых были даны выше. Так что сейчас просто подведем итоги, отметив другие симптомы ЧП :

- не всегда легко объяснимая «зубодробительность» критики;
- явно искусственная, натужная перегруженность эмоциями, включая различные описанные выше средства;
- вырывание цитаты из контекста;
- комментирование не текста, а вырванной из контекста цитаты;
- безапелляционное убеждение;
- *argumentum ad hominem* (аргумент к человеку), т.е. критика человека, а не его дела;
- различного рода манипуляция с источниками, их создание и размножение, намеренное отсекаание «ненужных» источников и т.д.;
- толкование мероприятия вместо точного описания (именно вместо, а не наряду: толкование, конечно же, важно)
- «ложная социология»;
- «не благодаря, а вопреки».

Разумеется, при всякой симптоматике возможны ошибки, поэтому и суждение «ЧП или не-ЧП» всегда имеет вероятностный характер. Может быть, мы имеем дело с добросовестной, основанной на фактах критике, которой не следует опасаться, даже если она задевает и неприятна. Как писал по сему поводу еще И.А.Крылов, «лишь ложные цветы дождя боятся». Но вероятность того, что текст, изобилующий целым рядом этих симптомов, есть случай ЧП, достаточно высока.

Сложилась традиция, согласно которой автор должен благодарить тех, кто помог ему создать некое произведение. Последую этой традиции и я. Благодарю тех, чьи примеры я использовал, чтобы показать технику ЧП. В области образования их, к счастью, совсем немного, но для нашей цели (обоснованно сказать: «будьте бдительны!») вполне достаточно и немногих типичных примеров. *Intelligenti pauca* (для понимающего довольно немногого).

Литература

Веймарн А. Последний отсчет // Политический журналъ. – 2007. - №8-10. – С.96-99.

Днепров Э.Д. Витязь на распутье, или Современная образовательная политика. – М.: УРАО, 2000. – 44 с.

Днепров Э.Д. Десять лет по ложному пути или Еще раз о разработке образовательных стандартов в России // Первое сентября. - 9.02.2002. Днепров Э. Д. Образование и политика. Новейшая политическая история российского образования. – Т. 1- 2. – М.: без изд., 2006. - Т.1 – 536 с., т.2 – 520 с.

Днепров Э.Д. Три источника и три составные части нынешнего школьного кризиса. – М.: Яблоко, УРАО, 1999. – 63 с.

Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. – М.: Интерпракс, 1994. – 248 с.

Днепров Э.Д. Школьная реформа между «вчера» и «завтра». – М.:РАО, ФИПО МО РФ, 1996. – 719 с.

Дорский А.Ю. Правовое обеспечение PR. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 208 с.

Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. - 892 с.

Лысенковщина в образовании / Сост. П.С.Иванов. – М.: без изд., 2002. – 82 с.

Минаев С. ДУХLESS. Повесть о ненастоящем человеке. – М.: АСТ Москва, 2006. – 346 с.

Молодцова В.Н. Простая математика. Почему нет доверия к выборам в академическое сообщество? // Учительская газета. – 17.04.2007).

Молодцова В.Н. Уставные отношения. За учеными будут наблюдать. В открытую» // Учительская газета. – 10.04.2007).

Новое педагогическое мышление /Под ред. А.В.Петровского. – М.: Педагогика, 1989. – 280 с.

Особенности влияния информационных потоков на детей и молодежь: Метод. пособие. – Липецк: Липецкий госпедуниверситет, 2003. – 196 с.

Последний отсчет. Академия образования – ее настоящее и будущее? (по материалам СМИ). – М.: без изд., 2007. – 32 с.

Реформа против образования (по материалам СМИ) / Сост. Э.Д.Днепров, А.Г.Аркадьев. – М.: без изд., 2005. – С.418-427.

КОММЕНТАРИЙ

В.П.Борисенков

Как переписать чёрный пиар: утешение для обиженных средствами массовой информации

Мы с интересом прочли составленное Н.Д.Никандровым методическое пособие, обнародованное им на сайте РАО под названием "Черный пиар: пособие для журналистов, читателей и слушателей", и нашли его весьма поучительным. Оно тем более ценно, что само представляет собой образец этого жанра и характеризуется симптомами, которые автор излагает в конце своего эссе, избыточными выдержками из художественных произведений, латинскими цитатами, портретными зарисовками оппонентов и всякого рода сентенциями.

Поясним суть дела.

В последние годы всё яснее проступает, как бы это сказать помягче, уникальное сочетание некоторой аморфности направления и стиля работы Н.Д.Никандрова, занимающего уже более двух пятилеток место президента РАО, с его же непреклонностью в проведении лично значимых для него решений. Члены академии и журналисты неоднократно выступали публично с не всегда приятными

для президента РАО оценками этой стороны его деятельности. Раньше это называлось критикой. Теперь в арсенале критикуемого появился презрительный синоним – "чёрный пиар", с ходу отметающий вероятность обсуждения ставших известными фактов и возникающих в связи с этим вопросов. Следуя критериям автора пособия, чёрным пиаром сегодня можно было бы назвать многое, вышедшее из-под пера Л.Н. Толстого, В.Г.Короленко, В.Г.Белинского. Случалось выступать в этом жанре и А.С.Пушкину, которого автор пособия хотя и не оставил без внимания, но, на наш взгляд, не воспользовался в должной мере его наследием как раз в том жанре, которому посвящено "Пособие". Через века звучат незабываемые строки:

В Академии наук заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что <----> есть.

Во избежание недоразумений заметим, что стихи датируются 1835 годом.

А вот ещё – тоже пушкинское – об Аракчееве: "Полон злобы, полон мести, без ума, без чувств, без чести". И совсем уже черным-черно – о новороссийском генерал-губернаторе графе М.С.Воронцове, имевшем материальный интерес в операциях Одесского порта:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Недалеко ушёл и М.Ю.Лермонтов. Вот послушайте: "А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...". Прямое обращение к определённой группе лиц, и какое неделикатное! О фактах не сообщается, зато сколько эмоций! Появление подобных стихов автор обозреваемого нами пособия наверняка приписал бы "человеческой злобе, ненависти, зависти" – тем качествам, которыми он наделяет своих оппонентов.

В нашем случае чёрный пиар – всё, что не нравится засевшим в президиуме РАО всерьёз, а вот надолго ли – зависит от порога терпимости академического сообщества к ... как бы это сказать, к их не всегда образцовому... нет, не поведению вообще (Бог им судья), а отношению к порученному им делу, которое не только их, но и наше. Понимаете, почему надо выражаться поаккуратнее? Чтобы не попасть в зоилы и геббельсы, завистники и собаки, которые лают, в то время как караван, ведомый Никандровым, идёт себе и идёт. На собак плюет, как, собственно, и положено животным, несущим тюки на своих горбах. Что в тюках и куда идёт, как говорят, не наше дело.

Странно, однако, почему так мало геббельсов насчитал наш автор. И всего-то Э.Д.Днепров, В.П.Борисенков, А.Веймарн, В.Н.Молодцова. Не удержусь от латинской поговорки. Она в нашей небольшой статье единственная: *sapienti sat* (умному достаточно)! Тоже хочется показать свою учёность. В "Пособии" латинских текстов в семь раз больше.

Нашему автору много не надо, достаточно "конкретно ссылаться на эти немногие источники". Так, конечно, безопаснее, но ведь могут обидеться зоилы, обойдённые вниманием. Кто под никандровскую зубодробилку не угодил, тот не попал в историю, которая, надеемся, не забудет написанное нашим автором пособие.

Напомним о тех текстах, из которых автор пособия взял свои цитаты. Создаётся впечатление, что его оппоненты никаких аргументов кроме ругательств и никаких фактов за душой не имеют. Это, опять же мягко говоря, не соответствует

действительности. Никандров не реагирует на утверждения, не опровергает факты, представленные на обозрение его оппонентами. Впрочем, будем справедливы. Не совсем так! Одно утверждение он предлагает проверить, так сказать, *de visu*: "Что я ношу ботинки с почти женскими каблуками и даже крашу губы". Ладно, пусть желающие определяют, правда ли, что наш герой ходит, как написано в статье, "с крашеными в рыжину редкими прядями волос, с подкрашенными бровями и даже губами, на высочайших, почти женских каблуках". Это не интересно. Лучше приглядимся к более важному – к фактам, о которых в "Пособии" ничего не сказано.

Итак, обратимся к текстам, из которых автором пособия вырваны отдельные эмоционально насыщенные слова. Придётся несколько утомить читателя, но уж потерпите.

Вот пример "отсекания" автором ненужной информации. В этом грехе он упрекает В.Н.Молодцову. Сам же никак не реагирует на следующий фрагмент её статьи в "Учительской газете":

"На собрании присутствовали 86академиков, столько же раздали бюллетеней, столько же обнаружили в урне для голосования. Об этом и о количестве голосов, отданных за кандидатов, доложил Общему собранию с высокой трибуны председатель счетной комиссии. Однако обнаружилось, что при 86голосовавших общее количество поданных в целом голосов «за» стало равняться 115. Кого это вообще не смутило, так это президента Никандрова. Много раз подряд он предлагал утвердить итоги голосования. Напрасно все те, кто знаком с математикой в объеме начальной школы, доказывали с цифрами в руках, что такое утверждать нельзя. Николай Дмитриевич упорно стоял на своем" (В.Н.Молодцова. Простая математика//Учительская газета, № 16 (10149),01.04.2007). Вот это, наверное, главное – стоял на своём вопреки очевидности и доказательствам каких-то там неэлитных академиков. Не прошёл мимо того, что его обижают (в начале пособия – длинный список обидных слов и выражений), но не заметил, как оскорбил целое собрание. И другую публикацию на ту же тему не удостоил вниманием: "...стало притчей во языцех памятное голосование на выборах в члены академии, прошедших весной этого года. Подсчет голосов был поистине анекдотический: в одном случае из 86 принявших в этом деле участие проголосовали 115, то есть 133%!"(В.В.Краевский. Интервью газете "Московские новости", № 46, 23.11 – 29.11.2007).

Обошёл наш автор молчанием и то, о чём говорилось в суперделикатном, в сущности предсмертном, обращении академика РАО А.И.Пискунова к Общему собранию РАО 2005 года: "... почти ежедневно публикуются статьи в прессе, предлагаются и обсуждаются различные проекты реформы образования, не остаются в стороне радио и телевидение - и только почти не слышно голоса Российской академии образования... И в повестке дня нынешнего Общего собрания РАО вопрос о состоянии образования в России и проектах его реформы опять отсутствует".

"Академия и, прежде всего, Президиум не могут оставлять без внимания негативные явления в науке: в Интернете официально предлагается написание диссертаций и монографий, гарантируется успешная защита; подобные «услуги» предлагают различные «фирмы», полуофициально действующие при научных библиотеках. Игнорирование всего этого невольно бросает тень на добросовестных представителей науки и открывает путь в нее недостойным людям. Все об этом знают, пишут в пособиях для соискателей степеней, но никто ничего не делает, чтобы прекратить эту вредоносную практику. Может быть, РАО поставит данный вопрос перед ВАКом, если там об этом действительно не знают? Или перед Министерством образования и науки?"

"Особое внимание привлекают кандидаты, выдвигаемые академиками РАО и ее научными учреждениями. В этой связи бросается в глаза кандидатура

Б.П.Мартиросяна, выдвигавшегося уже в прошлом году. Сомнения вызывает уже сам его путь в науку. С 2000 г. он является зам. президента по административно-финансовым (хозяйственным!) вопросам... В том же 2000 году он защитил кандидатскую диссертацию «Формирование у младших школьников познавательной активности в учебной и внеучебной деятельности», которая выполнена, как написано в автореферате, уже в Институте семьи и воспитания на кафедре (?!) гражданского воспитания (в этом институте кафедр нет, а есть лаборатории) под руководством доктора философских наук Г.Н.Филонова, который на собрании РАО в апреле 2004 г. публично заявил, что он был не руководителем, а оппонентом, - в автореферате же оппонентом значится Г.Н.Волков... В дальнейшем направление научных изысканий Б.П.Мартиросяна резко изменяется, и в октябре 2003 года он защищает докторскую диссертацию «Теоретические основы и технология оценки инновационной деятельности школ», выполненную в Институте общего среднего образования, но представленную в Самарский педагогический университет. В качестве оппонентов были приглашены специалисты из далекого от Самары города Сочи и из Москвы, которые данной проблематикой вроде бы никогда не занимались. Из 14 работ по теме диссертации 10 опубликованы в год защиты. Две трети публикаций - в ведомственных изданиях.

Вызывает удивление, что все эти странности не вызвали вопросов ни в диссертационных советах, ни в экспертном совете ВАКа, а доктор педагогических наук Б.П.Мартиросян уже в феврале 2004 года группой уважаемых академиков, правда из других отделений РАО, был выдвинут кандидатом в члены-корреспонденты по Отделению философии образования и теоретической педагогики.

... Создается впечатление, что кому-то и почему-то надо, чтобы это избрание произошло. О том, что здесь задействован «административный ресурс», свидетельствует удивительно единодушное голосование «за» всех пяти членов экспертной комиссии, изучавших дела соискателей...".

Как-то не вяжется это обращение А.И.Пискунова с определением, данным Никандровым своим оппонентам, которые у него и "геббельсы", и "собаки, подымающие вечно лай", и монстры, исполненные "человеческой злобы, ненависти, зависти".

Пусть читатель сам рассудит, гнусная ли клевета, чёрный ли пиар – приведенный выше текст, или "крик души", как определил его сам Алексей Иванович в завершающей строке своего обращения к Собранию, оказавшегося его последним выступлением на этом свете. Особенно впечатляет пассаж автора пособия насчёт зависти. Чему и кому завидовать?! Уж не Никандрову ли, обрушивающему на читателей и слушателей большие охапки фраз на разных языках вместе с синхронным переводом, что может быть как признаком учёности, так и симптомом тяжёлого комплекса неполноценности? Ему остаётся реагировать не на критику – возразить ведь нечего, а на тон, принятый критикующими. В этом отношении А.И.Пискунова упрекнуть было невозможно. Поэтому и критики как бы не было, и об этом обращении в пособии не упоминается.

Почему бы не предположить, что люди выступают, болея за дело, что они руководствуются не личностными амбициями и пристрастиями, но интересами дела? А дело это для настоящих патриотов – полноценное образование и просвещение народа. Такое предположение, однако, лежит за гранью понимания тех, для кого подобная мотивация – не более чем либеральные благоглупости, и нет на свете ничего, кроме личностных отношений, личного успеха и того, что за ним тянется. А образование и прочее – как-нибудь перебыются. Как говорят французы, *du reste on s'en fout* (на остальное начхать). Извиняюсь перед читателями, что в данном случае щеголяю знанием языка – наверное, из зависти к автору пособия.

Но продолжим сюжет. Восстановим контекст, из которого Никандров отбирает цитаты. Вот, например, чем закончилась эпопея продвижения его избранника в академики:

"Чего, например, стоит нынешний заместитель президента РАО, а проще говоря, ее завхоз Борис Мартиросян, с которым Никандров, как свидетельствуют многие члены академии, постоянно проводит время в казино. Трижды Никандров выкручивал академии руки, чтобы избрать его в члены-корреспонденты, пока, наконец, путем явной фальсификации выборов на глазах у членов академии не добился своего"(Андрей Веймарн.. Последний отсчет/ Политичекий журнал. 2007, № 9-10).

Подробнее об этом – в интервью В.В.Краевского корреспонденту газеты:

" Процесс начался в 2004 году и продолжался три года. Кандидат, главным достоинством которого, по словам выступавших на его стороне, было "умение решать финансовые вопросы", дважды потерпел поражение на выборах, а в 2006 году был всё же объявлен избранным в члены-корреспонденты РАО, несмотря на то, что по положению о выборах, он не набрал необходимого количества голосов (50% + 1 голос). Когда вопрос о нарушении положения был поднят на заседании Общего собрания, привыкший к безнаказанности Никандров пошел на прямой обман его участников, процитировав то место в тексте устава, где речь идет не об избрании новых членов академии, а о выборах членов Президиума РАО, где действует другое правило" (Екатерина Рожаева. Рассадник косности/ Московские новости. № 46. 23.11.– 29.11.2007)

Из интервью бывшего генерального директора Смольного университета А.Н.Мигунова другой газете:

"– Вы, наверное, знаете, благодаря кому университет оказался в руках у Иманова? – Разумеется, знаю. Благодаря президенту Российской академии образования Никандрову. Именно его стараниями был изменен устав университета, введены новые собственники и назначены новые руководители вуза. Подозреваю, что такая акция имеет под собой финансовую основу. Мне в свое время предлагали за продажу вуза 10 миллионов долларов наличными (Игорь Корольков. Черные дипломы. Продолжение расследования//Новая газета. 2006 г., 3 августа. № 58).

И ещё о делах финансовых.

"Научные сотрудники РАО получают зарплату меньше четырех тысяч рублей. Позаботиться о сотрудниках, как это делается везде, руководству недосуг. Зато, когда в начале прошлого года президиум стал распределять материальную помощь, она досталась не научным сотрудникам и не работникам аппарата. Выдали ее сами себе "наиболее нуждающиеся": зампрезидента по административно-хозяйственной части, сам президент и еще несколько начальников из его ближайшего окружения"(Екатерина Рожаева. Рассадник косности. //Московские новости. № 46 (23-11 – 29.11.2007)

Вот и восстановлен, хотя бы частично, контекст, из которого вырывает наш составитель пособия свои цитаты.

Теперь вернёмся к тексту самого пособия и посмотрим, соответствует ли оно "признакам, по которым с большой вероятностью диагностируются подобные "казусы", то есть признаки "чёрного пиара". Конечно! Всё в "Пособии" есть: и "зубодробительность" (чего стоят аналогии с речами Гитлера и Геббельса, с собачьим лаем, упоминание о свинье по имени Хавронья и т.п.), и "перегруженность эмоциями", и тем более – "вырывание цитат из контекста", "комментирование не текста, а вырванной из контекста цитаты", и "критика человека, а не его дела", и "намеренное отсекание "ненужных" источников". Это, впрочем, повышает ценность "Пособия" – оно само являет собой яркий образец "чёрного пиара" и в этом смысле даёт пример реализации принципа наглядности.

А теперь предлагаем тест на правдивость – несколько простых вопросов типа "да – нет" обиженному СМИ автору:

– Было ли при 86 голосовавших отдано 115 (133%) голосов за одного из кандидатов? Настаивал ли президент РАО на утверждении этого результата?

– Ставила ли когда-либо РАО, многие члены которой являются членами ВАК, а её президент – членом Президиума этой высшей комиссии, вопрос о недопустимости изготовления на заказ фальшивых диссертаций? Предлагала ли меры борьбы с этим злом?

– Существует ли в Институте семьи и воспитания кафедра гражданского воспитания?

– Не обманул ли Н.Д.Никандров Общее собрание 2006 года, сославшись на правило, не относящееся к избранию новых членов академии, чтобы непременно добиться избрания Б.П.Мартиросяна в члены-корреспонденты РАО?

– Выступал ли когда-либо Б.П.Мартиросян, будучи членом Президиума РАО с 2002 года, по научным вопросам, и если да, то по каким?

– Неужели правду пишет "Учительская газета" в информации о последнем Общем собрании РАО: "...в зале сидели люди, которые нередко пишут диссертации за других" ("Учительская газета", № 14 (10199) от 01.04.2008)? Вопрос наивный, но всё же, всё же: если это правда, как можно терпеть разговоры таких людей о нравственности-духовности? И вообще, как терпеть ЭТО в своих рядах? Академия всё-таки, и не чего-нибудь, а образования!

– Выдавал ли президент РАО Н.Д.Никандров материальную помощь себе и своему ближайшему окружению?

Вопросов, пожалуй, достаточно. Даже слишком много. Учитывая значение занимаемой Н.Д.Никандровым должности, достаточно ответа хотя бы на один из них, чтобы можно было составить мнение о его праве рассуждать о "нравственном аспекте". Но, пожалуй, не надо углубляться в эти дебри, иначе могут возникнуть ещё более неприятные вопросы.

Лучше помечтаем. На сайте РАО малозначительные личности, вроде академиков РАО поэта Андрея Вознесенского или известного всей стране учёного-педагога В.В.Краевского заняли небольшое место – всего несколько строк. Зато достижениям Б.П.Мартиросяна и немногих других посвящены целые страницы. В уголке академика РАО Н.Д.Никандрова, кроме вышеуказанного пособия (22 страницы), можно ознакомиться с тремя его интервью, из которых два – в звукозаписи.

А что, если разместить на том же сайте скромный труд, который вы только что прочитали? Это был бы тест на терпимость к критике.

***

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АКАДЕМИКА РАО Г.Н.ФИЛОНОВА НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ РАО 23 ДЕКАБРЯ 2008 ГОДА

«...Очень кратко хочу сказать по поводу кандидатуры Бориса Пастеровича Мартиросяна. Я вчера на отделении подробно выступал по этой кандидатуре, а сейчас скажу следующее. Нам, дорогие друзья, надо несколько менять парадигму нашего мышления, наверно, имея в виду изменившуюся ситуацию в стране, изменившуюся ситуацию в положении государственной академической науки на сегодня. Менять в том направлении, что должностное лицо в Президиуме, являющееся заместителем президента и занимающееся административно-финансовыми проблемами только лишь как чистый хозяйственник выступает. Ничего подобного! Борис Пастерович создал ряд работ инновационного характера и, опираясь на эти работы, следуя своим позициям и убеждениям, он ведёт плодотворную научно-организационную работу в академии, выполняя важнейшие

функции, о которых я вчера говорил, координацию государственных структур, законодательных структур, финансовых структур, обеспечивая успешную деятельность академии, её материальное и финансовое положение. Без этого сегодня работать не может академия. Поэтому я поддерживаю и призываю поддержать кандидатуру Бориса Пастеровича Мартиросяна».

***

ТРУД-7, газета о семье и жизни, 16 апреля 2009

Позор Российской академии образования!

Наталья №22 от 22.02.2009 20:46; Аня №25 от 24.03.2009 19:10

Российская академия образования выбрасывает учителей на улицу

Мы, молодые учителя, были приглашены на работу в "Центр образования "Горки" РАО в августе 2006 г. Учредитель школы – Российская академия образования. На общем собрании коллектива 25 июня 2007 г. в присутствии академических сотрудников (Мартиросян Б.П.– зам. президента РАО и др.) было принято решение о ремонте заброшенного здания силами и за счет учителей, нуждающихся в жилье (есть протокол собрания).

Учителя в течение всего лета выполняли ремонт. Потом школа получала разрешение СЭС, Пожарной безопасности, паспорт БТИ. Но у академии другие планы. Выгоднее сдавать в аренду.

Мы с лета 2008 г. добиваемся документального оформления общежития. 18 ноября всем вручили уведомления о выселении.

Обратились в Суд. Суд проиграли вчера, т.е. 19 февраля. Было два заседания. Мотивация – организация общежития в сельской школе – превышение полномочий, пункты Устава школы (Устав был изменен без ведома трудового коллектива весной 2008г.). Один этаж здания отремонтировали, другой в разрушенном состоянии. Есть фото, много документов. Почему учителя привели в порядок разрушающийся этаж здания, работают в школе и не имеют права на проживание в жилом помещении? Хотя в трудовых договорах есть пункт о предоставлении комнат. Есть трудовое соглашение на выполнение кап. ремонта. Чеки о личных затратах, фотографии. Много разных документов. Обращались к Главе Ленинского района, Губернатору Московской области, к Президенту России, Депутатам областной и Государственной Думы.

Зарплата учителя в нашей школе повысилась с декабря, теперь молодые учителя получают 8-9 тысяч. В феврале месяце остаться на улице? Сейчас в академической школе не ведутся 3 предмета: музыка, информатика, география. Главная проблема в том, что в общежитии проживают 10 учителей, медсестра, зав. производства столовой, инженер.

Мы сумели сделать капитальный ремонт, работаем, сохраняя традиции учреждения, зданий на территории очень много. Но академия сдает все в аренду. Школа выглядит удручающе. Нет ни одной интерактивной доски. Хотя школа академическая.

Задолженность по зарплате составляет 2 миллиона. Теперь все спишут на кризис.

Дети не получают бесплатного питания, даже сироты.

Школе скоро 90 лет. Организовала школу Н.К.Крупская при поддержке В.И. Ленина. В СССР школа была очень известная "Школа в Горках". А сейчас школа – лакомый пирог в 16 га в 15 км. от Москвы. Интересы детей и учителей не интересуют никого. По уведомлению 18 февраля мы должны освободить занимаемые комнаты. Еще 28 октября зам.президента РАО Б.П. Мартиросян приезжал в школу и обещал в ближайшее время оформить общежитие. А 18 ноября прислал письмо и.о. директора о выселении учителей из общежития.

***

ИЗ ИНТЕРВЬЮ АКАДЕМИКА Е.П.ВЕЛИХОВА ГАЗЕТЕ «АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»,
№ 17 ОТ 22 АПРЕЛЯ 2009

Академики «мути»

– Вы стали академиком в 39 лет, Сахаров - в 32. А сейчас у нас в стране много академиков? Кроме вас и Жореса Алфёрова, на слуху как-то и нет имён.

– Понимаете, можно вытащить человека из трамвая и назначить его академиком. По сути, часто так и происходит. В итоге у нас есть такие «большие учёные», с которыми рядом сидеть стыдно. В Академии наук – своя мощная бюрократия. Если с ней не бороться, не контролировать, не разбавлять независимыми людьми, то по второму закону термодинамики это приводит к полному усреднению научной среды! В прежние времена молодые люди получали научные степени, участвуя в крупных госпроектах, а сейчас нередко выслуживаются на какой-то мути. В своё время всемирно признанный авторитет академик Лев Андреевич Арцимович поручил мне проект термоядерного синтеза и сделал меня своим... начальником. Бюрократия душист всё живое и в правительстве, и в промышленных корпорациях, и в науке.

***

CREDO

И хочу, и не в силах забыть

Это зыбкое, хрупкое кредо:

Лучше вовсе не жить, чем служить

официантом

у людоеда.

***

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Едва ли не самое трудное – достойно завершить это наше несистемно вымощенное бесхитростное повествование. Ничего другого не остаётся, как обратиться к опыту коллег. Ничего кроме, как себя же похвалить. Самые заметные персоны идут по пути самооценки. И то верно: если не я, то кто? Например, один хвастунишка, похваляющийся знанием языков, отменным здоровьем, самоотверженной защитой девиц от покушений, вырос в своём кресле до планетарных масштабов.

Не хочется отставать. Попробуем похвалить себя и мы. Причём сделаем это даже не своими устами. Искать признания в ближайшем окружении наивно. В другую сторону – это пожалуйста. Достаточно в этом окружении Хулителей.

А о добром мы узнаём издалека.

From: Kas Mazurek

To: Volodar Kraevsky

As for why a 'hero' – only a man of your great modestly could ask such a thing. It is not just your stellar academic accomplishments and your lifetime of duty to academia. It is your mentoring; your principled approach to scholarship, society and friends; your contributions to the elevation of human inquiry; your steadfast resolution to improve your country and society even in the face of personal risk; your integrity; your open and humanitarian heart; your insistence on seeing what is best in everyone and nurturing that; your absolute refusal to be corrupted or compromised; and, not the least, the steadfast friendship you have given me. (Indeed, it is arrogant for me to presume to call you 'friend' so casually – I believe words like 'sir', 'professor', 'mentor' and so on are much more suitable words to come out of my mouth; I feel honored to be in your company and to be held in respect and friendship by you – I am far from certain that I am worthy of such high

regard from a man like you who personally represents such Olympian standards in his own life).

If the idea is to leave the world a better place than we find, you fulfilled that duty decades ago.

Professor Kas Mazurek, Lethbridge University, Canada, October 1st, 2008.

That's it! – скажем мы.

***

Здесь бы и поставить точку. Если заключаешь – заключай! Но никак не сдаётся затянувшийся дискурс. Вырывается из рук и не может успокоиться. Высвечиваются новые сюжеты и требуют обсуждения.

Как-то вечером, в нерабочее время, звонят мне коллеги из большого волжского города. Чувствуется – отдыхают, расслабляются. Слегка возбуждены. Говорят лестные слова и среди прочего: "Володар Виктрович, вы наша совесть!". Вроде бы, только радоваться. Однако почему-то беспокойно на душе и чуть-чуть горько на языке.

Я им: "Что же вы вашу совесть держите так далеко от себя, за тысячу километров?".

Нет ответа.

Иисус Христос заповедал людям – будьте как дети. Друзья мои, "дети" и от совести не отказываются, и при себе держать её не хотят.

Семейная сцена на волжском пляже.

Заигравшиеся родители не заметили, как их малышка-дочь оказалась в воде. Греет солнышко, вода тёплая, приятно идти по песчаному дну. И пошла девочка от берега на простор речной волны. Опыта нет, не знает, что такое «утонуть». Вода подошла уже к подбородку, когда мамаша спохватилась и в последний момент ухватила дочку. Взрослому быть дитём неплохо, но и опасно.

После моего публичного отречения от должности, текст которого приведен выше, в коридоре потянулась очередь желающих пожать мою мужественную руку. Говорю: "Не надо меня поздравлять. Всего лишь сказал, что думаю. И вы, оказывается, думаете так же. Видите, вон трибуна. Зайдите туда и скажите хотя бы три слова – что, дескать, правильно человек говорит". – "Ну, что вы? Как можно? Кто же меня послушает? От нас ничего не зависит".

На колу мочало, начнём сначала (см. "Предупреждение").

Слово моё будет резкое,
Нелицеприятного свойства,
Если обычное человеческое
Смотрится как геройство.

Молодец, что за правду стоишь. Ну и стой. Мы же пока постоим в сторонке, посочувствуем.

Déjà vu. Салтыков-Щедрин всё такое описал в своей эпохальной «Истории одного города»:

«К довершению бедствия, глуповцы взяли за ум. По вкоренившемуся исстари крамольническому обычаю, собрались они около колокольной, стали судить да рядить и кончили тем, что выбрали из среды своей ходока – самого древнего в целом городе человека, Евсеича. Долго кланялись и мир. и Евсеич друг другу в ноги: первый просил послужить, второй просил освободить. Наконец мир сказал:

– Сколько ты, Евсеич, на свете годов живешь, сколько начальников видел, а все жив состоишь!

Тогда и Евсеич не вытерпел.

– Много годов я выжил! – воскликнул он, внезапно воспламенившись. – Много начальников видел! Жив есмь!...

...Через три дня Евсеич явился к бригадиру во второй раз, "но уже прежний твердый вид утерял".

– С правдой мне жить везде хорошо! – сказал он, – ежели мое дело справедливое, так ссылай ты меня хоть на край света, – мне и там с правдой будет хорошо!

– Это точно, что с правдой жить хорошо, – отвечал бригадир, – только вот я какое слово тебе молвлю: лучше бы тебе, древнему старику, с правдой дома сидеть, чем беду на себя накликать!

– Нет! Мне с правдой дома сидеть не приходится! Потому она, правда-матушка, непоседлива! Ты глядишь: как бы в избу да на полати влезти, ан она, правда-матушка, из избы вон гонит... вот что!

– Что ж! по мне пожалуй! Только как бы ей, правде-то твоей, не набезать на рожон!...

...Надели на Евсеича арестантский убор и, "подобно невесте, навстречу жениха грядущей", повели, в сопровождении двух престарелых инвалидов, на съезжую. По мере того как кортеж приближался, толпы глуповцев расступались и давали дорогу.

– Небось, Евсеич, небось! – раздавалось кругом, – с правдой тебе везде будет жить хорошо!».

Риторический вопрос: сколько можно наступать на одни и те же грабли?

Правильный ответ – бесконечно. Вот что говорили и писали умные люди в далёкие сороковые-пятидесятые годы.

--

Мир не находится под угрозой людей злых, а тех, которые допускают зло.

«Не бойся врагов – в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей – в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство» (Бруно Ясенский, писатель, расстрелянный в 1937 за «троцкизм»);

"Сначала они пришли за евреями. Я молчал – я не был евреем. Затем они пришли за социал-демократами. Я молчал – я не был социал-демократом. Затем они пришли за профсоюзными работниками. Я молчал – я не был профсоюзным работником. Затем они пришли за мной. Но уже не осталось никого, кто мог бы мне помочь" (пастор Нимёллер, прошедший восемь лет в нацистском концлагере.)

О совести, надо признать, приходится иногда слышать, хотя частота употребления этого слова резко идёт на спад, уже не первый год. Из-за неясностей, наверное? Что это за штука? Есть ли она вообще? И если есть, почему последнее время себя не проявляет или почти не проявляет?

Вопрос интересный. Стоит на нём немного задержаться. Обратимся к науке, мы к ней привыкли. Что она сообщает об этом расплывчатом предмете? Одно из определений: совесть – индивидуально принимаемая и осуществляемая внутренняя ответственность за себя перед людьми и перед собой, "механизм" связи человека и среды, "судья последней инстанции" в споре желаемого и действительного, посредник в борении страстей.

Увы, и здесь нет ясности. Внутренняя ответственность перед собой или своей референтной группой есть в той или иной мере всегда. Без "механизма связи" дело в любом случае не обходится. И уж конечно, у каждого индивидуума, независимо от того, есть у него совесть или нет, это всё "индивидуально принимается". Это,

наверное, как беременность. Нельзя быть "немного беременной". Так и совесть – или она есть, или её у данного индивидуума нет.

Казалось бы, "освободить" человека от совести, если она уж она у него есть, нельзя. Но жуткая история прошлого века, с которой моё поколение столкнулось нос к носу, показала, что можно обстругать человека до неузнаваемости. Среди немцев, не так давно обладавших репутацией сентиментальных мечтателей, к середине прошлого века объявился мессия, чтобы освободить их от "химеры совести". Его подручные старались не отставать: " Убивайте, убивайте, как можно больше убивайте. Не вы несёте за это ответственность, а я". Поначалу получалось. Мир обошли фотографии смеющихся молодцов на фоне повешенных. В ходу было мыло, сваренное из трупов узников концлагерей.

Однако нашлись среди тех же немцев чудом сохранившие совесть уроды, которым это не нравилось. Конечно, в подавляемом меньшинстве, которое было мишенью для подавляющего большинства.

Совесть злобно кусает уroda.
Он не знает, деваться куда.
Как же зло пошутила природа,
Врезав глупое чувство стыда!

Когда войну проиграли, меньшинство, на первых порах не без посторонней помощи, стало большинством, уже не уродливым. Государственных преступников стали почитать как героев. Пригласили евреев на место изгнанных и уничтоженных. Если и есть сторонники возвращения на прежние места изваяний вождя или главаря его опричников, то в Германии они помалкивают. "Майн кампф" – библию нацистов-тоталитаристов можно приобрести, но не в стране её автора, где сомнение в массовых репрессиях – уголовное преступление. Вернулась Совесть. Нация покаялась, хотя среди раскаявшихся почти уже не было лично совершавших зверства. Сказавшего "Нам не в чем каяться" обходили бы за версту как сумасшедшего. Раскаяние – очищение. Отказ от раскаяния – новые пласты грязи.

Совсем недавно мир был свидетелем «чудесного» излечения тяжелой болезни – расизма и водворения совести в том уголке души, где он лютовал. Там, где по историческим временным меркам ещё вчера процветали суды Линча, а чернокожим запрещалось садиться в один автобус с белыми, президентом страны избрали как раз представителя этого этнического меньшинства. Слово "чудесного" поставлено в кавычки потому, что на самом деле это не чудо. Понадобилась трудная, постоянная, массовая работа по осуждению расизма на всех уровнях и во всех общественных и государственных учреждениях, в науке и искусстве, наконец, в быту, чтобы «чудо» свершилось. Но главное – в школе. Новое поколение избирателей получило образование, свободное от следов ксенофобии – чумы двадцатого века. Может быть, это намёк на то, чем нам предстоит заняться в только что начавшемся новом тысячелетии? А может быть, уложимся в одно двадцать первое столетие? Но вот беда – вряд ли это услышит человек, сидящий перед телевизором с парализованной душой. Всё зависит от числа таких сидельцев и их настроения.

Благодарность Егору Гайдару
от телезрителей
Реаниматор сделал своё дело.
Очнулся пациент, с колен привстал,
И по традиции народной, оголтело
Спасителю с размаху в морду дал.
Но как бы то ни было, а существует нечто, по старинке называемое Совестью.

Иначе с чего бы это сухого немца Иммануила Канта повело на прекрасные и, несомненно, искренние слова: "Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением, и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне".

История, великая насмешница, вершит свой шабаш над его усыпальницей в Калининграде:

Калинин и Кант были разные люди.

Давайте мы сравнивать их и не будем.

История дракам и глупостям рада.

Лежит Кант в пределах Калининграда.

У Михаила – Иммануил.

У чистого разума нет больше сил.

Стариков тянет поучать тех, кому ещё не стукнуло столько, сколько им самим. В моём случае столько – это восемьдесят три года.

«Послушай, я умный вещь скажу».

Совесь прячется где-то до поры и не очень беспокоит. Но с годами больше и больше терзает незавершённость дел и мыслей, невозможность отыграть результат. Уже нет времени сделать недоделанное. Совесь, как дырявый зуб, ноет всё сильнее. Является она в ночных кошмарах, в запоздалом раскаянии. Раскручивает список обид, нанесённых близким и далёким. С ума сводит то, что в одну сторону идёт время и ничего нельзя поправить. Не успокоишь, не приласкаешь тех, кому ты не дал вовремя душевного тепла. Их нет, но они не ушли, остались в тебе, живые. Временами хочется, чтобы всё и всех быстрее унёс ураган, и самого тоже.

И это при том, что вроде бы и слово никто не вспоминает, выпало оно из современного обихода. Употребляется разве лишь лекторами-проповедниками, позиционирующими себя как специалисты по воспитанию. Великий шум поднимают они в роли борцов с корыстолюбием: «Подумать даже страшно, что будет, если все возьмут себе за образец нравственности и поведения эти, с позволения сказать, ценные советы». А речь идёт всего лишь о шуточных стихах, в юмористической форме восхваляющих деньги. В той же педагогической проповеди – намёк на кары, ожидающие вольнодумцев, работающих в развращающем молодежь направлении. В виде дубинки идут в дело слова Иисуса Христа: «... кто соблазнит одного из малых этих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской (Мф. 18, 6) ». Ну что же, с этим проблем нет. Желающих топить малых сих хоть отбавляй.

В реальности такие моралисты не брезгают никакими прибавками к жалованию, а лекции о нравственности и совести могут прочитать без запинки, ни разу не испытав на себе ни того, ни другого. Неизвестно, почему у одних совесь есть, а у других отсутствует. Даже "на вскидку" видно, кто с ней по жизни мучится, а кому без неё легко и просто. Вот наугад несколько имён. Из одного гнезда – национального, географического, профессионального, карьерного почему-то выходят люди, противоположные по признаку наличия или отсутствия того, о чём идёт речь. Вот вразбивку десять имён. Задание – построить их парами противостоящих друг другу по этому признаку. Подсказывать не будем. Фамилии идут в алфавитном порядке: Н.Вавилов, А.Гитлер, И.Джугашвили, Т.Лысенко, Н.Никандров, М.Мамардашвили, М.Скаткин, Г.Филонов, А.Швейцер, А.Н.Яковлев. Интересно, получится ли у читателя симметрия – пять пар, и в каждой, по его усмотрению, чёрное и белое? Или везде – серое?

Когда перебираешь по ночам каждый из тридцати тысяч с гаком трудно прожитых дней, получается, что эта "индивидуально принимаемая" и есть твой мучитель и

терминатор. Можно ли совесть "индивидуально не принимать"? Можно. Но это послабление - не для всех. Меня совесть не спрашивает, принимать или не принимать. Сначала она являет себя по временам несильной ноющей болью, с годами растёт и, в конце концов, поглощает человека. Никакой мистики. Просто появляется линейка для измерения разных частей человечества, так сказать, "социальных единиц". И вот вырисовывается нечто, о чём под занавес говорить неуместно. Может быть совесть – социальный инстинкт, встроженный в человека ради выживания человечества? А может быть, что-то ещё более высокое?

Неужели бог? И совесть приходит извне, чтобы вселиться в нас?

Память, прокручивая свой автобиографический ролик, подкладывает картинку о посещении Ясной Поляны. Зелёная лужайка в лесу, и в середине – прямоугольный холмик. Ни креста, ни памятника, ни портрета. Это лишнее. Все знают – здесь покоится Лев Толстой, праведник, отринутый православной церковью. Пленник и жертва Совести.

А вот это – по телевизору. В пышном соборе, в позолоченных рясах, с золотыми крестами на животах, священнослужители, совершающие византийский ритуал в компании светского начальства, держащего свечи в трепетных руках.

Чувствуется разница?

Сомненье прорастает вдруг,
И очень неуютно с ним.
Вот Совесть – это что? Недуг?
Или для бога псевдоним?

Этот вопрос – вопрос, а не ответ – и есть итог всего, о чём здесь написано. Остальное – подробности.

***

Ну вот, наконец, и конец. Во многих смыслах. Почтенный возраст – приют множества неудобств. Но есть и хорошее. Можно позволить себе не сливаться в рукопожатии с задушившими в себе душу – душегубами.

КОНЕЦ

[1] Крупный железнодорожный узел и посёлок в Мордовской АССР.

* (англ.)Покраснев, она робко вымолвила: Это место свободно?

Вошла пожилая пара, надлежащим образом разъярённая.

· Сексот – секретный сотрудник. По сексуальной ориентации обычно принадлежит к натуралам.

* Напомним, что описанное относится к 1985 году. Сегодня, вероятно, во многих случаях глаголы надо было бы употребить в прошедшем времени.

[2] Признаки экстремизма: «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина... публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением» (Федеральный Закон №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», с поправками от 29 апреля 2008 г.).

* Ныне он академик РАО. Настолько полюбился начальству.

* Константи́н Влади́мирович Родзае́вский (11 августа 1907— 30 августа 1946 — лидер Всероссийской фашистской партии, созданной эмигрантами в Маньчжурии. Он пытался подражать Бенито Муссолини; символом движения стала свастика. Родзаевский подчёркивал схожесть идей фашизма и национал-большевизма:

«Я взывал к неизвестному лидеру, ...который может свергнуть еврейское правительство и построить новую Россию. Я не видел такого лидера, но волей судьбы и своим гением, гением миллионов трудящихся, товарищ Сталин, вождь всех людей, стал таким лидером».

При въезде в СССР Родзаевский был арестован и перевезён в Москву. Был приговорён к расстрелу и расстрелян в этот же день.